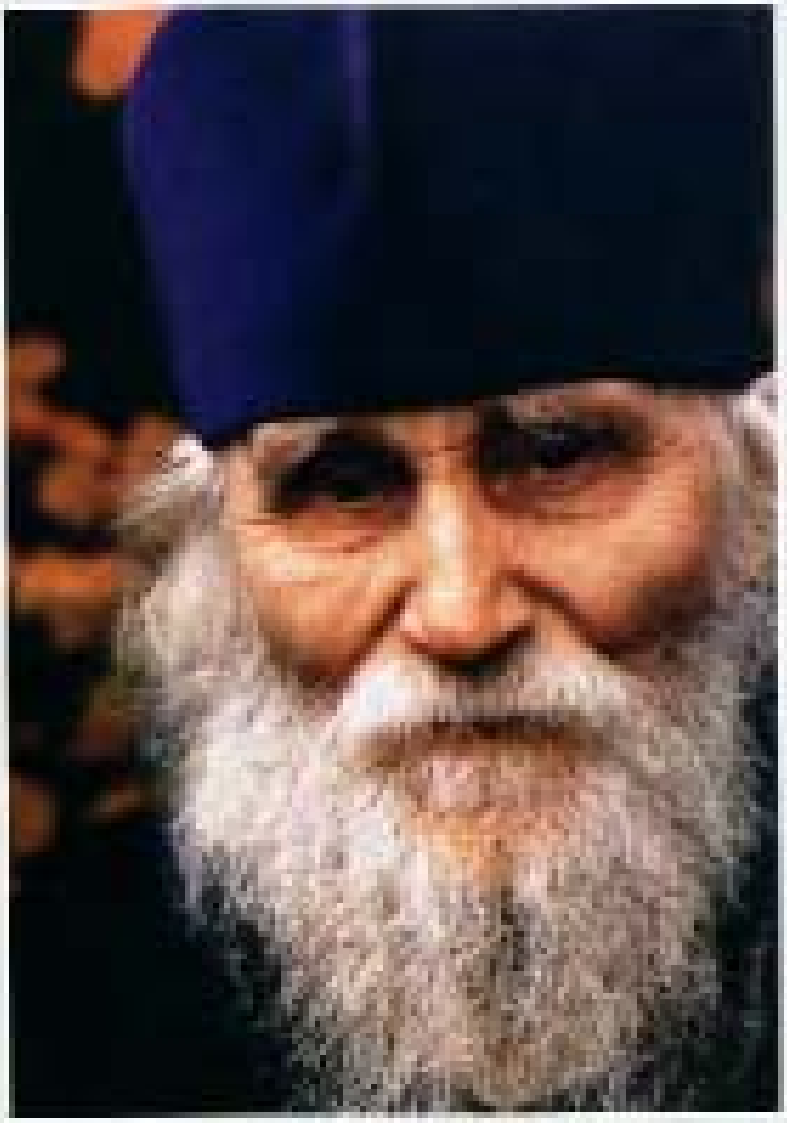


ОСТРОВ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

Протоиерей Николай Гурьянов

По благословению
Высокопреосвященнейшего митрополита
Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

ПОДВИЖНИКИ СВЯТОЙ РУСИ

ОСТРОВ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

Протоиерей Николай Гурьянов

Санкт-Петербург
•
ЛАДАН
•
ТРОИЦКАЯ ШКОЛА
•
2008

ББК 86.372
УДК 271.2
О-77

Издатели выражают благодарность фотографу Людмиле Ивановой за предоставленные фотографии

Составитель: Л. А. Ильюнина
Редактор: Н. И. Никонов

О-77 Остров Божественной любви : Протоиерей Николай Гурьянов / [жизнеописание старца Николая Гурьянова]. – Санкт-Петербург : Ладан: Троицкая школа, 2008. – 448 с. : ил. — (Подвижники святой Руси).

ISBN 978-586983-038-8
«Каталогизация перед публикацией», РНБ

Островом Божественной любви был на протяжении нескольких десятилетий не только клочок суши среди Псковского озера, но и сам батюшка – старец Николай Гурьянов.

Свидетельства о помощи старца сотням людей содержатся в воспоминаниях, собранных в этой книге. Большинство воспоминаний публикуется впервые.

Предваряет книгу пространное жизнеописание, составленное на основе всех существующих в настоящее время биографических источников.

ББК 86.372

ISBN 978-586983-038-8

© Издательство «ЛАДАН», 2008
© Издательство «ТРОИЦКАЯ ШКОЛА», 2008
© Ильюнина Л. А., составление, 2008

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА

ГОДЫ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Протоиерей Николай Алексеевич Гурьянов родился 24 мая 1909 года (по иным сведениям — 26 мая 1910 года) в селе Чудские Заходы Гдовского уезда Санкт-Петербургской епархии. По преданию, Гдов, в просторечии Вдов, был уделом вдовствующей княгини Ольги. На этой поистине многострадальной земле почти никогда не прекращалась война. Помнит Гдовщина дружины святого Александра Невского и Иоанна Грозного, Петра Первого и героя Бородина графа П. П. Коновницына. Боевые стены Гдовской крепости окружают главную святыню — собор во имя иконы Божией Матери «Державная». Это первый храм на Руси с таким посвящением, построенный после 1917 года. Он возведен на фундаменте храма XVI века, взорванного в 1944 году. Погибший храм был освящен в честь покровителя воинов — великомученика Димитрия Солунского. Путник, нашедший дорогу в Гдовскую крепость, проникается видом глубокой таинственной древности всей этой земли.

Господь судил великому духовному ратоборцу двадцатого века старцу Николаю Гурьянову родиться именно в том месте, где испокон века решалась судьба нашего Отечества. Село Кобылье Городище, где стоял храм, в котором крестили будущего старца и с которым связаны годы его детства и юности, особенное в истории

Руси. Неподалеку отсюда произошло знаменитое Ледовое побоище.

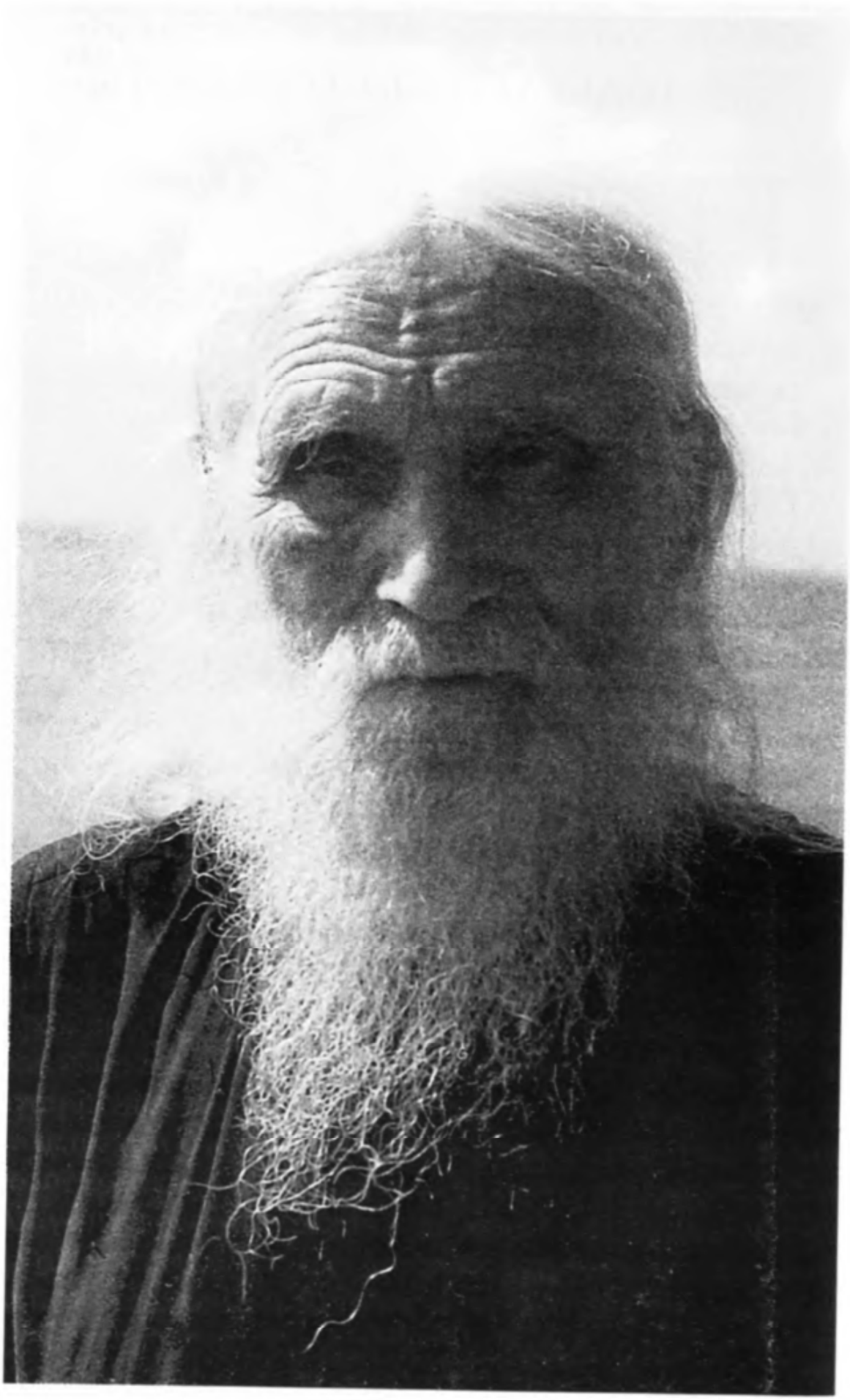
Церковь в честь Архистратига Божия Михаила в Кобыльем Городище была построена в 1462 году. Предание гласит, что именно Архангел Михаил покровительствовал в сражении ратникам Александра Невского и что именно он помог им, рассеявшимся по окрестностям, на следующий день после битвы собраться воедино и дружно двинуться в Псков.

С раннего детства Коля Гурьянов прислуживал в алтаре в историческом храме Михаила Архангела. В 1910 году епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургской епархии, был будущий священномученик — митрополит Вениамин (Казанский). Фактически, он заменил мальчику отца, который умер, когда Коле было всего лишь пять лет. По воспоминаниям старца, записанным близкими людьми, митрополит часто бывал в семье Гурьяновых и даже останавливался у них на ночлег. Прислуживая Владыке за богослужениями, мальчик впитывал в себя духовную мудрость и мужество святителя, и однажды услышал от него: «Какой ты счастливый, что ты с Господом...» — и получил в благословение архиерейский крест, который потом всю жизнь хранил как величайшую святыню.[1]

Слова митрополита Вениамина были напутствием на долгий путь. Всю жизнь, во всех

---

[1] Сведения о детстве и юности старца Николая взяты из книги схимонахини Николаи (Граян) «Жемчужины духа» (М., 2007).



ее испытаниях подвижник, угодник Божий Николай Гурьянов был с Господом — это было его счастьем, смыслом земного странствования, глубиной его внутреннего человека. И всю жизнь он нес крест молитвенного предстояния за многих и многих людей, подобный кресту архиерейскому.

Владыку Вениамина старец Николай чтил как наставника и особенно радовался его официальному прославлению в соборе святых и тому, что в главном Гдовском соборе после этого события один из приделов освятили в честь Священномученика Вениамина, признанного небесным покровителем гдовского края, то есть тех мест, где начиналась и где окончилась жизнь старца.

Уже в детские годы Колю Гурьянова называли «монахом». Духовные чада записали рассказ старца о его блаженном детстве: «Меня в детстве все "монахом" называли. А я рад, я действительно монах. Никого кроме Господа не знал и не искал... У меня своя келия была, так и называли: не комната, а келия. Иконочки везде стояли, молитвословы, книги духовные, огромные царские портреты. Однажды, когда красные бушевали, в окно влетел снаряд и упал возле царских портретов, но не разорвался: вот как меня Царские Мученики с детства хранили; а я как их любил! Даже сердце останавливалось, как только думал о них!..»

Среди детей, сверстников Коли Гурьянова, были не только те, кто насмехался над ним, но

и его единомышленники. Старец сам об этом рассказывал: «И что это было у меня? Все время о Господе думал, говорил и беседовал с Ним. Место наше, Чудские Заходы, больше эстонцами населенное. Так вот, еще мальчонкой соберу их всех — Луззи, Магда, Сальма, Эдвард — и говорю: "Давайте с крестным ходом пойдем!" Возьмем кресты, иконы. Так и ходили, а я впереди шел и пел на эстонском: "Иссэнт хэй да арму" — "Господи, помилуй"... А потом, когда оставался один, пробирался в баню, прихватывал с собой накидушку с подушек, покрывал ею плечи и начинал служить Литургию. Даже кадило сам делал. И плакал, славя Господа. Всегда любил ночную молитву, потому что среди ночи Небеса отверзаются и Ангелы внемлют...»

Но уже в раннем детстве дороже всего для юного подвижника было уединение. Старец рассказывал: «С детства любил я бывать на кладбище. Думал о смерти и будущем Суде Божием. Молился и плакал об усопших».

Главным воспитателем и духовным другом юного подвижника была его мама, которую он после ее блаженной кончины назовет святой. Она научила его молитве, научила постоянному предстоянию пред Господом. Об этом свидетельствует то, что уже в юные годы отрок часто вопрошал мать: «Мама, а это не грешно? Это Господу угодно?»

Екатерина Стефановна Гурьянова, в девичестве Крылова, была ангелоподобным человеком, как говорили те, кто встречал ее в годы

жизни на Талабском острове. Она одна подняла и воспитала четырех сыновей после ранней смерти мужа. Старец Николай часто вспоминал пророческие слова своего отца, однажды высказанные за домашней трапезой. Указывая на младшего сына, он сказал жене: «Вот этот тебя доглядит». Так и вышло — вскоре отошел в вечность сам Алексей Иванович, трое старших сыновей погибли «за други своя» во время Великой Отечественной войны.

Мать свою до конца дней старец называл ласковым словом «мамушка»: «Мамушка у меня была блаженная, разговоров не любила, больше молчала и беседовала с Господом мысленно, никогда с Евангелием не расставалась. Была очень религиозной и любила клиросное пение».

Но даже глубоко верующей матери было тревожно от того исповеднического настроения, которое ее сын стал проявлять в детские и юношеские годы, пришедшиеся на начало революционной смуты. Этот исповеднический дух был внушен Николаю Гурьянову Самим Господом.

По рассказу одной из первых помощниц старца Николая на острове — монахини Рафаилы, — однажды он сам открыл ей это: «В ранней юности, когда я направлялся на вечернюю встречу с друзьями, у гумна с пшеничным зерном я увидел сидящего Господа нашего Иисуса Христа... И Он мне сказал: "Никогда не ходи на гуляния!"» А далее матушка свидетельствует: «Батюшка был избран Богом с малых лет... С тех пор возлюбил он Крест Христов, и этой любовью как

святыней делился с друзьями». Добавим к этому, что в годы старческого служения на острове старец Николай часто в ответ на вопрос: «Как жить, чтобы спастись?» — пел или читал тропарь Кресту Господню: «*Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим*».

Существуют свидетельства о том, что в девятилетнем возрасте в день крестных страданий Царственных Мучеников ему было открыто (мы не знаем, как — во сне или в тонком видении) то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. В этот день мальчик встретил свою мать-молитвенницу Екатерину Стефановну со словами: «Мама! Мама! Царя убили! Всех! И Царевича! Страшно накажет их Господь, окаянных, что Царя загубили, всех накажет!» В последние годы своей жизни старец рассказывал, что тогда ему были открыты и страшные подробности мучений Царской Семьи. Потрясение от данного ему откровения породило в душе отрока любовь, благоговение и покаяние перед Царственными страдальцами, которые он пронес через всю свою жизнь, к чему призывал и приходивших к нему за советом уже на исходе лет.

Мама опасалась, что откровенные слова и мысли сына навлекут беду на всю семью. Зная его послушание, она попросила учительницу словесности Любовь Николаевну Микиткину (у батюшки сохранилась ее фотография, видимо, он ее почитал) поговорить с Николаем. В ответ на увещевания молчать юноша сказал: «Если все

будут молчать и никто не будет говорить о Боге, все умрут!» А учительницу просил: «Прошу вас, говорите о Боге и Царе. Вам, учителям, грешно молчать, и если вы не будете веровать, то будете тяжело болеть».

Это высказывание объясняет, почему Николай Гурьянов решил избрать для себя учительскую профессию и по окончании школы поступил учиться в Гатчинский педагогический техникум, а потом — в Пединститут в городе на Неве.

Вероятно, эта же учительница словесности заронила в душу юноши особую любовь к слову, к поэзии. С юных лет Николай Гурьянов записывал полюбившиеся ему стихи в особую тетрадку, которая потом стала основой его заветной книги, получившей название «Слово Жизни». В годы старческого служения на острове батюшка благословлял чаще читать детям хорошие стихи, ибо они «умягчают сердце». При этом прибавлял: «Некоторые стихи — как молитва, и человек, читая их, беседует с Господом, а потом полюбит саму молитву, его будет тянуть к ней, чтобы покаяться перед Творцом». Сам батюшка всю жизнь записывал свои молитвенные переживания в поэтические строфы, их он тоже включил в книгу «Слово жизни», о которой речь впереди.

Выскажем здесь одно предположение. В то время, когда Николай Гурьянов учился в Гатчине, еще была жива преподобномученица Мария Гатчинская, к которой за советом и утешением

притекали люди. Известно, что к матушке приезжал и духовный отец будущего старца — священномученик Вениамин. Потому думается, что, находясь в непосредственной близости к такой великой подвижнице (она приняла мученическую кончину в 1932 году), тот, кто с раннего детства старался «приникать к святости», обязательно побывал у блаженной старицы Марии. Может быть, получил от нее совет, как вести себя в атеистическое время. Сама матушка была исповедницей, к тому же подвигу привлекала и тех, кто с ней соприкасался.

Получая профессию учителя, Николай Гурьянов явно готовил себя к исповедническому служению. На это его вдохновил подвиг духовного отца — митрополита Вениамина (Казанского) и, как мы предполагаем, преподобномученицы Марии Гатчинской.

После мученической кончины святителя в 1922 году четырнадцатилетний Николай написал сугубую ектенью, которую он возносил Господу всю свою жизнь. В нотной тетради батюшки под этой ектеньей его рукою было написано: «Светлой памяти духовного отца Митрополита Вениамина. 1922 год».

ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПУТЬ

По словам старца, записанным духовными чадами, причиной его ареста было смелое слово защиты веры и поруган-

ных святынь. В конце двадцатых годов в городе, получившем имя главного революционера, стали разрушать храмы. Николай Гурьянов однажды оказался свидетелем этого святотатства и не мог смолчать: «Что вы делаете? Ведь это храм, святыня! Если вы не уважаете святого, поберегите хотя бы памятник истории и культуры и подумайте о Божием наказании, которое за это будет!»

Студента Гурьянова вскоре исключили из института. Это был 1929 год — начало особо яростной борьбы с «религиозной пропагандой». С 1929 по 1934 год Николай служил псаломщиком в церкви во имя святителя Николая в селе Ремда Середкинского района Псковской (тогда Ленинградской) области на родной Гдовщине и преподавал математику, физику и биологию в школе. Те пожелания, которые он когда-то высказал своей любимой учительнице, он сам стал исполнять на поприще учительского служения. И в 1934 году Николая Алексеевича арестовали. Начались мытарства: питерские «Кресты», потом еще три тюрьмы, лагерь.

По словам старца, неизвестный архиерей, встреченный им в тюрьме, сказал про него: «Сорвали цветок и втаптывают его в грязь...»

«Так было с нашей Святой Русской Православной Церковью, — говорил батюшка, всегда со слезами вспоминая страдания миллионов людей, — ее распинали». Теперь эти муки народа получили название «Русская Голгофа».

О тех страшных годах батюшка рассказывал только самым близким: «Люди исчезали и

пропадали. Расставаясь, мы не знали, увидимся ли потом. Мои драгоценные духовные друзья! Все прошло! Я долго плакал о них, о самых дорогих, потом слез не стало... Мог только внутренне кричать от боли... Ночью уводили по доносам, кругом неизвестность и темнота... Страх всех опутал, как липкая паутина, страх. Если бы не Господь, человеку бы невозможно вынести такое... Сколько духовенства умучено, архиереев истинных, которые знали, что такое крест, и шли на крест... Как они плакали, что все не сберегли Царя! На моем пути жизни я имел благодатных друзей... Идешь по снегу, нельзя ни приостановиться, ни упасть... Дорожка такая узкая, ноги в колодках. Повсюду брошенные трупы заключенных лежали непогребенными до весны, потом рыли им всем одну могилу. Кто-то еще жив. "Хлеба, дайте хлеба..." — тянут руки». Батюшка протягивал ладонь, показывая, как это было, приоткрывал ее и говорил: «А хлеба-то нет!» Потом плакал и долго молчал, молился.

Он помнил всех умученных, помнил их страдания, молился за всех, показывал фотографии духовных друзей. И потому на всю жизнь в глазах старца застыла немая скорбь, даже когда он мирно разговаривал с паломниками, когда разрешал себя фотографировать — его глаза были печальны.

Сам батюшка прошел в лагере через страшные страдания — несколько раз был на краю смерти. Однажды его придавило вагонеткой, в другой раз уронили на ноги тяжелый рельс и по-

калечили ступни. С тех пор, как говорил батюшка, ноги его едва держали. А сколько батюшка потом на этих больных ногах выстоял Литургий, сколько принял людей, часами стоя у калитки своего домика! Самым страшным испытанием, подобным тому, которое претерпели мученики Севастийские, — было долгое стояние в ледяной воде. Эту пытку пережил только великий молитвенник — избранник Божий Николай, все остальные страдальцы скончались. Батюшка открыл духовным чадам, что его «согревала молитва Иисусова» и он не чувствовал холода. Он часто говорил: «Я холод люблю и не чувствую его». Батюшка всегда ходил легко одетый в любой мороз, никогда не кутался.

Не любил батюшка прилюдно рассказывать о лагерных испытаниях, потому что сердце разрывалось от воспоминаний о человеческих страданиях. Но в стихах, написанных как Реквием по умершим,[2] он выразил чувства многих лагерников — их муку тяжкую и молитвенный вопль. Стихотворение он назвал «В тридцатых годах XX века» и дал ему подзаголовок: «Автобиография».

К Тебе, О Мать Святая,
Я, бедный раб грехов,
Со скорбью и слезами
Пришел под Твой Покров.

---

[2] Есть сведения, что отец Николай лично знал и любил поэтессу Анну Ахматову, недаром он включил в свое «Слово Жизни» стихотворение Я. Смелякова на смерть Ахматовой. Вероятно, знал он и проникновенный ахматовский «Реквием» — плач по всем замученным на Русской Голгофе.

...
Изгнали меня люди
Из России вон,
Оставил мать родную,
Друзей и Отчий дом.

Я выслан в даль иную,
Там много лет отбыть —
Мне дали вольну ссылку:
Где хочешь можно быть.

Теперь всего лишен я,
Посаженный в тюрьму,
Досада, горе, голод,
Терпеть уж не могу.

Решетка, стены толсты —
Все надоело мне,
И день за днем жду воли,
Но не дождаться мне.

Увы! Я вновь в изнаньи,
В стране снегов и льда,
Где с людом обреченным
Покорный раб труда.

В Полярье путь железный
Готовим проложить,
Облегчить жизнь крещенным —
Страну обогатить.

Физически устали,
В зарях недуг слепит,
От скудости питанья
Нас смерть косой разит.

Прошу, Святая Дева,
В несении Креста,
Для славы Божьей Церкви
Спаси, спаси меня!

Стихотворение это оказалось пророческим. Батюшка действительно стал «славой Божьей Церкви»!

А в лагере, по словам старца, он был «всегда горячий в вере, что бы ни делали. В лагерях, в тюрьмах — всегда радовался, что с Богом. И знаете, даже резко говорил: «Как вы смеете хулить Христа и все святое! Покайтесь! Бог за это накажет!» Батюшка говорил, что ему были открыты будущие военные испытания, которые, по словам многих подвижников, явились наказанием за отступничество народа от Бога.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ И НАЧАЛО СВЯЩЕННИЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ

После заключения Николай Алексеевич Гурьянов учительствовал в Тосненском районе под Ленинградом. А во время войны перебрался в Прибалтику — сна-

чала в Ригу, потом в Вильнюс. Здесь произошла его встреча с будущим новомучеником — митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским). От него 8 февраля 1942 года батюшка принял рукоположение в диаконы, а вскоре, в том же месяце, во священники.

В городе Вильнюсе батюшка поступил в Духовную семинарию, проживая в Свято-Духовом монастыре. С этим временем связаны самые загадочные страницы его жития. Сохранилось несколько фотографий, на которых он запечатлен в монашеском облачении. Существуют разные объяснения этого факта в воспоминаниях насельников монастыря. Одни из них говорили о том, что он принял полный постриг в мантию, хотя на всех вышеназванных фотографиях батюшка запечатлен в рясе. По воспоминаниям других (главной свидетельницей тут является тогдашняя игумения монастыря Нина (Баташева), рассказала она об этом пюхтицкой игумении Варваре) — монашеское облачение, приготовленное к постригу, сгорело во время бомбежки в том доме, где оно хранилось. И батюшка больше к постригу не стремился, считая это знаком, что воли Божией на его пострижение нет. Как бы то ни было, мы знаем одно — разным людям уже в конце жизни батюшка говорил: «Зовут меня Николай. Молитесь за митрофорного протоиерея Николая». И подписывался всегда так: «протоиерей Николай».

В Вильнюсском Свято-Духовом мужском монастыре отец Николай был уставщиком и пел на клиросе. В июле 1943 года он получил назначение на приход Гегобросты Поневежского благочиния. Здесь ему суждено было прослужить 15 лет.

Прихожане первого прихода батюшки в Гегобростах оставили нам бесценные воспоминания. В них батюшка предстает перед нами как подлинно народный пастырь. В воспоминаниях ценны простые бытовые сценки: проломился пол в храме, надо делать ремонт, а прихожане — одни «платочки», мужчин нет. И вот батюшка идет в военную часть, находящуюся неподалеку, в тот момент, когда солдаты на отдыхе, и говорит просто: «Ребятки, помогите мне». И эти в основном неверующие солдатики и их начальство (которое по тем временам очень рисковало) помогают отцу Николаю в считанные часы отремонтировать пол в храме. А вот привычные «сцены народной жизни» — гулянье на праздник, с вином, песнями и плясками. Отец Николай приходит на праздник и все вокруг умиротворяется. Вместе с прихожанами отец Николай сажал деревья, участвуя в их простой деревенской жизни, сам много трудился на земле. Благословлял детей на учебу, юношей на служение в армии, молодых на брак, провожал в последний путь усопших. О старце Николае, каким он описан в воспоминаниях старых прихожан, можно сказать словами духовного стиха «Молитва пастыря»:

Когда с печалию сердечной
Молюсь о паствы я грехах
И перед Благостию Вечной
Стою с слезами на глазах,

Когда со страхом я взираю
На Тело Господа и Кровь —
Тогда молю и призываю
Христову к людям всем любовь:

Помяни «плодоносящих»
«Во святых Твоих церквах»
И людей «добротворящих»
Всюду, «в пропастях», «в горах»,
И « в пустынях», жарких, знойных,
И «вертепах» диких гор,
Где не слышно пташек вольных,
Где сверкает львиный взор...

...
Помяни! На всех людей,
Кто к Тебе взывает, Боже,
Благость щедрую излей...
И кого мое прошенье
Так легко могло забыть, —
Я молю долготерпенье
Твое благостным к тем быть
Имя каждого, потребу —
Мог ли я воспомянуть?
Кто взывает, Боже, к небу,
Для тех «Сам и все» Ты будь.

В годы служения в Гегобростах к отцу Николаю ездил тогда еще семинарист, затем молодой священник, а сейчас повсеместно известный протоирей Иоанн Миронов, настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» при заводе АТИ в Санкт-Петербурге. В своих воспоминаниях он свидетельствует о подвижничестве и мудрости батюшки.

«В католическом и лютеранском окружении жилось, кончено, нелегко, но батюшка покрывал всех любовью. Припоминаю такой случай. Однажды я приехал к отцу Николаю. Только сели за стол, вдруг в окно стучат, милостыню просят. Батюшка им подал что-то, пригласил чайку попить. Я ему говорю: "Какие же это нищие — с золотыми зубами?" А он мне ласково: "Я знаю. Это местный ксендз послал их разведать, кто ко мне приехал, о чем разговаривают..." Батюшка улыбнулся, никого не осудив. Частенько окружали его хитрые люди (до самого конца жизни), а он покорял всех простотой.

Любовью и простотой спас батюшка от закрытия Никольский храм. Пришли к нему из НКВД решительно настроенные люди и говорят: "Поступили сведения, что вы против колхозов выступаете, паству против советской власти агитируете". Здесь нужно упомянуть, что отец Николай любил все живое. У него на кухне свила гнездо ласточка, и он ее оберегал. Так вот, показал отец Николай на ласточку и отвечает: "Как я могу препятствовать такому серьезному делу, когда даже малую пташку не могу тронуть. Ваше

дело — государственное, мое — духовное". И такие простые слова возымели действие, что люди ушли успокоенные и храм не тронули».

По воспоминаниям первых прихожан батюшки, он стал «пастырем добрым» не только для их прихода, но и для жителей всей округи на много километров во все концы света. «Отец Николай старался как можно скорее побывать в каждой избе, святой водой окропить все жилища. Не раз ему приходилось брести по снежным зимним сугробам, бороться с ледяной вьюгой. Он шел не только по своей деревне, но также старался побывать везде, где жили православные христиане. Ходил он по отдаленным уголкам литовской земли, думая, как помочь несчастному больному, как облегчить скорбь на сердце у матери в разлуке с детьми. Каждого согрел в трудные часы добрым словом, умным советом: главное — надеяться на помощь Господа нашего Иисуса Христа, ходить в церковь, причащаться, делать добрые дела... Кто-то уходил на фронт — перекрестил, иконку в дорогу подарил; кому-то жизнь семейную наладил, девице мужа подарил... Новую семью создал... Немало заботился батюшка о беженцах. Сам не ел — детей голодных кормил, стариков не забывал, не одного в вечный путь проводил — никакой платы не брал».

Главное, за что любили, почитали и были благодарны батюшке его первые прихожане, — «за привитую любовь к Богу». «Тяжелый путь прошел отец Николай, но он не растерялся, не возражал,

а в эти трудные дни был сияющей звездочкой в темной ночи. Божиим словом показывал настоящую жизненную дорогу, учил любить Господа Бога и оставаться верными детьми Всевышнего», — вспоминают его литовские прихожане. Спустя три года со дня отъезда отца Николая из Литвы бывшие прихожане напишут ему: «Уважаемый отец Николай! Не только я, но и вся Литва скучает по Вас, ибо такого священника у нас нет, и не будет. Вы только один так преданы Святой Церкви! Ваш бывший приход страдает...»

Одновременно с приходским служением отец Николай продолжал учебу. В 1951 году он окончил заочное отделение Ленинградской Духовной семинарии, три года проучился в Духовной академии.

Сохранились письма к отцу Николаю одного из преподавателей питерских духовных школ — С. А. Купрессова, датированные 1953–1959 годами[3]. Эти письма свидетельствуют, что уже тогда духовно чуткие люди видели в священнике Николае Гурьянове незаурядного молитвенника и подвижника. «И мы, знающие Вас — заочника, одного из тех редких, которым всегда так хочется, так приятно оказать всякую посильную помощь... Жаль, что Вы не обещали прибыть к нам на эту сессию... Впрочем, формальная наша учеба — не главное для Вашей пастырской деятельности. Не всегда "пять" сов-

[3] Письма опубликованы в книге схимонахини Николаи (Граян): Жемчужины духа. М, 2007. С. 403—404.

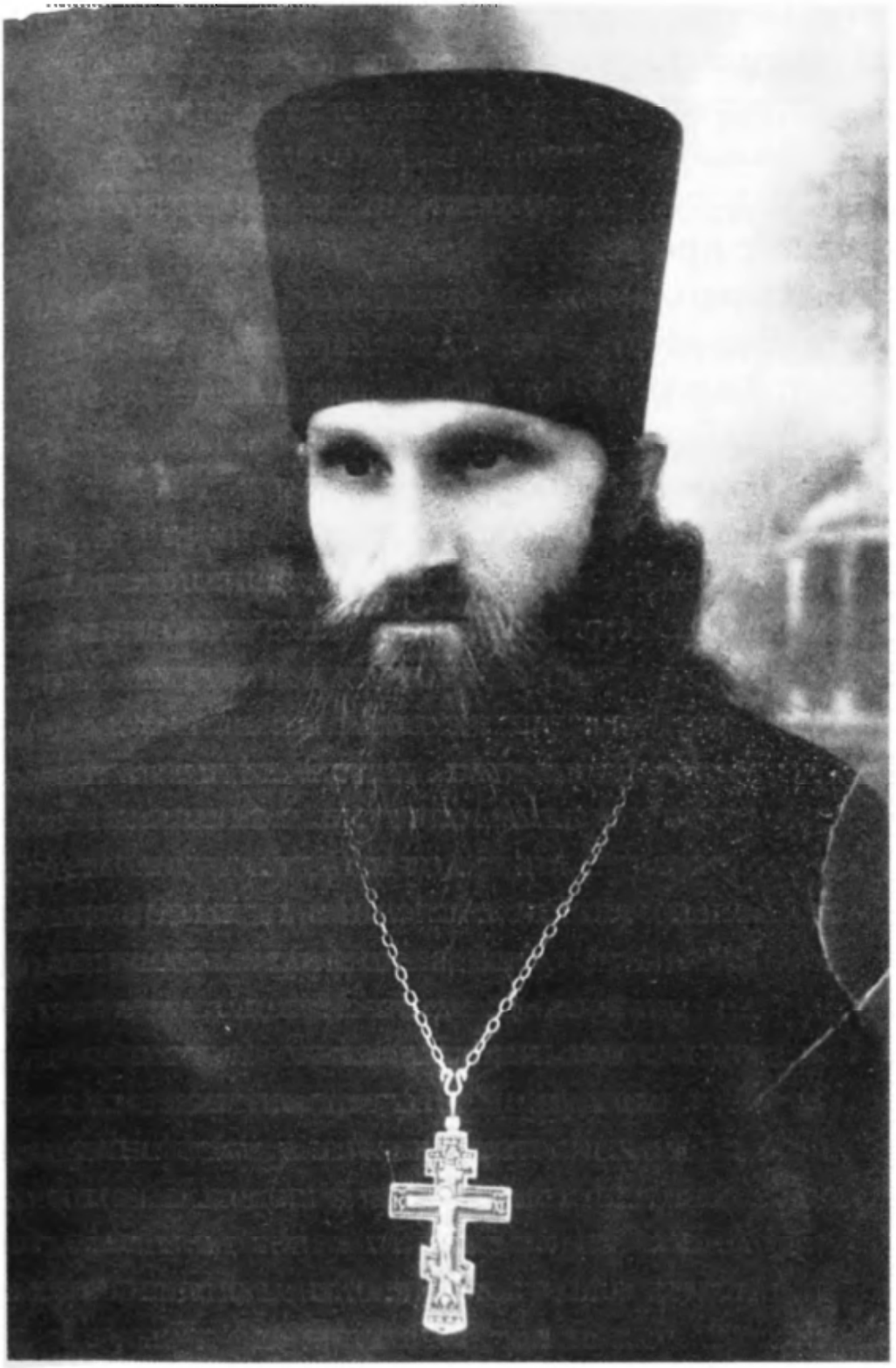
падает с пятерками служения. Главнее — Ваша ревность, чистая христианская любовь, верность житием, служение Богу и Церкви!.. Утешаю себя мысленно, что где-то в тихой глуши смиренного Вашего служения светится, не угасая, лампада, огонек искренней, кроткой молитвы за нас, за меня, недостойного. Уповаю на милость Божию ко всем нам! Очень прошу Вашего благословения и молитв...» В письмах к отцу Николаю С. А. Купрессов постоянно трогательно именует его «друг души моей» и называет его украшением Церкви.

На протяжении всей жизни старец относился к питерским духовным школам с любовью и благодарностью. Бывая в городе на Неве, он старался участвовать в богослужениях в академическом храме, сохранял связь со своими соучениками по семинарии.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ТАЛАБСКИЙ ОСТРОВ

В 1958 году отец Николай покидает свою «прибалтийскую пустыньку» и, выполняя настойчивую просьбу своей матери, соскучившейся по родной псковской земле, по благословению печерского старца Семеона (Желнина) переселяется на рыбачий остров Талабск, посреди Псковского озера.

В жизнеописании старца нелишним будет рассказать об истории Талабского острова,



1952 год

на котором батюшка прожил почти полвека. Остров Залит, принадлежащий к группе Талабских островов, до 1919 года назывался Талабск (Талабским именовалось и само озеро Псковское). Название Талабск, вероятно, происходит от эстонского «талу», «тала», обозначающее двор в смысле отдельного крестьянского хозяйства. Можно предположить, что когда-то на острове Талабск жили эсты. Вообще по берегам Псковского озера встречается немало селений с исконно эстонскими названиями, переделанными в русские. На Талабском острове, как и на других островах Псковского озера, издавна жил особый народ. Прекрасная характеристика его особенностей дана в дореволюционных «Псковских губернских ведомостях» за 1909 год:

«...Жители островов — усердные посетители приходских храмов. Обычай иметь свои часовни и собираться в них на молитвословие у них сильно распространен. Это напоминает пословицу: "Кто в море не бывал, тот Богу не маливался". Действительно, только глубокою верою в провидение, бесконечною преданностью Всеблагому промыслу можно объяснить те замечательные подвиги самоотвержения, терпения и выносливости, которые весьма нередко приходятся на долю приозерца и о которых, конечно, остается не известно никому, кроме таких же героев, как его соседи. Приютились рыбаки для ловли на хрупком весеннем льду, заходит ветер — падара, отрывает льдину и носит ее с рыбаками по озеру

ходе домой, чтобы снять мокрую, приставшую к телу и промерзшую одежду. Но замечательно при этом, что ловцы вообще не слишком охочи до рассказов о своих подвигах. Они убеждены, что в их жизни иначе и не может быть, что опасности, с которыми постоянно встречаются они, посылаются Богом и по воле Его Одного и устраняются... Талабчане выглядят народом крепким и красиво сложенным. Да и нельзя не заметить, что тщедушный, слабый организм не вынесет ловецких трудов. Детство и даже младенчество обозерца проходит в плавании, в обучении управлению лодкой и рыболовецким трудам... У талабчан крайности часто сходятся между собой. Удачная ловля из бедняка делает богача, который на следующий год чуть ли не просит у других милостыню. Ловецкие занятия своего рода игра, и жизнь талабчан во многом сходна с положением человека, все житейские расчеты которого основаны на вере в счастье. Талабчанина редко можно застать в унынии оттого, что ему не только завтра, но и сегодня есть нечего. С надеждою он сморит на озеро... Понятия о богатстве и бедности, о довольстве и недостатках — понятия чисто условные, временные. Сегодня беден, завтра богат; сегодня нет хлеба, завтра все в изобилии. У талабчанина не заметите стремлений к каким-то сбережениям...»[4]

---

[4] Цитируется по книге: Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 326–327, 336–337.

на среднем — Талабенце, жерники. Обычно это были опытные рыбаки, владельцы больших неводов и промысловых судов. Дома жерников, обшитые тесом и покрытые масляной краской, издали вещали о хозяйском достатке.

Талабчане занимались в основном рыбной ловлей. Пойманную рыбу отправляли в Петербург, Москву, Ригу, Варшаву. Талабский снеток сушили в специальных печах, которых насчитывалось до 119. Ежегодно продавали от 160 до 300 пудов рыбы. Только купцы да зажиточные островитяне располагались просторно и основательно, двухэтажные дома, магазины, различные мастерские возводились вдоль южной стороны острова, называемой Набережная. На Верхней улице селились менее состоятельные жители или просто бедные.[5]

Известны были всему Пскову и окрестностям Крестные ходы, которые устраивались по воде в летнее время. К престольному празднику Верхнего острова — дню первоверховных Апостолов Петра и Павла, в Талабск приплывали иконы из Спасо-Елеазаровского монастыря, находящегося на берегу в семи верстах от Талабска. Вот как описал это торжество бытописатель прежних времен: «Крестный ход на лодках представляет живописную картину. Каждая лодка старается пристать к берегу; по нескольку человек садятся на одно весло, которые нередко от большого усилия ломаются. В это время перегнать лодку

[5] Сведения взяты из книги «Напоминаю вам...» (М., 1999).

Рыбацкий остров

взад и вперед, носит по нескольку дней, а весеннее солнце делает все меньше и меньше импровизированное судно. Домашние в горе от неизвестности, а носимые ветром рыбаки, нередко разлученные между собой при разрыве ледяной глыбы на части, истомленные голодом и холодом, прибиваются к берегу, находя себе приют в первом попавшемся селении. Выехали ловцы на озеро в темную, длинную осеннюю ночь, которую проводят в трудах, пот льется градом, все мокры с головы до ног, а к берегу приезжают окостеневшие от наступившего заморозка; но этого мало, нужно на берег перетащить мокрый, весящий сотню пудов невод, и вот выступают из лодки прямо в воду вереницы с неводом на плечах. Вся эта вереница вместе с неводом покрывается льдом. Новые труды — сбросить невод с плеч так, чтобы он не поломался от мороза. Сколько труда и терпения приходится испытать ловцу по при-

на ходу считается делом приятным. Празднество продолжается не менее трех дней».[6]

И во время поселения на острове старца Николая обычай водных Крестных ходов сохранился, только совершались они не от Спасо-Елеазаровского монастыря, который в годы советской власти был закрыт, а от Пскова. Вот как описал эти Крестные ходы давний сомолитвенник старца Николая — протоиерей Иоанн Миронов: «На Петров день здесь по обыкновению шел Крестный ход из Пскова со Спасо-Елеазаровской иконой. На этой иконе Спаситель изображен в митре с крестом. Икону несли до берега Псковского озера, к переправе на остров, чтобы сесть на катера. А местные жители встречали икону на своих лодках, двигаясь по озеру с хоругвями. Это было незабываемое торжество Православия!»[7]

Храм святителя Николая Чудотворца на Талабском острове впервые упоминается в писцовых книгах в 1585–1587 годах, где говорится, что одно пустое дворовое место «под церковку подошло». Первый храм был деревянный и строился местными жителями, которые, как и теперь, были рыбаками. Во время нападения шведов в 1703 году сильно пострадал Верхнеостровский монастырь, основанный около 1470 года в честь первоверховных Апостолов Петра и Павла преподобным Досифеем Верхнеостров-

---

[6] Святыни и древности... С. 337

[7] Любовь, ко Господу ведущая. СПб., 2005. С. 7.

Псковское озеро

Характер жителей псковских островов не могли коренным образом изменить социальные потрясения в стране. Уклад жизни рыбаков в то время, когда на Талабском острове в 1958 году поселился старец Николай Гурьянов, оставался тем же, каким он был до революции. Этим можно объяснить то особое почтение, которое проявлял старец по отношению к жителям острова — они были великими тружениками. А старец высоко ценил трудящегося человека и прощал ему мелкие недостатки. Кроме того, поселение старца на острове вернуло этим местам сугубое молитвенное служение — во времена древние здесь располагался Петропавловский мужской монастырь, построенный около 1470 года, в 1616 году приписанный к Псково-Печерскому монастырю и упраздненный в конце XVIII столетия.

На берегу Псковского озера

До революции Талабские острова имели еще одно название — Александровский посад. Такое название селение получило в 1820 году в честь Государя Александра I, который оказал пособие после пожара, бывшего на острове в начале XIX века. Талабские острова до революции насчитывали 750 дворов и были известны на всю Псковскую губернию своими ярмарками. На острова перед новым годом съезжались купцы, крестьяне, работный люд из многих губерний. Население островов в это время увеличивалось в два-три раза. Везли все, что только пожелаешь. Несколько дней, а то и недель, шел оживленный торг. С прибылью оставались жители островов и прибрежных деревень.

Особой властью и почетом пользовались на островах, как на Талабском, Верхнем, так и

храма святителя Николая увидел во сне Смоленскую икону Божией Матери и услышал: «Обнесите Меня с Крестным ходом вокруг всего посада, и тогда холера прекратится». В сонном видении этому человеку было открыто место, где до той поры хранилась сия святая икона, а именно — на чердаке одного из посадских домов. Все было сделано по слову Божией Матери, и эпидемия прекратилась.

В 1854 году выстроена каменная часовня в честь святителя Николая в память чуда от образа святого, бывшего во время пожара 6 июля 1853 года. Часовенка воздвигнута была для «неугасимого горения елея». На кладбище в 1888 году возведена вторая часовня, по местному преданию — в честь Анастасии Римлянынии. Церковь на острове несколько раз страдала от пожара, но всякий раз бережно восстанавливалась на средства и стараниями местных жителей.

О том, что жители острова не были оторваны от судеб всей страны, свидетельствовала надпись, сделанная на самом большом колоколе: «Вылит сей колокол 31 мая 1893 года в царствование Императора Александра III, в память избавления Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича от угрожавшей ему опасности в городе Отсу, в Японии, в 1891 году 20 апреля при Преосвященнейшем епископе Гермогене, местном священнике Иоанне Орлове и церковном старосте Иоанне Бахереве»[9]. Старец Николай Гурьянов, поселившись на

[9] Там же. С. 380.

острове, продолжил традицию почитания Царской Семьи, Государя-мученика Николая.

До революции при Никольской церкви на Талабском острове существовали две школы: церковно-приходская, с 1891 года, и министерская двухклассная, открытая в 1898 году. В Никольском приходе накануне революции состояли 1271 мужчина и 1371 женщина. В 1939 году храм после сильного разорения был закрыт. Уничтожено все убранство, куда были вывезены иконы — неизвестно. В 1947 году храм вновь был открыт для богослужений, но лишь в Смоленском приделе.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОДВИЖНИЧЕСТВА СРЕДИ ПСКОВСКОГО ОЗЕРА

С первых дней служения на острове старец Николай стал благоукрашать свой храм: провел основательный ремонт, обновил убранство храма и алтаря, украсил его новыми иконами. Особым подвигом старца было озеленение острова. Во время Великой Отечественной войны вся растительность на острове была уничтожена — ни кустика, ни дерева нельзя было увидеть на всю округу. Старец Николай издалека — из Киева, из Вильнюса, Почаева, Пюхтиц — собирал растения, корни и рассаду кустов, деревьев и цветов и сажал их на острове. Здесь не

Храм святителя Николая

ским[8]. Вероятно, тогда же пострадал и Никольский храм на Талабске. В 1792 году был построен каменный храм. Он возводился по традиции из известняковой псковской плиты. В храме до сегодняшнего дня сохранились фрески письма неизвестного автора. Престола в церкви два: во имя святителя и чудотворца Николая и в честь Смоленской иконы Божией Матери.

В 1842 году был сооружен ныне действующий придел в честь чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской, в память чудесного избавления от эпидемии холеры, охватившей жителей посада. Некий прихожанин

[8] Память преподобного Досифеея Верхнеостровского совершается 8/21 октября.

было водопровода — для поливки нужно было таскать в день по 100–200 ведер воды из озера. А от берега озера до кладбища, где батюшка сажал особенно много деревьев, расстояние немаленькое...

Когда же его труды стали приносить плоды и все вокруг зазеленело, сколько было радости! Как писал старец в одном из писем своей духовной дочери, пюхтицкой игумении Варваре: «Не будет лишним сказать и о некоторых цветочках, как о примулах, сенполии и кампануле, до сих пор обильно цветущих на окнах в хате. Все это меня радует и за все слезно благодарю милосердие Божие. На кладбище теперь у меня лес, и домик утонул в зелени. Со своего сада насушил компоту и наварил варенья».

Много трудился отец Николай и для возвращения былого благолепия храму на острове. Подновлял киоты на иконах, ризы, полностью провел ремонт с обновлением кровли, привел в порядок могилки.

Есть в храме святителя Николая почитаемый чудотворный образ Божией Матери «Благодатное Небо», имеющий второе название «Смоленская» и празднуемый в день Смоленской иконы Божией Матери, 28 июля. В тяжелые смутные времена с этой святой иконы была похищена серебряная риза, и отец Николай сразу, как приехал на остров, постарался одеть икону Матери Божией в подобающую Ей царскую порфиру. В этом помогли духовные чада батюшки, которых у него всегда было много. Игумения

Тавифа из Свято-Духовского женского монастыря в Вильнюсе взяла благословение и начала шить ризу Богоматери на голубом бархате. Сколько слез радости и боли сопровождали эту работу матушки-игумении, знает, наверное, только Хозяйка ризы. В 1960 году, после двухлетнего труда, риза наконец была одета на эту святую икону Заступницы нашей усердной, Пресвятой Богородицы. И поныне этот святой образ радует и подает духовное утешение всем, с верою к нему притекающим. После того, как блаженная игумения Тавифа почила о Господе от тяжелого долговременного недуга (в 1972 году), сестры ее обители вскоре в видении увидели свою игумению и услышали, что матушка Тавифа на пути прохождения мытарств была сопровождаема Матерью Божией.

Итак, жил батюшка на острове не как затворник, он положил великие труды для того, чтобы озеленить выжженную во время войны землю, отремонтировать храм, а главное — привести ко Христу души местных обитателей.

На острове, как мы уже сказали, жили в основном рыбаки, жили дружно. Уже в три часа ночи они оставляли свои дома и шли на озеро ставить сети. Отец Николай сам, без приглашения, приходил в избушки, сидел с младенцами, пока родители рыбачили на озере. Народ на острове глубоко почитал отца Николая. Не только церковные люди, но даже падшие души тянулись к нему, чувствуя тепло его сердца, его милосердие и заботу. «Пьяницы местные мирно

уживались с ним. Бывало, выйдет он навстречу такому бедолаге: "Ну-ка, роднуля, что у тебя в сумочке затаилось? Голубчик, роднуша, надо бросать, семье-то тяжело. Дай сюда бутылочку-то". Возьмет бутылку — и о камень ее... А пьяница не ругается, домой идет спокойно», — вспоминает *протоиерей Иоанн Миронов.* В свою очередь, батюшка с уважением отзывался о рыбаках: «Труженики наши люди. Да, рыбаки трудятся: любая погода, ненастье, а волны, в особенности летом, бури — они все это несут и творят доброе дело тем, что рыбку добывают. А мы молимся и просим, чтобы Господь помог миру от недугов и от военных действий. "Сохрани, Господи"».

В 1960-е годы, во время хрущевской «оттепели» и усилившегося гонения на храмы, на остров к отцу Николаю приехали представители местной власти, разговаривали очень резко, грубо, запугивали и пообещали на следующий день вернуться за ним. Батюшка разволновался и всю ночь простоял на сугубой молитве. Наутро на озере поднялась страшная буря, которая не утихала в течение трех дней. Талабск стал недоступен. После того как буря стихла, об отце Николае как-то забыли и больше не трогали.

Рассказывают про местную жительницу, которая, желая выслужиться, донесла, что батюшка ругает Ленина. Когда она пришла на рыбацкий праздник с пустой миской (по древнему обычаю, рыбаки кладут в эти миски рыбу вдовам и одиноким), один рыбак плюнул в ее

Икона Божией Матери «Благодатное небо»

Дорога к Никольскому храму

миску, выхватил ее из рук и бросил в озеро. Товарищи, стоявшие рядом, отвернулись.

В те годы священников отстранили от власти в церкви, управление перешло в руки выборной «двадцатки» и старосты. Батюшка Николай говорил: «Как бы там они нас ни отстраняли, а за благолепие храма отвечаем мы».

В семидесятые годы устанавливались духовные связи отца Николая со многими священниками, монахами и мирянами. Вначале батюшка был только духовником псковского духовенства, ездил в Пюхтицы к своим духовным чадам, бывал в Ленинграде. Пюхтицкая игумения Варвара в своих воспоминаниях о старце рассказывает о знаменательном случае его юродства, который раскрывает сокровенное. На попечении у старца были многие обители и храмы, благословляя их настоятелей, он брал на себя особый духовный подвиг: «Когда мне все же пришлось стать настоятельницей Пюхтицкого монастыря, батюшка старался приезжать в обитель каждый год. И вот, помню, приехал он к нам, сели мы завтракать, а я очень плакала. Он берет мой стакан с чаем, кладет в него сахар, соль, варенье, кусочек селедки. Полил все это постным маслом, размешал ложечкой и говорит мне: "Матушка, выпей, только все до дна!" Глоток выпила и говорю, что больше пить не могу. А батюшка успокоил: "Что не сможешь, я допью", и допил. И как он мне помогал! Когда были очень трудные обстоятельства, он приезжал, не сообщая о своем приезде, и все стано-

вилось на место. Так он мог чувствовать, видеть, помогать».

Любовь притягивает к себе людей. Вскоре на остров стали приезжать со всей страны — отца Николая начали почитать как старца. «Об отце Николае точнее не скажешь: "Не может укрыться светильник под спудом!" Не хотел он этой славы от людей, но Господь не оставил его сокровенным...» — свидетельствует протоиерей Иоанн Миронов.

СТАРЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

В нашем повествовании уместно сделать отступление и рассказать о сути старческого служения и его преемственности на Руси, чтобы стало ясно, в каком сонме ныне находится приснопоминаемый старец Николай Гурьянов.

Во всех пределах нашей земли накануне революционных потрясений и в страшные годы «войны с Богом» молились за народ святые подвижники. И в наши дни, хвала и благодарение Господу, не перевелись еще заступники за народ — те, о ком Господь сказал: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями», те, чьи молитвы Он «слушает день и ночь» и кому открывает Свою волю. Одним из первых в новое время стал писать о старчестве И. М. Концевич. Его знаменитая книга «Оптина Пустынь и ее время» начинается с всеобъемлющей главы «Определение понятия старчества», выдержки из которой мы и здесь приводим.

«Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское. Непосредственно за апостолами стоят пророки. Их служение состоит главным образом в **назидании, увещании и утешении** (1 Кор. 14, 3). С этой именно целью, а также для указания или предостережения, пророками предсказываются будущие события. Через пророка непосредственно открывается воля Божия, а потому авторитет его безграничен. Пророческое служение — особый благодатный дар Духа Святого (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением — прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит душу человека, его прошлое и будущее. Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотою сердца, с личной святостью. Святость жизни требовалась от пророка с первых времен христианства... Пророческое служение, связанное с личной святостью, процветало с подъемом жизни Церкви и оскудевало в упадочные периоды. Ярко оно проявилось в монастырском старчестве. Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех назидали, увещали и утешали, исцеляли от болезней духовных и телесных, предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию. <...>

Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Старец — непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости, неописуемого мира в душе. Напротив того, лжестарец заменяет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и, почти всегда, уныния... Истинное отношение старца к ученику именуется в аскетике духовным таинством, оно находится под водительством Духа Святого. <...>

Благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший, благодаря этому, в совершенстве духовно-психические законы и лично достигший бесстрастия, отныне становится способен руководить новоначальным иноком в его "невидимой брани" на пути к бесстрастию. Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть самое зарождение зла, причины этого зарождения, уточнить диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец — искусный духовный врач. Он должен ясно видеть устроение своего ученика, характер его души и степень духовного развития его. Он должен непременно обладать даром рассуждения и "различения духов", так как ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во Ангела светла. Но, как достигший бесстрастия, старец обычно об-

ладает и другими дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества.

Старчество на своих высших степенях, как, например, преподобный Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, так как уже не он живет, но живет в нем Христос (Гал. 2, 20) <...>

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем может быть монах без всяких духовных степеней, каким был вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть епископ: например, Игнатий (Брянчанинов), или Антоний Воронежский — великий современник преподобного Серафима. Из иереев назовем св. Иоанна Кронштадтского, отца Егора Чекряковского. Наконец, старчествовать может и женщина, как, например, прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре. Истинное старчество есть особое благодатное дарование — харизма — непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

В то время как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но, найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже беспрекословно ему во всем

повиноваться, так как через последнего открывается непосредственно воля Божия. Вопрошать старца также ни для кого не обязательно, но, спросив совета или указания, надо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия чрез старца влечет за собой наказание».[10]

Итак, значение «института старчества» как хранителя духа Православия от времен древних до наших дней огромно. Как сказал новомученик епископ Арсений (Жадановский), «старчество — это живая сила, воспитывающая в человеке христианина». То есть не через книжное научение, не ценой только собственных усилий человек преображает свой ум, свои чувства, но через живое общение с благодатным человеком. Старцы — это хранители духовной культуры Православия, живое Предание Церкви.

Старчество на Руси процветало уже в древности — об этом свидетельствует Киево-Печерский патерик. И на Украине, и на севере Руси, в «сердце Православия» — Троице-Сергиевой Лавре и ее скитах, в Глинской пустыни и в самых разных городах и весях на протяжении веков процветало благодатное старческое служение людям — утешения, вразумления, прозорливости, исцеления.

Старчество было своеобразным противоядием от искушения возможным цезарепапиз-

---

[10] *И. М. Концевич.* Оптина пустынь и ее время. Нью-Йорк, 1970. С. 7–8, 11–12, 37–38.

мом в нашей Церкви, так как существовало неслиянно и нераздельно с церковной иерархией. Неслиянно — потому что старчество не административная единица, нераздельно — потому что старцы никогда не шли против церковной иерархии, а наоборот, всегда призывали народ не отвергать авторитет епископата.

Но, прежде всего, старчество — это духовное творчество. Нет двух одинаковых, похожих старцев в нашей истории. Жития их так различны! Но при этом они образуют «золотую цепь святости», потому что не «хранят сокровище под спудом», а передают свои дары ученикам — тем, кто предопределен на старческое служение.

Так было до революционного лихолетья, так было и в десятилетия гонений на веру православную. Господь хранил Своих избранных — после войны вернулись из Финляндии валаамские старцы и поселились в Псково-Печерском монастыре; в Рижской пустыни подвизался вернувшийся из лагерей старец Таврион; в дальней Караганде один из последних оптинцев — старец Севастиан. После войны процвела Глинская пустынь с сонмом старцев. Во Владимире жил старец-епископ Афанасий (Сахаров), в Симферополе — святитель Лука (Войно-Ясенецкий), в Киеве под образом юродивого «дяди Коли» — епископ Варнава (Беляев), в Алма-Ате — владыка Николай, странствовал старец Сампсон (Сиверс). В Печоры на покой переселился митрополит-старец Вениамин (Федченков), на юге России подвизались преподобный

Кукша, преподобный Лаврентий, старец Феодосий. Список можно продолжать и продолжать. А сколько еще было не столь известных подвижников, несших старческое служение в годы лихолетья — и последние оптинские иноки, поселившиеся в Козельске рядом с монастырем, а также разбросанные по глухим местам нашей родины; и «приходские монахи», которые были для колхозной деревни светочем Святой Руси, напоминанием о ней. Тихий свет старчества («глас хлада тонка») донесли они и до нашего времени — уже нашему поколению были дарованы старец Николай (Гурьянов), архимандриты Иоанн (Крестьянкин), Павел (Груздев), Зосима (Сокур), Кирилл (Павлов), Адриан (Кирсанов), старец Илий Оптинский, старец Власий Боровский и многие другие.

В начале XX века священник Сергий Мансуров составил наглядную таблицу благодатной преемственности. В пояснении к ней он пишет: «В каждом поколении мы указываем имена тех людей, в которых и вокруг которых всегда ярче видна духовная жизнь этого поколения. Эти люди освящали путь своих современников, открывали им волю Божию примером и словом, вокруг них и через них строилось в Церкви все, что в ней есть вечного, Божественного. Это — столпы и утверждения церковные. Все, что поется, созерцается, что читается как истинное и исполняется как верное, почитается как святое в Православии, — все Предание Церковное связано с этими именами... Единая благодатная жизнь

течет неизменно. Замирая на одном месте, она вспыхивает в другом, то шире раскидываясь, то сосредотачиваясь в небольшом круге людей, но никогда не иссякает, обновляясь и обновляя в каждом поколении того, кто отзывается на призыв истины».[11]

БЛАГОДАТИ СТАРЧЕСТВА НАСЛЕДНИК

Уже в первые «талабские годы» стали проявляться благодатные дарования протоиерея Николая Гурьянова, которые свидетельствовали о том, что он обрел благодать старчества — он исцелял душевные и физические недуги; прозорливо напоминал людям о событиях их прошлой жизни и осторожно подготавливал к будущему; он называл по имени человека, ни разу не видев его до этого; описывал обстоятельства его жизни; он давал жизненно важные советы, которые при их исполнении меняли, казалось бы, безвыходные обстоятельства жизни. Как сказал один из паломников: «Настолько дар рассуждения, дар духовидения у батюшки велик, что он сразу начинает говорить по существу, не надо никаких подробностей. И советы оказываются такими простыми, что даже удивительно,

[11] *Священник Сергий Мансуров.* Очерки из истории Церкви. Клин, 2002. С. 27–28.

люсь, молюсь, а как тебя зовут-то?"»... «Он сам тогда готовил. Налил мне полную миску щей и говорит: "Ешь". А я смотрю на Анастасию: "Можно мне есть, очень много, да еще и с мясом?" А батюшка так строго: "Ешь, тебе говорю, все". Я, давясь, с трудом все доела. А батюшка достает еще кринку молока, три литра: "Пей молоко!" — "Батюшка, я не могу больше". — "Ну хорошо, вечером придешь, будешь молоко пить"», — рассказывает одна из первых паломниц к старцу Анна Ивановна Трусова.

Старец обильно делился в те годы своей благодатью с приезжавшими к нему людьми — таково традиционное толкование: если старец угощает чем-то из своих рук — это значит, что он благодатью делится. Благодатными дарами утешения и рассудительности старец делился не только очно, но и заочно — через письма. Нам посчастливилось прочесть некоторые из написанных старцем в конце 1960-х — начале 1970-х годов писем. Как будто бы немудреные слова пишет батюшка, а какой силой и непреходящей правдой жизни от них веет: «Ваши вздохи считаю ненужной пустотой. Кто отстал (в смысле, отошел — *Л. И.*) от вас — не жалейте и не забывайте то, что "всяк человек ложь" и я тож. Тем более что вы человек труда, а труд-то и есть для вас самый честный друг. Кроме того, вы живете в Боге, с Богом и для Бога, что оставившим вас не по пути с вами. В первую очередь, любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: "Трудящийся да яст", то есть, кто работает, тот и ест».

Старец любил труд, не давал даже в дом для него принести воды. Многих людей подвигал к трудолюбию, а также к любви ко всему живому. В письмах он называл кусты и деревья «зеленые друзья» или даже писал так в начале весны: «Движемся по хозяйству. Зеленеем». Старался обратить внимание людей на безгрешную жизнь растений. Один священник рассказывал: «Батюшка Николай предложил мне взять с собой банку из-под консервов из его кельи и посадить в ней цветочек. Я возразил: "А зачем мне цветочек?" — и, естественно, брать банку не стал, о чем теперь сожалею».

Такое же трепетное отношение было у старца и к птицам — у своего домика во дворе он устроил «столовую для пернатых». «С первой половины ноября птичья столовая аккуратно работает. Большие обслуживаются с полдесятого утра, малые же воробушки — с трех часов дня. Всех посетителей бывает ежедневно больше трехсот. Корму большой запас, хватит до тепла. Все это меня радует, и за все благодарю Бога», — писал старец в одном из писем. Старец Николай благословлял обращавшихся к нему людей кормить птичек за упокой души своих близких и во очищение своих грехов — ибо «блажен, кто тварь милует». Голуби на острове сначала жили на колокольне храма, потом, когда батюшка по здоровью ушел за штат, голуби переселились во дворик его дома, теперь они обитают на кладбище, вокруг дорогой могилки старца...

как сам до этого не додумался. Мы пытаемся по сложному пути идти, а мудрость — в простоте...»

Паломники, которые приезжали к старцу в те годы, имели редкую возможность присутствовать при его богослужениеи, исповедоваться у него, слушать его поучения, а часто и оказывались его гостями в незабвенном маленьком домике напротив островного кладбища. Один из тех счастливых немногочисленных паломников первых лет вспоминал: «Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

«Батюшка часто шутил. Угощает, бывало, обедом за столом, старается порцию дать побольше, сахару в чай — до десяти ложек, а сам приговаривает: "Ешь, ешь, дорвался до чужого, так ешь полным ртом". Иногда просят его: "Батюшка, помолись за меня". Он отвечает: "Мо-

Батюшкино «милование» или жалость распространялись даже на насекомых. Не от одного человека мы слышали о том, что он жалел даже мух и комаров. «Старец сидел на стуле, низко склонив голову на руки. Стали пить чай. На столе стоял самовар, в вазочке — шоколадные конфеты. Над столом, назойливо жужжа, вилась муха и постоянно норовила сесть на конфеты. Батюшка Николай пальцем погрозил ей: "Здесь тебе нельзя!", — отломил кусочек конфеты и положил в сторонке на столе: "Вот, здесь кушай". Он осторожно посадил муху на отломленный кусочек. Муха послушно поела и улетела. Любовь отец Николай понимал в самом широком смысле», — пишет протоиерей Борис Николаев. О подобном же случае рассказывает протоиерей Валериан Кречетов: «Муха летала по комнатке, он на муху смотрел, и я про себя подумал: "Шлепнуть, что ли, ее?" — а он мне: "Может, ей медку дать?"» Когда один из посетителей заметил, что комар опустился на висок батюшки, то, желая помочь, попытался его поймать. «Не трогай его, не на тебе комарик сидит», — остановил мужчину старец. «Помню, как-то хотел комарика с него согнать, а он не дал: "Пусть лишнюю кровь попьет"», — делится трогательными воспоминаниями протоиерей Иоанн Миронов. В одном из писем старца есть такие замечательные слова: «Боже, сколько в мире красивого. Природа, Природа, ты для нас дорога в Невечерний день».

Из писем мы узнаем, что уже в это время — в начале 1970-х — батюшку начали одолевать те-

лесные немощи. А ведь впереди был еще почти тридцатилетний крестный путь — когда к нему на остров поехали толпы, и он, невзирая на все усиливающиеся недуги и «патриарший возраст», не отказывал людям в приеме, доходя до полного изнеможения.

Как написал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш), «никто доподлинно не знает, какие подвиги нес отец Николай на острове. Он скрывал это от всех, близко никого к себе не подпускал и сам за собой ухаживал, за исключением последних десяти лет, когда уже не мог этого делать. В последнее время ему очень трудно было переносить свою немощь. Видя, как старцу не только тяжело говорить, но даже сидеть, как при этом он напрягает свои последние силы, я как-то участливо сказал ему: "Батюшка, вам бы полежать". Отец Николай, не поднимая опущенной головы, ответил: "Лежат только лентяи". В другой раз на такое же сочувственное предложение отдохнуть... он заметил: "Отдыхать — это грех"».

Во дворике у кельи

У батюшки в домике всегда жили котики, он с ними разговаривал, как с разумными существами. Одному паломнику на его недоумененный вопрос однажды сказал, показывая на кота: «Это даже Липуня понимает». На улице не пропускал ни одну собаку, чтобы не приветить. Однажды паломники были свидетелями такой сцены: во время их беседы мимо домика проходила местная жительница с маленькой собачкой на руках, батюшка подозвал ее: «Дай я ее поглажу». Потрепал по шерстке маленького друга и отпустил. Все живое для батюшки действительно было другом. Казалось, он понимает язык всего Божьего создания. Однажды он сказал: «Не только дерево, но даже камень не обижайте!»

СТОЛП СТАРЧЕСТВА. ВСЕПРАВОСЛАВНОЕ СЛУЖЕНИЕ

Старцы — это «детоводители ко Христу», это те, чьи молитвы слышит Бог, кому открыта воля Божия. И самое удивительное, что дух истинного старчества — смиренный, незлобивый и простой — во все времена ощущается верующими людьми как «благоухание духовное», исходящее от человека. Народ тянется к такому человеку, окружает его плотным кольцом, стремится если не побеседовать, то хотя бы благословение получить от такого батюшки — и так, без слов даже, получить утешение.

Читаешь древние патерики, отечники, «достопамятные сказания» и поражаешься преемственности — и во времена древние, и в наши времена старцев отличала евангельская простота. Люди молили: «Дай нам наставление» — и слышали в ответ: «Не входи в состязание ни о каком предмете, но плачь и сокрушайся, ибо время близко» (сказано в VI веке аввой Маттоем), «Никого не осуждай, никому не досаждай и всем мое почтение» (сказано в XIX веке старцем Амвросием Оптинским), «Верьте в Бога и Он все устроит» (сказано в XXI веке старцем Николаем Гурьяновым).

«Не скрывается светильник под спудом» — суждено было батюшке уже на закате дней, который растянулся более чем на десятилетие, вый-

стал документальный фильм «Храм», вышедший в прокат в 1988 году. Фильм был посвящен жизни Русской Православной Церкви, на экране на несколько минут перед потрясенными зрителями впервые появился старец Николай. Батюшка ничего особенного не говорил в том фильме, он просто смотрел на нас своими небесно-голубыми глазами, и этот взгляд пробуждал душу от греховного сна, а потом он так трогательно, прямо в камеру обращаясь, показал на самовар и, протягивая стакан, как бы всем телезрителям сказал: «Выпейте-ка чайку!» Это теперь уже стало понятно, что батюшка таким образом призывал людей разделить с ним «духовную трапезу», показал, что он готов поделиться благодатью со всяким, кто придет к нему.

Но в то время подобные формулировки не возникали, а люди просто ощутили сердцем, что среди них живет святой, и еще почувствовали (даже через телефильм это передалось многим), что батюшка — это сама Любовь, что он обильно изливает любовь на всех и каждого. И после этого «алчущие и жаждущие правды» стали узнавать друг у друга — а где живет отец Николай, как к нему добраться? И потекла на остров, который теперь уже хочется назвать святым, потому что его земля освящена легкими стопами старца Николая, неиссякаемая народная река.

Батюшка тогда еще был достаточно крепок — продолжал служить в Никольском храме, принимал исповедь, подолгу беседовал с па-

ломниками. Тогда еще не пришло время «массовости», люди ехали к батюшке своим ходом, а не в группах. И потому каждый запоминал беседу со старцем как поворотное событие в своей жизни. Вот они, свидетельства паломников конца 1980-х годов. Все они говорят о том, что получали от батюшки главный дар — утешение, душевный покой, который посылает Дух Святой, называемый в церковных молитвах «Утешителем», почивающим на святых. Приведем здесь отрывки из воспоминаний паломников на остров, которые свидетельствуют о том, как преображался «внутренний человек» от общения со старцем.

«Случалось, что впервые приехавшему к нему человеку он вдруг говорил: "А мы с вами давно знакомы, я вас с детства, вот таким еще знаю". Святая простота незабвенного старца всегда порождала в сердце чувство благоговейного страха и трепета: это то, что испытывает каждый, соприкасаясь с человеком, достигшим обóжения. Великий старец своей жизнью учил смирению и кротости, уважению и любви. Он побуждал бороть гордыню, когда подавал пример отношения к ближнему. Будучи духовником всей Русской Православной Церкви, столпом старчества, он кланялся до земли молодым семинаристам и отцам, посещавшим его, и кротко просил их преподать ему иерейское благословение; настаивал дать облобызать их руку. Батюшка любил Бога, и потому любил всех людей без исключения, с их страстями и немощами. По-

ти на всенародное служение. До 1980-х годов о батюшке знал только достаточно узкий круг воцерковленных людей, ездили к нему в основном священнослужители, монашествующие.

Но «Господь хочет всем спастися и в разум истины приити» — и людям малоцерковным или только ищущим «дорогу к храму» для этого нужен образец, источник незамутненный, нужен чистый призыв от чистого сердца. Таким для десятков тысяч наших соотечественников оказался старец Николай Гурьянов.

Произошло это на исходе 1980-х годов, когда обстановка в стране стала меняться. После юбилея 1000-летия Крещения Руси стали проникать на страницы периодических изданий и на экран телевизора (увы, главного воспитателя народа) сюжеты на религиозные темы. Настоящим потрясением для миллионов телезрителей

Богослужение

сему сотни людей приходили в мирное устроение духа, только лишь побывав у его келии. Само благодатное присутствие старца рядом давало утешение».

«Прозорливый был батюшка, но не это главное было в его служении. Главное было то, что он всех утешал. Он ведь и сам так говорил, когда выходил из своего домика: "Надо вас утешить. Чем вас утешить?" Помазывал нас святым маслицем скрепочкой из пробирки, и такое утешение входило в душу. А говорил он совсем немного и, казалось бы, одни и те же слова разным людям говорил, а все получали утешение в самых разных обстоятельствах».

«В вечер нашего приезда был жуткий шторм. Казалось, крышу унесет. Когда батюшка увидел, что мы пришли в церковь, очень обрадовался, что мы не уплыли, а остались. Специально, чтобы еще больше утешить мою маму и направить ее в нужное духовное русло, отец Николай стал читать с нами акафист "Слава Богу за все". Батюшка опустился на коленочки в храме, ближе к выходу, и прочел акафист полностью. Я никогда не видела и не слышала такой благоговейной молитвы. Это было первое удивительное впечатление о батюшке. Потом он нас очень ласково благословил, что-то дал нам на дорожку».

«После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем... Всегда после встречи со старцем Ни-

мысли нужно воспринимать как искушение. Самые разные паломники свидетельствуют, что это было одним из главных поучений старца — не допускать мыслей о том, что Россия погибла.

«Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство русского народа, я была почти в состоянии отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слезы. Старец не перебивал меня, покачивал головой: "Так, так". Затем он спросил: "А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?" Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет, и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного суда. Батюшка указывал на дьявола: "Вот кто тебе показывает все. Гляди, какой он. *Это Страшный суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай).* Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: "Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение"».

«Я спросила, спасет ли Господь Россию. "Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо". Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: "А она и не умирала. Нет-нет-нет. Нет-нет-нет. *Где просто, там Ангелов со сто, где муд-*

рено, там — ни одного. Когда нам кажется, что уже — все... Нет...» «Старца спрашивали о России, а он отвечал: "Россия не умирала". "Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь... не оставляет нас". На вопрос о влиянии злой силы батюшка отвечал с удивлением и улыбкой: "А как Бог? О воле Божией забыли?"» «Батюшка все время повторял: "Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся..."»

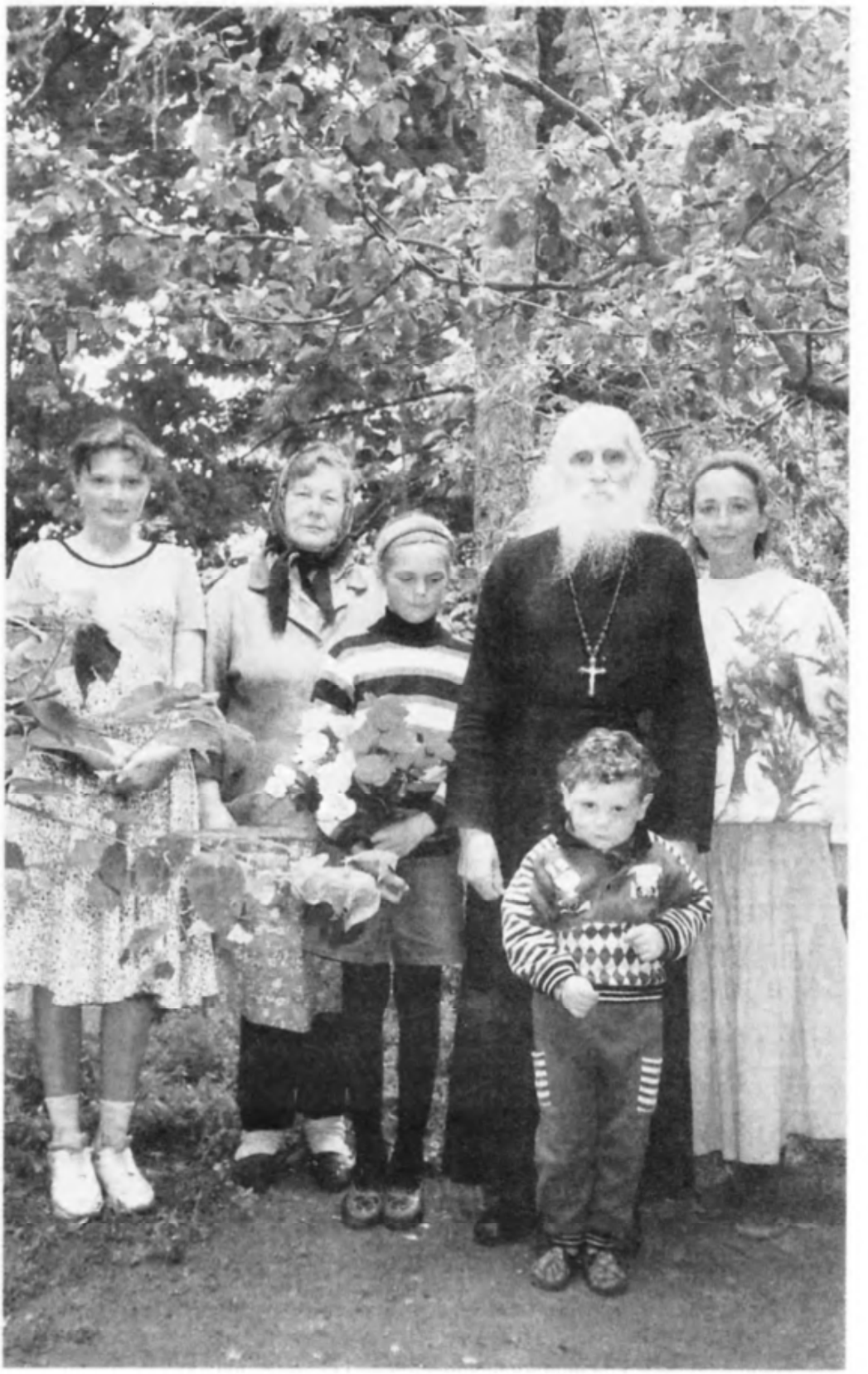
«Старец неизменно повторял, что надо радоваться тому, что храмы и монастыри восстанавливаются, надо радоваться, что все больше людей приходит к Богу. И главное — не унывать, а надеяться на Божию милость. "*Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться*". Батюшка во всем учил полагаться на волю Божию: "Будет, как должно быть"». «В самые сложные периоды жизни батюшка всегда говорил: "*Что тебе волноваться, у тебя есть вера*"».

Все сказанное не означает, что батюшка не видел трагедии нашего времени. Разным людям он говорил: «Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись». Слезно переживал старец события в Сербии. В день бомбежки НАТО летом 1999 года он сказал: «Вот, мои драгоценные, что означает сейчас святое слово Сербия — Сер-бия: бьют их». В это время на благословение чадам батюшка давал, вероятно, им самим составленный «Братский гимн».

У ворот храма

колаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

«На сердце было необычайно радостно, душа чувствовала особую бодрость, легкость, покой... Чувствовалось, что он вслушивался в обратившегося к нему человека и, в зависимости от его внутреннего устроения, корректировал свое поведение и совет. Разговор с ним был диалогом, а не авторитарным, назидательным монологом... До сих пор посещение старого батюшки на далеком острове в Псковском озере вспоминается как сияющий праздник».



Старец с духовными чадами

Назидание

«Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. Сердце примирилось со всеми».

Главное, что хочется отметить, говоря о даре утешения, свойственном старцу, — это то, что утешал он не только отдельных людей в их скорбях, но и с надеждой и верой говорил о судьбе России в целом. В ответ на сетования людей на тяжелую жизнь: «Батюшка! Как жить, когда Россией правят люди, ненавидящие и разрушающие ее?» — он неизменно говорил: «Нет! Нами правит Бог! Живите и радуйтесь!» Тем же, кто неумеренно отчаивался по поводу общих бед России, старец говорил, что это настроение, эти

Братский гимн[12]

В прежнее время порой надвигалось
Грозно латинство на нас.
Тайно и явно оно добивалось
Русь уничтожить не раз.

Много боролся за Веру Святую
Наш православный народ.
Эту глухую борьбу вековую
Русь и доныне ведет.

Послано Богом нам вновь испытание:
Тяжкое время невзгод.
В этом суровом горниле страданий
Должен окрепнуть народ.

Должен он Церковь и Родину смело
Грудью своей защитить,
Ради великого русского дела
Жизни своей не щадить.

Время под братской хоругвью сплотиться,
Выступить против врага.
Всем, в чьей душе вера в Бога хранится,
Всем, кому Русь дорога.

В братской любви и святом единенье
Наших успехов залог.
С ними не страшны врагов ухищренья:
В правде поможет нам Бог.

---

[12] Это стихотворение мы получили от жителей Талабского острова как принадлежащее старцу Николаю, в дни его памяти, летом 2005 года.

петь народный псалом: «Не унывай, не унывай, душа моя. Уповай, уповай на Господа!»

С преподобным Силуаном Афонским старца Николая роднило также и то, что он молился за весь мир, плакал «о всем Адаме», и не только за живых, но и за миллионы усопших молитвенно воздыхал день и ночь.

СТАРЕЦ НИКОЛАЙ — ПОЧИТАТЕЛЬ ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ

В жизнеописании старца Николая мы хотим принести ему сугубую благодарность за то, что по его молитвам, к которым присоединились молитвы тысяч людей, в 2000 году на Архиерейском Соборе были прославлены Царственные Мученики. Благодарность наша старцу может и должна проявиться в том, чтобы по его примеру воспитывать в себе дух царепочитания, уразумения великого значения служения Помазанников Божиих.

В юном Николае Гурьянове этот дух возжег сам Господь. Напомним о том, что в девятилетнем возрасте ему было открыто то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. Благоговение и покаяние перед Царственными страдальцами он пронес через всю свою жизнь.

Особенно настойчиво о необходимости почитания и прославления Царственных Му-

чеников старец Николай стал говорить в конце 1990-х годов, когда к нему на остров началось массовое паломничество и когда на высшем уровне — в Комиссии по канонизации на заседаниях Синода Русской Православной Церкви — бурно обсуждался этот вопрос. Как известно, противниками канонизации были многие члены Комиссии, и далеко не все архиереи были ее сторонниками.

В 1997 году в келии старца Николая совместно с ним и по его благословению было написано и передано в Патриархию Обращение чад Русской Православной Церкви, духовенства и мирян к Святейшему Патриарху Алексию по поводу необходимости прославления Царской Семьи. В это же время старец благословлял людей на келейную домашнюю молитву Царственным страдальцам, говорил о том, что канонизацию нужно вымаливать.

Все «царское» собиралось и сохранялось в домике батюшки на острове с особой любовью. На фотографиях, сделанных в келии старца, мы видим икону Царственных Мучеников, их портреты. В келейных молитвах старца постоянно звучали акафист и канон Царю-Мученику, составленный в Русской Православной Церкви за рубежом, где Государь уже был прославлен. Старец раздавал паломникам иконы Царственных Мучеников, фотографии, акафисты, таким образом поддерживая и вдохновляя народное почитание святых, плодом которого и стало долгожданное официальное прославление на Архиерейском Соборе 2000 года.

Благословение старца

В этом гимне выразился неизменно бодрый дух старца — скорбя и плача о страданиях людей, старец шел по пути преподобного Силуана Афонского: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Толкователи этих слов говорят, что «держать ум во аде» — это значит постоянно переживать муку всего мира, сострадать страдальцам всего мира, «и не отчаиваться» — это значит всякий раз, когда мука сердечная за людей достигнет предела, сказать себе: «Не люди и временные правители управляют миром, миром Божиим управляет Сам Господь. Он владеет царствами земными и судьбами отдельных людей. Потому так часто повторял отец Николай: «Слава Богу за все!» И прибавлял строки из духовного стиха: «Слава Богу за скорбь и за радость». А еще любил

Батюшка Николай очень любил «царского поэта» — Сергея Бехтеева, любил слушать его стихи, благословлял раздавать паломникам, говоря, что они служат поднятию русского, царского духа. Об одном стихотворении Бехтеева старец сказал: «Видите, как Господь возлюбил Царя и причислил его к избранным святым... Спаситель возвысил Царя Николая за его крестное смирение... Царь Николай — великий святой...» Процитируем строки из этого стихотворения:

Старица... смотрит и видит,
Молитву честную творя,
Рядом с Христом — самого Страстотерпца Царя.
Лик его скорбен; печаль на державном лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла...

Это откровение-видение было дивеевской старице в 1917 году, когда Государь еще был жив и царствовал...

С почитанием Царственных Мучеников старец Николай связывал судьбы России и всего мира. Он говорил о том, что Государь-Мученик Николай молится за свое земное Отечество, скорбит о нем и ждет народного покаяния, явленного не на словах, а на деле.

Одной из основных современных бед батюшка считал непонимание природы Самодержавия. Он с сокрушением говорил о том, что Православная Церковь, хранительница благодати помазания на Царство, не смогла и не хо-

тела уберечь Государя Николая II и вынуждена была промолчать в самое тяжелое время. Не нашлось сил остановить злодеев — а мы знаем, что были и приветственные телеграммы в Синод по поводу вынужденного отречения Государя, была и скоропалительно составленная ектенья о «богодарованном Временном Правительстве», и земля наша обагрилась реками крови.

Старец неустанно повторял о необходимости сознания значения царской харизмы — того, что царская власть имеет особое помазание свыше. Он говорил о том, что нужно молиться о даровании России царского правления: «Не будет Царя, не будет России! Осознать должна Россия, что без Бога — ни до порога, без Царя — как без отца».

Накануне общецерковного прославления Царственных Мучеников отец Николай в ответ на беспокойство его келейниц, произойдет ли это, твердо сказал: «Царь — святой, грешно думать иначе, у Бога они все уже прославлены, ведь вы помните их святое житие? Как же можно не почитать их святость? Они — угодники Божии, святые, мученики драгоценные, Господом возлюбленные!»

На Архиерейском Соборе в августе 2000 года, как теперь уже понимают многие, произошло настоящее чудо — все архиереи (за исключением одного) проголосовали за канонизацию. Это было торжество правды и Торжество Православия! А старец Николай Гурьянов

был одним из главных тружеников духовных, подготовивших это торжество.

И после состоявшегося прославления старец велел своим чадам не успокаиваться («не спать», — так он говорил), благословлял собирать все, что можно, о Царе — иконы, духовные книги, книги воспоминаний, портреты. И как заповедь оставил благословение всем нам: «Свято берегите святого Царя и Святую Русь!» И утешение оставил: «Молитва к Царю Николаю — это духовный щит России».

КРЕСТОНОШЕНИЕ СТАРЦА В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЖИЗНИ

В 1990-е годы по всей стране получило развитие массовое паломничество к православным святыням, что, конечно же, можно назвать отрадным явлением. Паломничество в наше время — одно из самых ярких средств православной миссии. Но для старца Николая это «паломническое движение» оказалось новым крестом. Паломники устремились на остров «организованным порядком» — в день ему иногда приходилось принимать по нескольку автобусов — от 250 до 500 человек. В любую погоду — в летний зной, мороз, под дождем — старец выходил к народу с иерусалимским маслицем, и ни одного человека не отпускал без утешения.

От помазания этим маслицем получали облегчение телесных недугов и душевных скорбей.

...Открывалась заветная дверца маленького зеленого домика в одно окошко, и навстречу нам выходил тот, о ком хотелось сказать, как о Создателе, «ветхий деньми», — высшее благолепие и мудрость являлись в блистающей седине, ярких голубых глазах и смиренной фигуре. Батюшка поднимал ручку к полочке над дверью, доставал оттуда маленькую бутылочку, в которую была вставлена разогнутая большая канцелярская скрепка, и начинал помазывать ожидающий этого помазания, как дара небесного, народ. «Драгоценные мои!» — обращался батюшка к паломникам, и было такое ощущение, что под его рукой обычное помазывание маслицем превращается в «печать дара Духа Святого». К некоторым паломникам он обращался с кратким словом; с поразительной легкостью, иногда даже с шуткой, юродствуя, он развязывал, разрешал самые запутанные узелки душевных смущений и кривых мыслей.

Теперь настало время произнести покаянные слова. Принести покаяние в непонимании и потребительском отношении к великим дарам духовным. «Вся беда в том, — сказал нам один опытный духовник, — что у людей нет правильных христианских понятий о подвижничестве и о старчестве». Как раньше ездили к старцам, например, в Оптину пустынь, о которой более всего сохранилось воспоминаний паломников? Ездили, когда наступала великая духовная жажда,

изо дня в день. Из старцев в те времена не делали кумиров, Оптинские старцы нарочито боролись с фанатизмом поклонников и поклонниц. Они учили человека верить в благодатную Божью помощь, а не мучить духовника мелкими вопросами (здесь мы, конечно же, не касаемся отношений между старцем и братией монастыря — тут действуют другие духовные законы).

Как едут к старцам в наши дни? Келейники, да и сами старцы свидетельствуют: современные паломники почти не задают духовных вопросов. К старцу относятся, грубо говоря, как к гадалке: где сейчас мой сын, он давно пропал из дома; менять мне эту квартиру на другую, на какую именно и какого числа; поступать в торговый колледж или в педагогический институт, и т. д., и т. п. В результате мы видим: чем милосерднее относится батюшка к людям, тем больше он получает от них упреков, клеветы, непонимания.

Когда думаешь о подвиге старца Николая Гурьянова в последние годы, вспоминаются слова преподобного Амвросия Оптинского, которые он говорил, страдая от наплыва народа, шамординским матушкам: «Я тут у вас — как распятый». Да только люди тогда все-таки были скромнее. Они не стучали в закрытые двери и окна батюшки, не заставляли его часами простаивать на морозе или жаре, не требовали тут же, «вынь да подай», ответ на любой вопрос. Они не снимали о старцах фильмов, не писали статей, не фотографировались со старцем на память...

Истолковывают эти слова по-разному, понять их можно через сравнение с тем, что происходило в последние годы жизни с великим Оптинским старцем, преподобным Нектарием. Вот что мы читаем в его житии: «Бремя старчества страшно и тяжко. И быть старцем каждую секунду непосильно человеку. Старца окружала великая любовь, но и великая требовательность». Это слова келейницы старца, которая видела не только Божескую славу, но и его человеческую физическую немощь, и то истощание старца ради людей, которое подобно крестной муке. И подумалось: что же мы все делали, не давая ему покоя? Забывая о том, как подвижники готовятся к переходу в вечную жизнь, месяцами, годами пребывая в уединении. Многие из них уходят в затвор, а многие, и находясь на людях, уже не вникают в их преходящие проблемы и смущения. Хотя это не означает, что, внешне не участвуя в жизни людей, подвижники их бросают на произвол судьбы.

«Чадо мое, столько лет ты меня знаешь, неужели ты не понимаешь, что теперь я могу больше помочь тебе молитвами, нежели словами?» Не приходилось ли нам слышать такие вразумления... и пропускать их не только мимо ушей, но и мимо души? Почему мы не давали старцу Николаю такой возможности, естественной для того, кто все свои силы уже отдал служению людям, — возможности подготовиться к переходу за грань этого бытия?

когда человек всей душой своей, всем помышлением устремлялся к Богу. К старцу ехали как к духоносному подвижнику, который может дать правильное направление в жизни. Ехали, «томимые духовной жаждой», к тому, кто может из опыта сказать, как бороться с грехом, как правильно жить в Боге, как жить по-христиански среди искушений современного мира. И, как написал последний Оптинский старец Никон (Беляев), люди, побывавшие у старца всего один раз, духовно вразумлялись гораздо больше, чем те, кто жил с ним рядом долгие годы и видел его

Нам не постичь было сути той духовной битвы, которая бушевала вокруг старца. Потом только мы стали узнавать некоторые подробности.

Путаница, обман, искажение духа истины, различные духовные подмены — вот что только могли мы каким-то несказанным образом почувствовать в то время. Но разобраться в этом?.. Наше ли это дело? Ведь подобное познается подобным, и о тайне жизненного духовного пути старца может сказать только сопричастный ему человек, как раньше говорили, сотаинник.

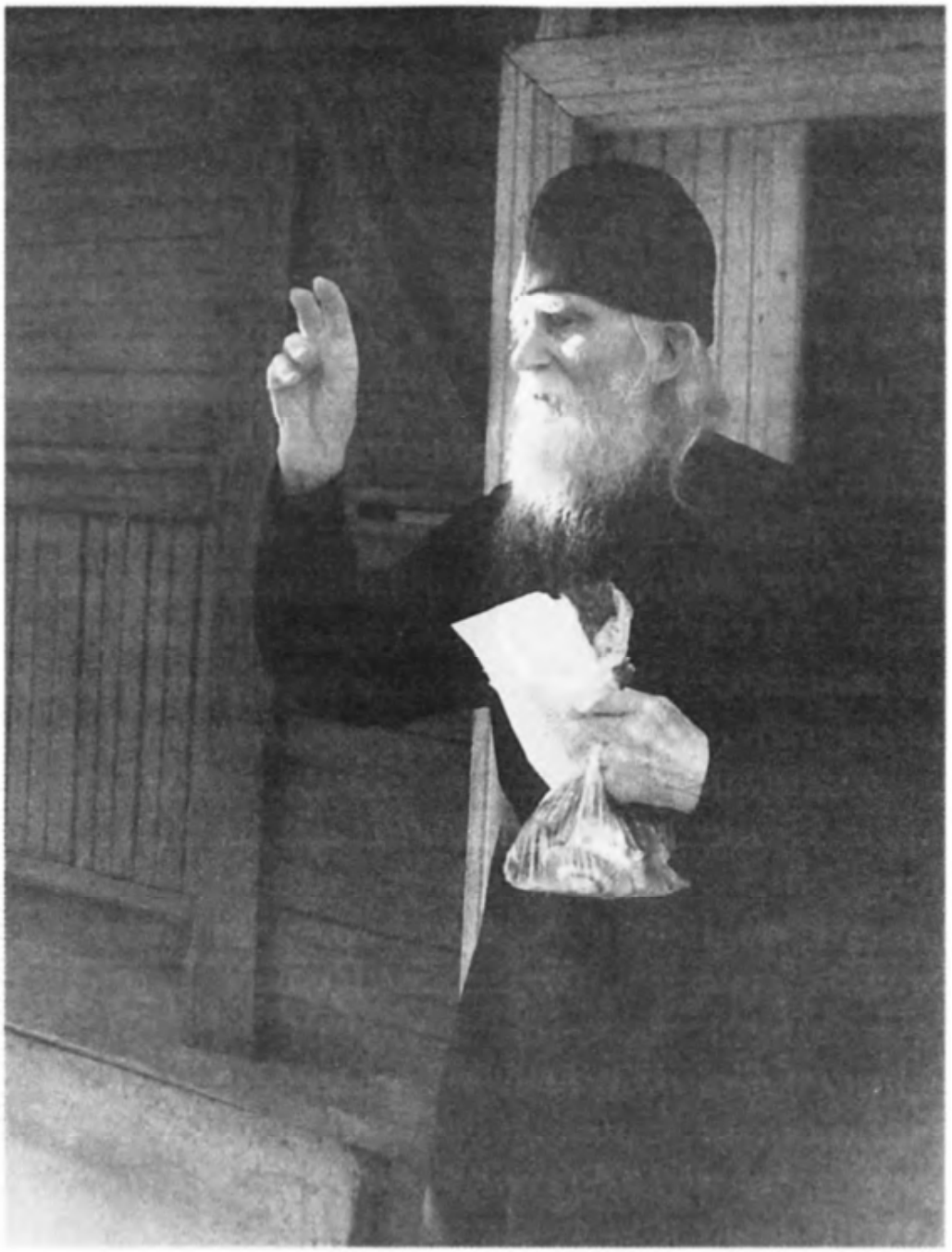
Все наши старцы — и времен прошедших, и настоящего — переживали гонения, клевету, непонимание. О причинах того, отчего это происходит, написал современник отца Николая — старец-архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже извалявшись в скверне греха, а кто отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто и задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои Отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий ухажер — диавол — на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а "вваливается" в Церковь со всем тем, что

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мир Твой» — так молятся старцы. Им всех жалко, они не осуждают. Все происходящее они принимают, как от Бога, благодарят за все: и за хорошее, и за плохое. А нам так хотелось втянуть Божьего человека в нашу борьбу — как нам казалось, святую борьбу — за правду, мы прямо жаждали вытянуть из него возмущение: «Батюшка! Посмотрите, что творится! (Количество восклицательных знаков можно бы увеличить). Нас продали! Нас обманывают! Над Вами тоже издеваются! Надо обличать! Надо защищаться!» И вдруг в ответ звучат страшные слова: «Им не надо теперь никакого старца, нет старца» (эти слова старец не один раз сказал во время одной беседы и они записаны на видео).

есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора. Он уже "знает, что такое благодать и как она выглядит", еще не начав быть православным христианином, он становится судьей и учителем. Такие люди примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их теперь».

Наши покаянные слова не означают, что все окружавшие старца люди были его мучителями. Конечно же, это было не так. Батюшка любил людей, получал от общения радость. Он был всецело предан воле Божией и все, что происходило, воспринимал как должное. И был против того, чтобы что-то изменить в своей жизни, когда ему это предлагали.

Хотя эту покаянную главку мы все-таки закончим нравоучительными словами одного священника: «Теперь явно, что многое из того, что приписывают старцу, — не он говорил, а от него говорили. Не искали воли Божией, а ехали уже с определенным решением: "Я знаю, что надо делать, чтобы было хорошо". Ну вот, старец и благословлял, видя такую внутреннюю установку, а потом человек набивал шишки и начинал учиться серьезной духовной жизни, в которой нет ничего механического. Часто люди ехали именно с такой формулировкой: "Батюшка, помолитесь, чтобы..." А может, молиться нужно совсем о другом? "Батюшка, благословите на то-

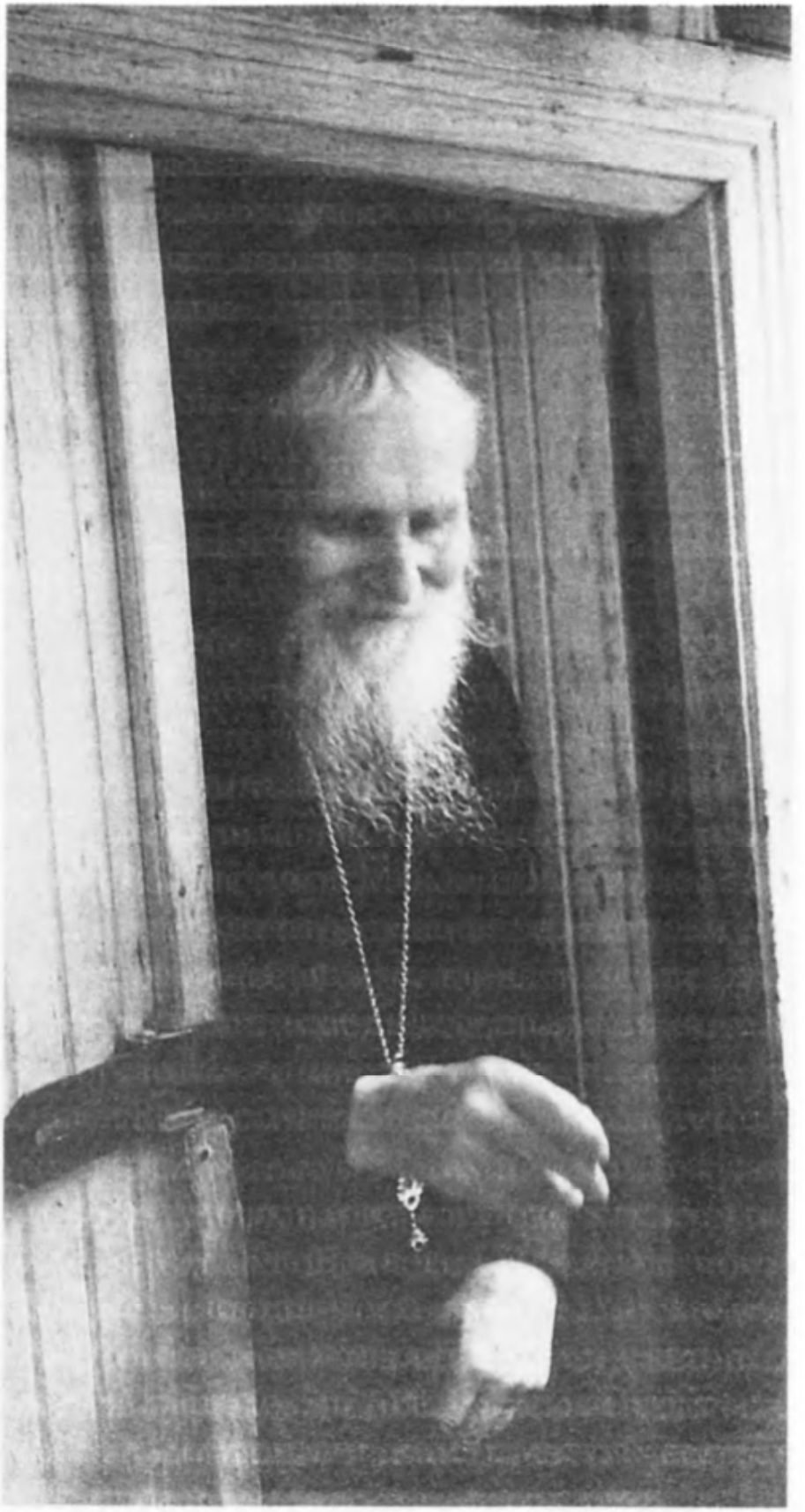


Старец в последнее время постоянно просил: «Молитесь обо мне». Значит, ему было нелегко. Мы все — слепые, нам недоступны тайны духовной жизни. Мы судим обо всем по-плотски. Нам не было видно, что на самом деле в духовном плане происходило в домике на острове Залита.

то и то-то". А может, нужно сначала спросить: "А нужно ли мне это делать?" Но человек уже заранее убежден, что "его дело правое", нужно только благословение получить. Поэтому старец часто на все вопросы отвечал только: "Помоги вам Господи, спаси Господи", то есть как Бог Сам все устроит, так и будет. Надо было внимательно слушать старца. И выполнять его благословение в той последовательности, которую он открыл, а не механически. Старцы, подвижники — это те, кто правильно молится. И Бог посылает им свои дары. А мы все умничаем. Вопросы любим задавать, хотим, чтобы у нас в жизни все поскорее да получше разрешалось. А нужна верная основа жизни для каждого человека — правильно молиться и учиться всю жизнь у Церкви, остальное приложится».

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ИСХОДУ В ВЕЧНОСТЬ

По словам врачей, которые постоянно посещали старца на протяжении последних лет его жизни, его физические муки были непрерывными. Но старец никогда не жаловался на свои страдания. Вот что написал об этом профессор Военно-медицинской академии В. А. Гориславец: «При исполнении своего врачебного долга во время продолжительной тяжелой болезни батюшки Николая я особен-



но отмечал его смирение и терпение. На первый мой вопрос: "Каково Ваше здоровье, дорогой батюшка?" — следовал, как правило, ответ: "Да все хорошо". По прошествии определенного времени пребывания в келии узнавал, что головные боли у батюшки Николая были практически постоянные в течение последних трех лет».

Также поражался терпению и вере старца священник, приезжавший его причащать в последние годы жизни — протоиерей Валериан Кречетов, духовник Московской епархии. Но он же признавался, что при всех телесных немощах отец Николай оставался прозорливым старцем. «Отец Николай был непрост. Он не у всех причащался: скажет, что уже поел, — и все. В следующий раз я все поставил, приготовил Святые Дары на столе. Матушка Николая пошла сказать, что отец Валериан приехал его причастить. Батюшка вышел, я спросил: "Батюшка, хотите причаститься?" — "Нет, я уже поел, не буду причащаться". Матушка огорчилась, а я: "Ну что же, батюшка, не будете, — значит, не будете, дело ваше". Он увидел, что я со смирением, не стал настаивать, учить старца, что ему делать, и вскоре сам сказал: "Ну, давай причастимся". Потом он меня спросил: "Батюшка, а вы будете причащаться?" — причастился и я вместе с ним. Дело в том, что молодые священники часто начинали уговаривать: "Нужно", — поучали старца».

И в великой телесной немощи, сковавшей старца в последний год, он продолжал воспитывать близких людей. Тот же отец Валериан

вспоминает: «Я знал, что батюшка мог стукнуть по щеке, обычно он бил по левой. То одного похлопает по щеке, то другого. Батюшка с любовью большой это делал. Говорят, что он оттонял этим *нечистого*. За много лет, сколько я ездил к нему, старец никогда меня ни разу не стукнул. Мне даже было грустно оттого, что он меня никогда не тронул, потому что кого Бог любит, того и наказует... Зато потом отец Николай дал мне как следует, да так сильно, что у меня в голове все затряслось. Ну, дождался и я... Я вроде попросил, так он и дал. Старческое в нем было — это несомненно».

ПОГРЕБЕНИЕ

Долго собирался старец «домой» (как он сам говорил) – к небесным жителям, с которыми он роднился при земной своей жизни, постоянно напоминая, что «отходит от нас навек». Долго и тяжело болел в последние несколько лет, об этом знали паломники, почитатели отца Николая. Но все-таки известие о кончине старца *24 августа 2002 года* оказалось для многих одним из самых сильных потрясений в жизни. Люди привыкли чувствовать себя за старцем, «как за каменной стеной». Знали силу его молитвы, верили, что он – один из тех, кем стоит земля русская. Потому так тяжела была весть о его уходе в мир иной.

Для того чтобы лучше передать состояние людей, прибывших на отпевание благодатного

ли вокруг храма с каноном "Волною морскою" и понесли на кладбище. Перед каждой улицей поднимали гроб три раза. К тому времени, как принесли гроб с телом старца на кладбище, кончилась панихида, но не сразу закрыли крышку: постоянно приходили катера, люди шли потоком, и владыки решили ждать всех. Для батюшки сделали специальный склеп, выложенный кирпичом, замуровали гроб.

Веруем, что ныне отец Николай молитвенно предстоит за Россию пред лицом Господа нашего на небесах. Возжегся новый светильник Божией благодати, ведь Святая Русь не погибает никогда. О диво дивное! В эпоху кромешной тьмы Господь сподобил нас жить среди святых и лицезреть их».

И по прошествии пяти лет исполняются слова батюшки: «*Когда я уйду, то будете приезжать ко мне на остров, как и прежде*». Паломничество на остров не иссякает, по-прежнему люди получают исцеления от «иерусалимского маслица», которое ныне налито в лампадку на могиле, получают душевное утешение в открытой для посещения келье старца, молятся в восстановленном старцем храме его небесного покровителя святителя Николая.

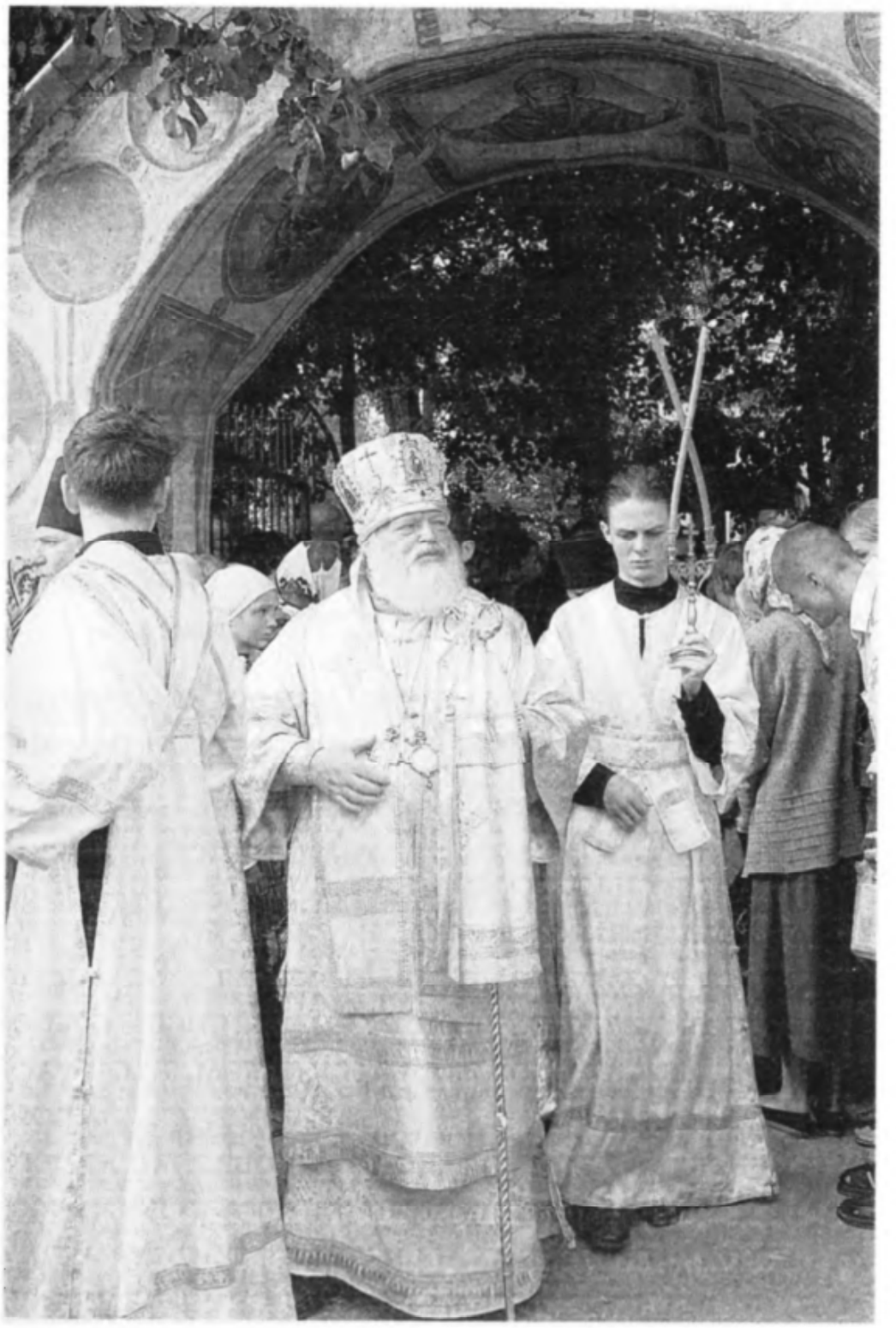
СЛОВО ЖИЗНИ

Когда уходят из земной жизни праведники, мы стремимся узнать их завещание. Приснопо-

минаемый старец Николай оставил нам свое завещание в книге «Слово жизни».

Бледными устами
Священник Слово пел,
Печальными очами
Он на мир глядел.
И клавиши, сроднившись
С недужными перстами,
В тиши уединившись,
Как будто пели сами.
О, сколько в этих звуках
Невысказанной боли...

Таким видели старца, протоиерея Николая Гурьянова, его ближние. Отец Иоанн Миронов вспоминает, как любил старец попеть вместе с кем-то из паломников духовные песнопения, сам аккомпанируя на фисгармонии. «И поплачем вместе, и помолимся — и так хорошо на душе, — рассказывает отец Иоанн. — Батюшка всю жизнь собирал псалмы. Просил, чтобы ему привозили все, что услышишь или найдешь в дореволюционных книгах для народного пения. Многие песнопения он сам положил на ноты. Показывал я рукопись батюшки профессору ЛДА Н. Д. Успенскому — литургисту. Он одобрил. Батюшка потом благословил издать книгу «Слово жизни». Вот уже три раза она переиздавалась. В ней — вся жизнь батюшки. Ни одной минуты он не пропускал, как мы, грешные, вся жизнь его — с Богом и ради Бога прожита».



Владыка Псковский Евсевий у ворот кладбища

У ворот Талабского кладбища

старца, приведем выдержки из воспоминаний одного из очевидцев — иерея Алексея Николина, клирика Псковской епархии.

«24 августа, в субботу, у нас, как обычно, шла воскресная всенощная служба. Во время шестопсалмия мне передали записку: "Просьба молиться о здравии отца Николая". Во время Великого Славословия передали записку о упокоении... Я успел договориться о том, кто будет служить, с кем ехать, — и мы поехали. Дорога была вначале хорошая, но у Пскова уже ничего не было видно из-за густого тумана. В воскресенье ночью добирались на катере с большим трудом, но все-таки нашли остров. Отец Валериан Кречетов уже служил первую панихиду, приехав на полчаса раньше. С нами из Петербурга ехал

Паломники у кельи старца в день его памяти

архимандрит Гурий. Вторую и третью панихиду уже служили мы.

Тело батюшки перенесли в храм, затем снова начались панихиды, читали Евангелие. Стали прибывать люди. Причастников на воскресной Литургии было немного. Потом вновь была панихида, священники читали Евангелие по три главы. Когда приехал владыка Евсевий, встал вопрос о том, чтобы везти старца хоронить во Псков. Люди единодушно были против того, чтобы батюшку увозили. Отец Николай хотел, чтобы его похоронили на острове. Владыка разрешил всем священникам, кто пожелал, участвовать в службе. Вечером опять было чтение Евангелия, Псалтири, отцы читали всю ночь. В понедельник утром было сорок служащих священников,

Крестный ход у могилы старца в день его памяти

два владыки: архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий и Никон, бывший епископ Екатеринбургский, живший на покое в Псково-Печерском монастыре. Народу было уже очень много. Гроб вынесли на площадку перед входом в храм.

У отца Николая было очень спокойное лицо, словно у спящего, только гораздо строже. Ручки были мягкие и слегка прохладные. Вначале прощалось священство, потом пошли миряне. Прибыли монахи Псково-Печерского монастыря, архимандрит Тихон (Шевкунов) успел к концу Литургии, приехал со своим хором. Хор Сретенского монастыря пел отпевание. Они долго из-за тумана не могли попасть на остров. Когда закончилось отпевание, подняли гроб, обнес-

После этих слов отца Иоанна мы попробовали по-новому перечесть «Слово жизни». И дерзнуть написать о том, что открылось в этом молитвенном чтении. Да, книгу старца нельзя читать как обычную книгу стихов, вникая в эстетические достоинства. Вообще эту книгу не стоит — как это делают некоторые — оценивать с точки зрения художественности. Не для этого она собрана, составлена и издана. А для чего же?

Вот что сказал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш): «Вы замечали, что отец Николай часто спрашивал: "А у вас есть моя книга?" Дарил ее, если у человека ее нет. И добавлял: "А ты пой по ней". Я на себе это испытал — какую благодатную помощь оказывают песнопения из "Слова жизни". Каждый человек, живущий духовной жизнью, знает периоды уныния. Это тяжелейшее состояние, когда даже молиться не можешь. И вот именно тогда помогает пение этих бесхитростных, простых на первый взгляд кантов. Через них получаешь благословение старца, его помощь. Потому что они отражают ту борьбу, которую перетерпел он сам, и дают приобщиться к его опыту преодоления немощи человеческой благодатию Божией».

...Ступи ж Божественной стопой
На волны сердца моего,
Оно умолкнет пред Тобой
И вкусит мира Твоего.

...Дух, скорбию стесненный,
Сдавила грусть свинцом,
И в плоти моей бренной
Под тяжким я крестом.

Все собранное в «Слове жизни» — это свидетельства о Божьей благодати. Это рассказ, от страницы к странице, о том, что такое благодать и как она действует в человеке. Поэтому эти стихи не сопоставимы ни с какой светской поэзией: там на первом месте стоит «я» автора, а здесь — благодать Божия. И даже включенные в сборник хрестоматийные произведения М. Лермонтова, Г. Державина, А. Хомякова, Ф. Глинки, Я. Смелякова преображаются — они становятся в иной ряд, не в тот, в каком существуют обычно (творческий путь того или иного поэта). В «Слове жизни» важно не то, кто написал эти стихи, а о чем они. Эта книга составлена как памятник соборного творчества. Вспоминаю, как вместе с детьми мы пели «О, дивный остров Валаам» на палубе теплохода, заходя в монастырскую бухту. Было чувство, что через это пение мы общались с отшедшими поколениями, с теми, кто до нас пел эти слова на том же самом месте. С теми же чувствами поют паломники кант «Гора Афон, Гора Святая», подплывая к Пантелеимонову монастырю на Святой Горе. «Прощай же, обитель святая» — этот кант пели старушки-монахини, поминая закрытый монастырь, и этим пением приобщали молодое поколение к тем переживаниям, которые выпали на долю исповедников Христовых в нашей стране в начале XX века.

Низкий-низкий поклон батюшке Николаю за то, что он собрал все эти воздыхания народной души и соединил их под одной обложкой. Они — правда о Руси народной, о той, которую так старательно уничтожают уже почти столетие. В «Слове жизни» звучит бесхитростный, чистый народный голос простых прихожан, которых так мало осталось... Ведь мы — молодое поколение — в основном все «умники», сухие рационалисты, эстеты, «богословы» и прочие специалисты. И нам так нужно напоминание, что главное в жизни — не эти «достижения», а ласка, тепло, любовь, всепрощение, родственное внимание к людям.

Все эти песнопения — дар нам, плененным «окамененным нечувствием». Они — если их петь, а не читать, как обычную книгу стихов — могут расшевелить душу, разбудить ее, размягчить. В «Слове жизни» перед нами предстает картина народных бедствий: сиротства, вдовства, бесприютности, пьянства. Мы видим образы великих страданий Богочеловека, Его Матери, Его святых. Мы слышим слова утешения ко всем страждущим и унывающим, призыв стремиться «от тленности земной к вечности небесной». И так хорошо, когда прихожане во внебогослужебное время поют все вместе... Для того, чтобы петь стихиры, каноны, тропари, нужно понимать нотную грамоту, да и церковнославянский язык неплохо знать — не всем это под силу, а вот эти простые слова, подобранные к несложной мелодии, для всякого доступны.

Дух книги отца Николая можно сравнить с духом писаний преподобного Силуана Афонского — это то же предстояние Творцу за весь страждущий мир, это «Адамов плач» за всех и за вся, это оплакивание земной жизни перед лицом грядущей смерти и Суда.

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым, промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки,
Уж недалеки от меня.

Часто повторял старец эти строки приезжающим к нему паломникам. Посылал их помолиться на кладбище, что напротив его домика, где могилка его мамы, а теперь и его могила. Там на память приходит песнопение «И мы будем такими...».

Познай, откуда ты и кто,
Зачем пришел, куда идешь.
Что ты велик, и ты — ничто,
Что ты бессмертен, и умрешь.

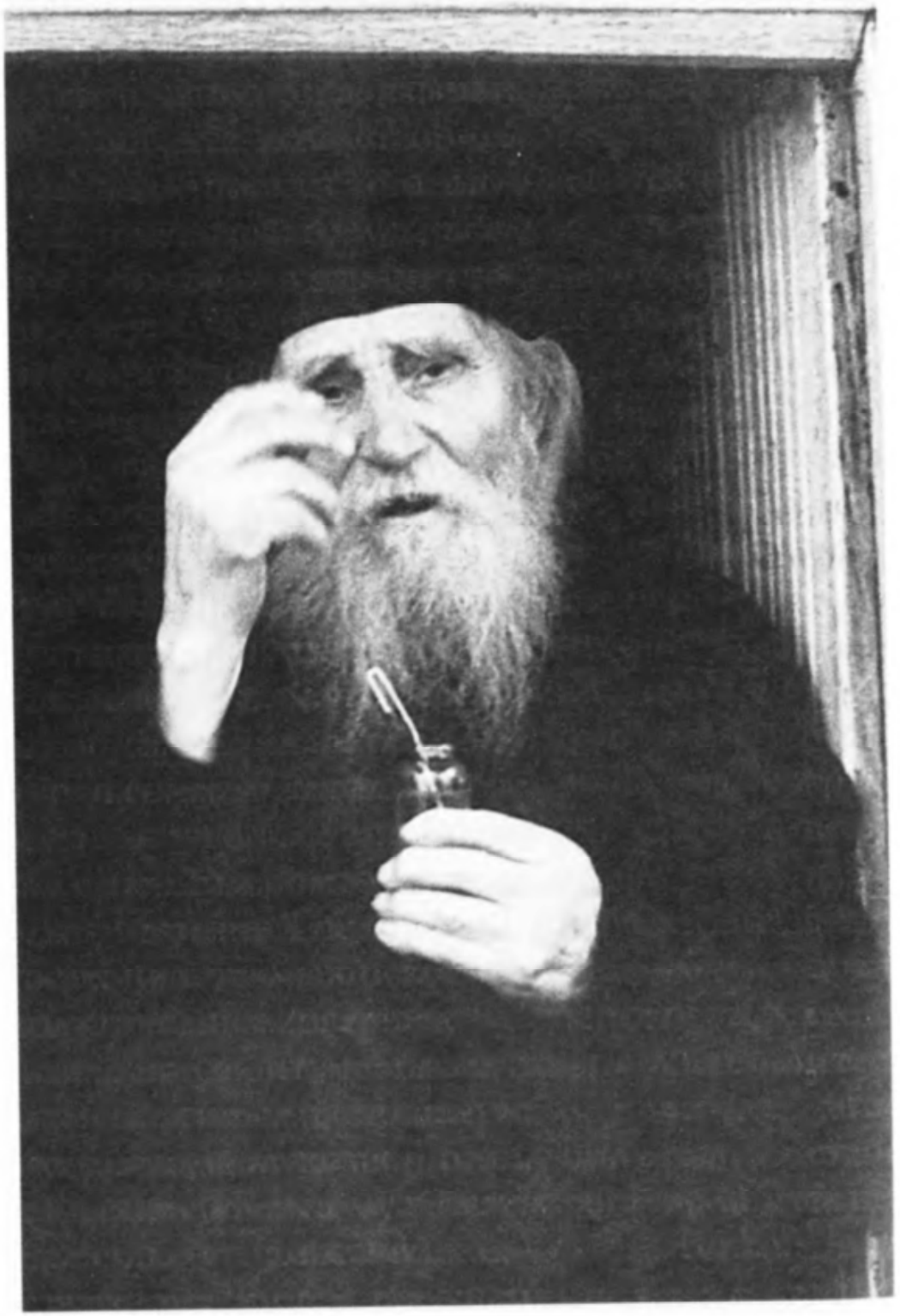
Перелистывая «Слово жизни», мы как будто слышим беседы старца с Господом. Они рождены желанием воспеть, прославить то, что дорого, выплакать то, что тяготит, — в них живая душа. Они нам показывают, что такое живая душа, душа, которая «скучает по Богу и слезно ищет Его». Душа, которая «бегает бессловесия», которой недостаточно только «выполнять правила», она живет жаждой выразить Творцу и

Создателю все свои движения — и скорбные, и угнетающие греховным наваждением, и радостные. «Слово жизни» — это разговор со своей душой, это, как сказано в предисловии к книге, — «проповедь самому себе».

Вот он, блаженный пустынник, взыскующий
Века грядущего благ неземных.
Вот он, в скорбях, как мы в счастье, ликующий,
Душу готовый отдать за других!
...Силою он одарен благодатною:
Чуткой душой прозревает он вдаль,
Видит он язвы людские, невнятные,
Слышит он вопли — и всех ему жаль...
Учит искать он богатство нетленное,
Чтоб не владела душой суета, —
Ибо все мира сокровища бренные
Нашей душе не заменят Христа!

Когда поешь или читаешь это стихотворение Леонида Денисова о преподобном Серафиме из книги «Слово жизни», видишь не только во славе Отчей пребывающего преподобного, но и нам на утешение данного смиренного старца Николая с Талабского острова. Сам он о себе в конце книги говорил:

А я? Лишь утро наступает,
Стою пред образами.
Вам в помощь Бога призываю,
С надеждой, верой и слезами.



Прошу я Необъятного,
Не познанного Вами,
Спасти от неприятного
Семью и Вас с друзьями.

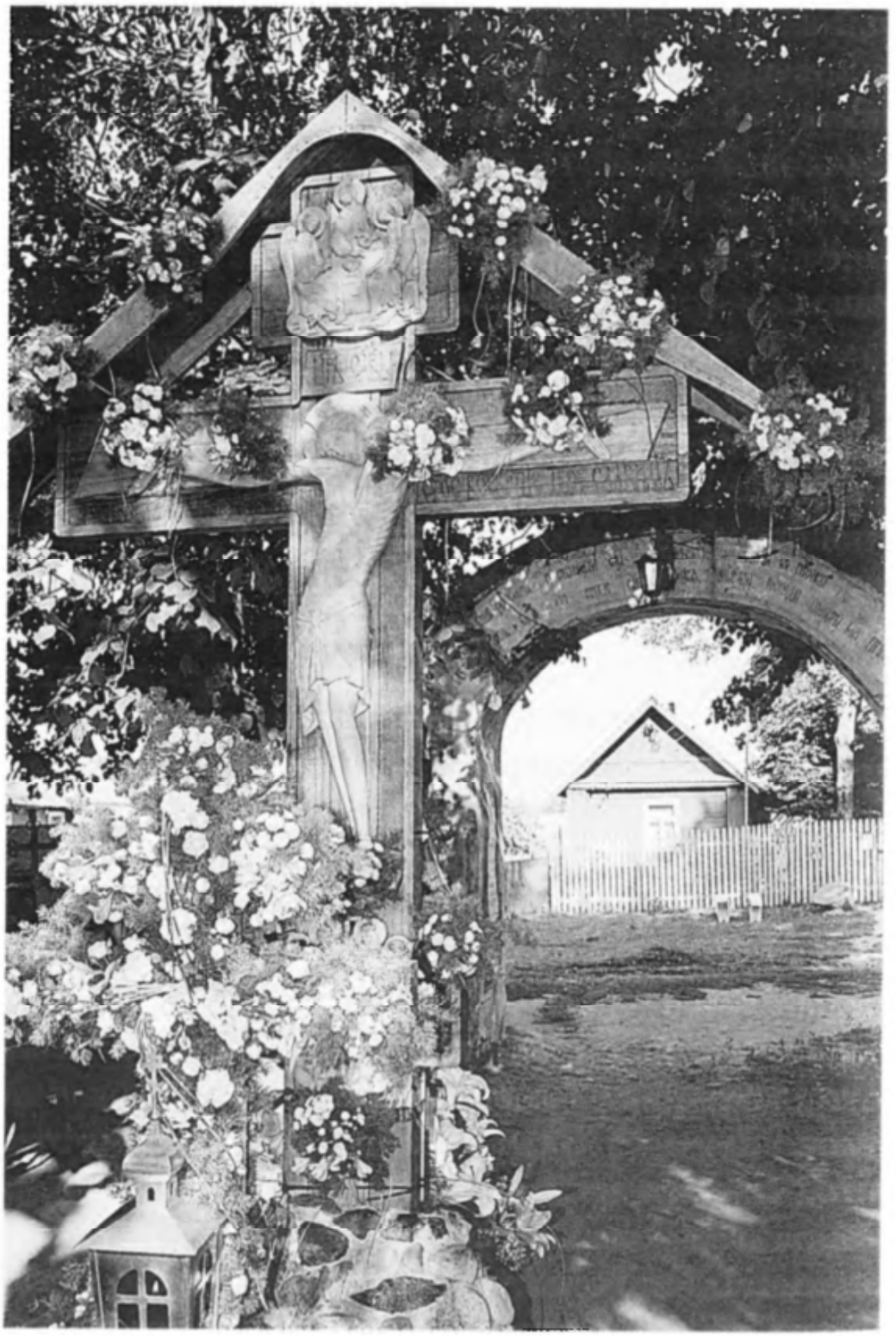
«Отец Николай для нас как скорая помощь, — сказал мне один паломник, — и не только при личной встрече он помогал, но помогает и через вылившиеся из его души слова, положенные на ноты в "Слове Жизни"». Помогает и после блаженной кончины своей.

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ НИКОЛАЕ ГУРЬЯНОВЕ

ЗАПИСКИ О СТАРЦЕ НИКОЛАЕ,

составленные его духовным чадом, грешным иеромонахом N

Мой первый приезд к отцу Николаю произошел летом 1985 года, когда еще на остров регулярно ходила «Заря» и когда старца почти никто не знал. Я прибыл во Псков во второй половине дня. Сойдя с поезда и придя на пристань, я узнал, что пароход делает всего два рейса в день — в семь утра и в два часа дня. Был пятый час пополудни. Ночевать мне было абсолютно негде, и поэтому надо было как-то добираться до острова. Но как? Про дорогу через Толбицы я тогда ничего не знал. На пристани стояло прогулочное судно из Тарту с эстонцами-туристами. Поднявшись на палубу и пройдя в капитанскую рубку, я узнал, что через час судно отправится в обратный путь по озеру и будет проходить мимо Залита, но на сам остров заходить не будет. Зайдет только на некоторое время на соседний остров Белов, который находится от Залита в шести километрах водного пути. «Что делать? Рискну», — решил я и попросил капитана взять меня до Белова. Через час мы тронулись в путь. Пароходик казался пустым. День стоял солнечный. Разморенная дневной жарой и утомленная путешествием публика отдыхала по каютам. Найдя укромное место на

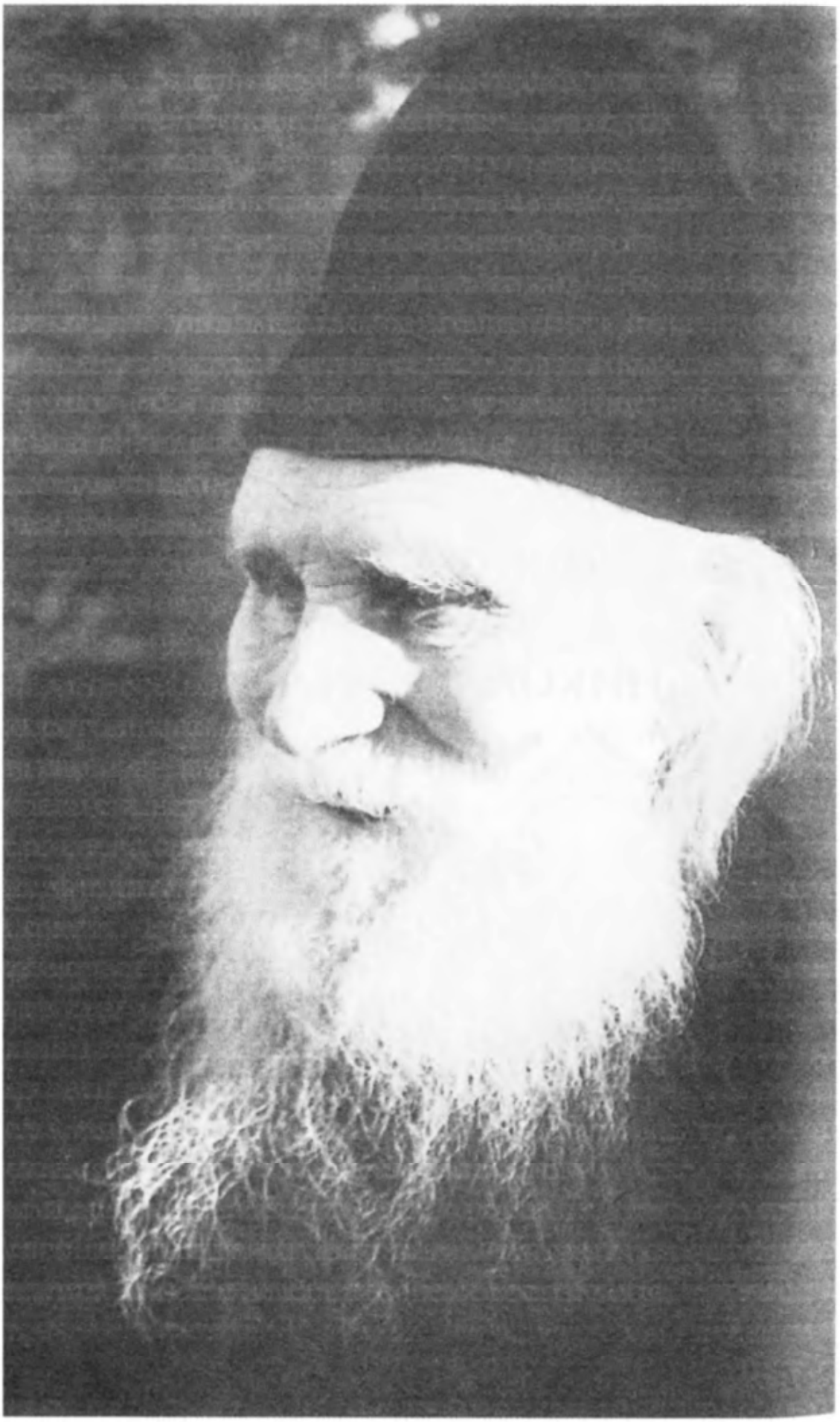


Могила старца Николая Гурьянова

палубе, где я никому не мешал и где меня никто не видел, я поудобнее устроился и предался созерцанию красивых берегов реки Великой. Вскоре пароходик вышел в необъятное Псковское озеро, и пейзаж сменился. Его однообразие мне быстро наскучило. Чтобы скоротать время, я раскрыл молитвенник и стал читать акафист Иисусу Сладчайшему. Насытив свой дух молитвой, я глянул в озерную даль. Однако заветный остров, который я поджидал с легким волнением, не появлялся.

Не найдя, чем бы еще себя занять, я поднялся наверх, походил туда и сюда по палубе и, сам не зная как, очутился в рубке капитана, который оказался на редкость общительным человеком. Он с привычным вниманием покручивал свой штурвал. Мы разговорились. Я не обладаю счастливой способностью быстро сходиться с людьми. Однако добродушный капитан, от которого исходила спокойная уверенность, своей открытостью и широтой натуры быстро расположил меня к себе. Беседовал я с ним как с давно знакомым человеком. «А-а, ладно, — сказал неожиданно в конце разговора капитан, — поехали на Залит, так и быть, отвезу».

Через полчаса пароходик причалил к берегу острова Залит. Экскурсанты-эстонцы лениво вышли из своих кают, чтобы посмотреть, куда они прибыли. Узнав, что это не Белов, они молчаливо провожали меня вопросительно-равнодушным взглядом. А на самом берегу острова, у пристани, скопились ребятишки и другие обыватели ост-



рова, пришедшие посмотреть на причалившее в неурочное время судно и выяснить, по какой причине оно приплыло. Для островитян незнакомый пароход, прибывший не по расписанию, — это целое событие.

Под любопытными взорами местной детворы и рыбаков я спустился на берег, помахал напоследок рукой доброму капитану и направился к церкви, которую заприметил задолго до причала благодаря высокому шпилю ее колокольни. Церковь оказалась закрытой. Узнав, где живет отец Николай, я отправился в указанном направлении, стараясь не наступать на раскиданные по обеим сторонам тропинки рыболовецкие сети. Подойдя к домику, я осторожно постучался. Довольно продолжительное время не было никакого ответа. Но вот в сенцах послышалось копошение и затем неторопливые шаги. Дверь приоткрылась, и я впервые увидел старца. Он был в поношенном подрясничке и выглядел как-то уж очень просто. Ни величавости, ни духовной строгости, ни значимости и вообще ничего такого, что указывало бы на его исключительность, я не находил в его облике. Он держал себя предельно скромно и казался обыкновенным стареньким батюшкой. «Вы что хотите-то?» — услышал я вопрос старца. «Меня послал к вам архимандрит N», — ответил я. «Да ведь я немощный и старый, ничего не могу. Зачем же он ко мне посылает?» — непритворным голосом произнес отец Николай. И в первый момент я поддался этой невзрачности представшей

учился на предпоследнем курсе Педагогического института и проходил практику в школе, преподавал русский язык и литературу. Своим вопросом старец давал мне понять, что ему известен род моей деятельности. Это был как бы ответ на мой мимолетный помысл о том, что, может быть, зря я ехал в такую даль. Но в тот момент, когда этот вопрос прозвучал, я, сбитый с толку его необычностью, не успел ничего сообразить. Я не привык к столь оригинальной манере общения, с которой до знакомства со старцем не встречался.

Надо сказать, что отец Николай обладал уникальной способностью приводить в нужное состояние тех, кто к нему приезжал. Ему необходимо было вызвать в нас ту особую расположенность и духовную чуткость к своим словам, которой у нас, людей, прибывающих из мира и зараженных его духом, конечно, не было. Нас всякий раз надо было приводить в чувство и очищать от той внутренней неподготовленности, которая проистекала от нашей собственной страстности и от приражений духа мира сего, которые мы всегда носим в себе. Здесь же, на острове, возле кельи старца, человек попадал в совершенно особое духовное измерение и не всегда сразу это понимал. Назидание, за которым паломник приезжал сюда издалека, должно было лечь на подготовленную почву. Оно всегда было предельно лаконичным, но, несмотря на краткость, касалось самых глубин души вопрошавшего и заключало в себе огромную духовную пользу. Об этой-то

пользе «единого на потребу» батюшка и заботился более всего. Своей манерой общения старец как бы внушал: «Вы приехали сюда не шутки шутить и не на прогулку. Здесь, на острове, вы услышите то, что имеет отношение к вашему спасению и к вашему дальнейшему жизненному пути. Поэтому оставьте свою обычную легковесность и мирскую беспечность».

Видя, что имеет дело с тугодумом, отец Николай, не дожидаясь моего ответа, стал подниматься в домик по ступенькам узенькой лесенки. Когда мы пришли в маленькую кухоньку, первым делом батюшка включил свет и подвел меня к картине, изображавшей будущий Страшный Суд. Сделав выразительный жест в сторону страдающих в адских муках, он сказал: «Как страшно попасть сюда-то, хорошо бы избегнуть сего да к праведным присоединиться, где веселие вечное». Да, действительно, старец был прав: своей будущностью в вечности, по большому счету, я не жил. (Да и сейчас, пожалуй, в том же грехе пребываю). Все оценивал и измерял сегодняшним днем, рамками земной жизни, растворяясь в веке сем. «Нельзя так жить», — это был первый урок старца.

Затем последовал второй урок. Батюшка поставил передо мной тарелку клубники с сахаром, отрезал ломоть булки, намазал его маслом и велел есть. Угощение пришлось кстати, так как я с дороги весьма проголодался. Пока я ел, старец удалился в свою комнатку. Как я ни был голоден, но почему-то после не-

передо мной картины. «Старенький священник, каких много. Неужели зря ехал в такую даль?» — мелькнуло в моей голове. Не таким рисовался старец в моем воображении. Я застыл в легком недоумении, но все-таки дверную ручку из своей руки не выпустил. Не помню, сколько времени провел я в своем замешательстве. Прервалось оно внезапным приглашением старца: «Ну ладно уж, проходите». Я обрадовался и с поспешностью схватился за свой портфель. Однако на самом пороге домика старец вдруг остановил меня весьма странным вопросом: «А ты хорошо выучил, как пишутся частицы "не" и "ни"?»

Смысл этого обращения я понял не сразу. Мне стали ясными слова старца только на следующий день, когда я на рыболовецком катере плыл по озеру в обратный путь. В то время я

скольких ложек насытился. «Батюшка, я больше не могу. Можно мне оставить?» — сказал я. «Нет, нет, — послышалось возражение, — я люблю, чтоб до сытости». И это была неожиданная вторая правда. Я на самом деле всегда ел, что называется, «до упора». Более двадцати лет прошло после первой поездки на остров, но до сих пор я, «чернец окаянный», не могу преодолеть эту любовь к вкушению пищи «до сытости».

Так бывало довольно часто: я ехал с одним, а старец назидал совершенно в другом. Он строил беседу не по заготовленному мною плану, а в соответствии со своим видением моей духовной пользы. Конечно, он был прав: откуда мне ее видеть, когда я духовно слеп? А ему была открыта вся жизнь человека, прошлая, настоящая и будущая. Причем, с духовной точки зрения. Со временем, держа в уме свой вопрос, я научился полностью подчиняться ему и не ждать от старца непременного ответа на то, что приготовил. Случалось и так, что я ехал без всякой цели. Мне нравилось, когда кто-нибудь из знакомых просил его свозить к батюшке. У меня тогда появлялся повод побывать на острове. И вот, иногда в такие «чужие» поездки, будучи «пустым», я уезжал от старца с такими «наполнением», которое самым решительным образом меняло мою жизнь.

«Значит, ты у нас филолог, — сказал старец, появившись на пороге кухоньки. — А читал ли ты "Братьев Карамазовых" Достоевского?» Менее всего на острове я ожидал услышать что-либо

о литературе. Эта сфера мне казалась слишком далекой от духовности и даже, в общем и целом, противоречащей ей. Застигнутый врасплох таким вопросом, я не успел обратить внимания на то, что никакой предварительной беседы о моей учебе у меня с отцом Николаем не было. Только на следующий день я вспомнил этот эпизод и поразился не только прозорливости батюшки, но и тому, как ненавязчиво он ее передо мной обнаружил. О моей принадлежности к филологии было сказано как бы невзначай, мимоходом, без всякого подчеркивания или курсива. В старце не было стремления поразить и подчинить себе личность чрезмерностью своих дарований. Достигши необыкновенной высоты, он был предельно скромен, мудр и бережлив в обращении с человеком.

Я, как школьник, пролепетал что-то невразумительное о своей любви к Достоевскому, но сути вопроса, конечно, не уловил. Без сомнения, батюшка знал, что студент предпоследнего курса филфака не мог не читать Достоевского. Старец спрашивал, понял ли я мысль Достоевского в «Братьях Карамазовых», прочитал ли я этот роман соответственно авторскому замыслу? Интересно, что на государственном экзамене по русской литературе мне попался билет именно по «Карамазовым». Помню, что, перечитав роман незадолго до окончания вуза, я неожиданно обнаружил, что Достоевский всех трех братьев, в том числе и Ивана — самую противоречивую личность — приводит в конце к единому резуль-

тату, то есть к Богу. Поэтому роман и называется не именем одного из них, а именно «Братья Карамазовы». Эту трактовку я и отстаивал на экзамене. Было ли такое прочтение произведения плодом молитвы старца, в точности не знаю, но не исключаю такой возможности.

После такой затянувшейся преамбулы, из которой я увидел, что священник острова Залит — человек необыкновенный, старец приступил к разрешению того вопроса, с которым я приехал. А приехал я вот с чем. За год-два до окончания института у меня появилось желание посвятить свою дальнейшую жизнь служению Церкви. Я начал регулярно посещать храм Божий и старался строго выполнять все правила церковной жизни. Это стало причиной серьезного разлада в моей семье. Взаимопонимание между мной и моей молодой супругой исчезло. Наши отношения приняли тяжелый характер и вскоре зашли в окончательный тупик. Жена не только не сочувствовала моей «прорезавшейся» религиозности, но и слышать о ней не хотела. Она была для нее в тот момент органически неприемлема. Все это происходило в советское время, когда священники воспринимались обществом как люди давно отжившего, чуждого мира, для которых не может быть места в современном укладе. В институте я числился на хорошем счету. Дело шло к продолжению учебы в аспирантуре, впереди открывалась многообещающая перспектива научной и вузовской деятельности, и вдруг такое жизненное фиаско — быть женой служителя

Церкви. Для человека неверующего это, конечно, трагедия. Не менее тяжелым было и мое положение. Меня неудержимо влекло в Церковь. Ко всему светскому я постепенно терял всякий интерес. И вот оказывалось, что удовлетворить свой глубокий жизненный запрос без того, чтобы не разрушить семью, я не имею возможности. Получалось, что те, кто были мне дороги, стояли на моем жизненном пути.

Это было настоящей, неразрешимой мукой. Я делал отчаянные попытки приобщить близкого человека к тому миру, в котором жил сам, но у меня ничего не получалось. Я натыкался на не менее отчаянное, активное и даже ожесточенное сопротивление. Я отчетливо видел, что от моего «миссионерства» пропасть, нас разделявшая, только увеличивалась. «Ты ничего с ней не сделаешь: она сформировавшийся, сложившийся человек с устойчивыми убеждениями, которых тебе не удастся переменить», — говорили мне люди не только с большим жизненным опытом, но и с немалым опытом духовной жизни. Я не мог игнорировать их оценку ситуации, так как искренне их уважал и питал к ним огромное доверие.

Потихоньку я начал приходить к мысли о неизбежности разрыва семейных отношений, не приносивших ничего, кроме душевной боли. И вот когда я пришел к окончательному выводу о невозможности дальнейшей совместной жизни, я отправился к духовному лицу, с которым держал совет все это время. Он-то, спаси его, Господи, и послал меня на остров.

Уезжая на Залит, мыслями я весь был в своей новой заветной жизни, к которой я чувствовал сильное влечение, к которой неудержимо тянулась моя душа и к которой не пускала меня разыгравшаяся семейная драма. Покупая билет на псковский поезд, я почти уже все решил. Как я был упоен открывавшимися горизонтами! Я не представлял себе, как смогу вернуться обратно туда, где не встречаю никакого сочувствия своему новому образу жизни, где нахожу одну лишь непреодолимую преграду своим пылким и высоким устремлениям.

Однако вопреки моим затаенным ожиданиям старец не благословил меня уходить из семьи. И это решение, безусловно, в тот момент спасло меня и моих близких. Премудрость Божия определила нам, столь разным и в то время столь далеким друг от друга, жить вместе. Именно в этом и заключалось Его благое промышление о нас. Но разве мы могли тогда это понимать? Ослепленные своими страстями, ищущие в жизни только удовлетворения своих желаний, что мы могли тогда видеть? Бог искал нашей духовной пользы и посылал нам то врачевство, которое соответствовало нашему тогдашнему устроению, а мы, духовно невоспитанные, духовно незрячие люди, ничего не понимая в решениях Божиих, настаивали на исполнении своей воли и отравляли себе и друг другу жизнь.

Но на острове произошло то, чего я никак не ожидал. Старец развернул меня, понятия не имевшего, что значит *смиряться*, обратно, в се-

мью, и при этом примирил меня с самим собой. Кто бы мог представить, что такое было тогда возможно. Произошло это потому, что благословение залитского затворника имело огромную духовную силу. В глубине души, в ее скрытых тайниках я понимал, что он прав, что тому счастью, о котором я мечтал, не суждено сбыться в одночасье. Я понимал, что дорога к нему лежит долгая и трудная, что его прежде надо *выстрадать*. Но у меня не было внутренних сил покориться этой правде. Старец, не благословивший мне ухода, не открыл мне чего-то нового. Но он сделал то, что кроме него не смог бы сделать никто: он утвердил меня в том, что я смутно чувствовал и чему не хотел подчиниться.

И чудное дело. После его благословения в моем своеволии произошел какой-то надлом, как будто его кто-то растрескал, расщепил, и через эти образовавшиеся трещины стало проникать в душу новое, незнакомое, смиряющее начало. Я как будто нашел в себе силы, пусть на время, принять свой крест. Конечно, мое любимое самоволие мучило меня еще очень долгие годы, но в тот первый приезд к старцу Николаю ему было нанесено первое и весьма ощутимое поражение. Великая милость Божия была в том, что нашелся человек, остановивший меня — всю жизнь лелеявшего свое «я» — на краю пропасти и уберегший меня, и не только меня, от гибельного падения в нее. Низкий поклон тебе за это, дорогой батюшка!

Все это видно мне сейчас, а тогда... Тогда я всю ночь не мог заснуть и ворочался с боку на бок, думая о своей беседе со старцем. Так как наша встреча состоялась под вечер, то батюшка устроил меня на ночлег к своей прихожанке и велел наутро прийти снова. Помню, как теплый ветер чуть колебал тюлевую занавеску, а я лежал на деревенской перине, слушал шелест за окном и смотрел то в темную избу, то на огромный образ Спасителя. Сколько раз я потом замечал, что даже тишина на острове при жизни батюшки была какая-то особенная. Она несла в себе душевное умиротворение, как будто говорила, что все образуется, все покроется милостью Божией. Да, остров был тем необходимым врачевством души, без которого она вряд ли бы вынесла груз действительной жизни. Поистине, здесь сбывалась правда слов преподобного Серафима Саровского: «Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Утром отец Николай подтвердил свое благословение, и я уехал обратно от благодатного старца, возле которого все казалось легким и достижимым, в трудный и сложный мир, исковерканный и изломанный человеческими страстями. Я не замечал дороги домой. Откровенно говоря, я все-таки был повергнут навзничь и сражен тем, что я услышал на острове. Для того, чтобы усвоить преподанные мне уроки, требовалось время. Приняться сразу же за исполнение данного послушания было очень нелегко, но после посещения залитского молитвенника никакого другого

выхода не было. Я понимал, что ничего другого мне не оставалось. Пришлось расстаться со своей мечтой и погрузиться в ту жизнь, которая не приносила никакого духовного утешения и не оставляла никакой пищи моему самолюбию.

Но, конечно, старец с тех пор молился за тех, кто был приведен к нему, и Господь по его молитве не оставлял нас. Еще некоторое время я отчаянно ломился в закрытую дверь и не оставлял попыток привить супруге правильный взгляд на Евангелие, Церковь и религиозность. Разумеется, все это было бесполезно. Я не понимал, что Бог ждал от меня полного признания своей немощи. Он-то был рядом, ведь я веровал в Него и знал Его настолько, насколько Он мне, окаянному, открылся. Но я сначала должен был расписаться в собственном бессилии и повергнуть в прах идола своего «я». Без этого Он не простирал руки Своей помощи и оставался неумолимым. Иначе бы я все непременно приписал своему самомнению, чем только увеличил бы степень своей поврежденности.

И вот однажды наступило просветление, как будто кто-то коснулся моей измученной души. Произошло оно в один из зимних вечеров, когда я после какой-то очередной размолвки с супругой, не имея больше сил оставаться дома, вышел на улицу.

Я шел по заснеженному тротуару, и невыразимая горечь застилала мои глаза. Не помню, сколько я так бродил, как вдруг неизвестно каким образом меня посетила следующая мысль:

«Надо просто жить рядом, самоустраниться и предоставить в главном действовать Богу, вооружившись терпеливой верой, кто бы и что бы ни говорил». Эта мысль показалась мне не лишенной здравого смысла и совершенно новой и несколько утешила меня.

С ней я вернулся домой и с тех пор не только не начинал разговоров о вере, но и всякий раз уклонялся от этой темы, если она поднималась супругой. Ибо теперь, после вечерней прогулки, я чувствовал, что все эти разговоры не что иное, как диавольская ловушка, чтобы обозначить границу, нас разделяющую, и посеять в моей душе семена безысходного уныния. «Нет, — говорил я лукавому духу, — теперь я на твою удочку не клюну. Ты подзадориваешь нас бросаться друг на друга, доводишь до отчаяния, а потом радуешься проделанной работе. И все это под предлогом защиты веры и проповеди истины. Я долго ничего не понимал и усердно заглатывал твою наживку, но больше не попадусь». И ведь именно эта тактика оказалась безошибочно верной и завершилась Божией победой.

Бог не обманул меня. Помню, собирался на Пасхальное ночное богослужение в церковь и вдруг услышал за своей спиной голос супруги: «Возьми меня с собой». Я ушам своим не поверил. Однако сделал вид, что ничего не произошло. Перед самым выходом случилось непредвиденное: жена прекратила сборы, села в кресло и с испуганным выражением лица неподвижно уставилась в одну точку. «Что случилось?» — спро-

сил я. «Я ничего не вижу, у меня что-то со зрением произошло», — был ответ. «Ничего страшного, сейчас пройдет», — успокоил я супругу, хотя сам далек был от спокойствия. Умом я понимал, что это последняя атака диавольской силы, попущенная Богом для окончательного низложения атеистического упрямства моей супруги. «Чем яростней ты нападаешь, тем, следовательно, глубже должно проникнуть семя веры», — подумалось мне. Но душа все-таки была не на месте, и я испытывал волнение. Однако через несколько минут, слава Богу, мы благополучно вышли на улицу.

И вот теперь, вспоминая все это, я спрашиваю себя: «Откуда бы у меня, не только не имевшего никакого опыта религиозной жизни, но и крестившегося-то на втором курсе института, появилось вдруг такое видение бесовских хитростей?» Я ведь в детстве ни одного положительного слова о Боге не слышал и ни разу в храм даже не заглянул. Решительно никаких представлений о вере не было, кроме тех, что оставила в уме вездесущая советская пропаганда.

Откуда же вдруг взялось такое понимание действий темной силы? Наше поколение ведь считало беса не более чем мифологическим персонажем. Какие там уловки дьявольской силы... Нет, это не мое было, я тогда в христианском отношении сущим младенцем был.

Уверен, что это батюшкина молитва просвещала, вразумляла и вела. Иначе все это не объяснить.

* * *

Надо сказать, что эта первая поездка была самой продолжительной. В последующие разы я почти не ночевал на острове, да и встречи носили более кратковременный характер. Батюшка вообще не любил, когда к нему часто и без особенной нужды ездили. При встрече никогда не говорил лишнего. Он по натуре своей был большим любителем безмолвия и частенько повторял, что слово серебро, а молчание — золото. Сам он умел и без всяких слов назидать. Причем эти молчаливые назидания действовали иной раз сильнее всяких слов и обличений.

Помню, как-то приехал, подхожу к домику. Смотрю, стоит обычная толпа возле него. Он ни на кого не обращает внимания, а подзывает к себе женщину, которая стоит в конце у оградки, как вкопанная, с понурой головой. Услышав зов батюшкин, она пошла, но без всякой радости, как невольница. Идет, но головы не поднимает, словно на казнь шествует. Подошла, на старца не смотрит. Батюшка, ничего не говоря, сначала по одной щеке ее ударил, затем к другой также приложился. Да так ощутимо и распорядительно это сделал, как право на то имеющий. Конечно, эта власть у него от Бога была. Никто другой бы на это не решился, как бы высок и духовен ни был. Женщина ни звука не издала и побои батюшкины приняла с великим смирением: стояла, не шелохнувшись, и глазами продолжала в землю глядеть. Как будто так и надо, как будто за этим только и приехала. Затем старец в келейку

сходил, принес маленькую иконочку и благословил ею паломницу. И все. На этом их загадочное общение и закончилось, молча женщина пошла обратно к калитке и, как мне показалось, вышла за ограду на тропинку даже с некоторой поспешностью. Мы стояли и наблюдали эту поучительную сцену глубоко каявшейся и утешенной старцем души. Всем ясно было, что тут происходит только то, что им обоим понятно. Такие беззвучные уроки люди запоминали надолго, и они не проходили для них бесследно. Пожалуй, что они были еще действеннее, чем любые словесные увещания.

Но, наверное, в тот первый раз я нуждался в особом приеме. Таковы уж были в тот момент обстоятельства моей жизни. Потом, после того, как я с самого начала убедился на собственном опыте в его удивительной, редчайшей прозорливости, о которой я раньше только в книжках читал, я каждый жест батюшкин стерег, не то что слово. Мне уже не надо было продолжительных бесед. Только в последние полгода отец Николай принимал совсем по-другому. Я находился у него в домике по несколько часов, чего раньше никогда не было. Причем без всякой причины и повода, просто так. Поначалу я понять ничего не мог, настолько это было необычно и несвойственно старцу. Он сам за долгие годы приучил меня к другой манере общения. Один раз даже прогнал от себя без всякой беседы.

Мне тогда настолько тяжело было на приходе, что я задумал перейти в другое место. При-

ехал, стучусь, рассчитываю, как всегда, на батюшкино внимание, а старец дверь раскрыл и приказывает: «Скорей беги на пристань, а то "Заря" сейчас уйдет». И даже рта не дав мне раскрыть, захлопнул дверку перед моим носом. Делать нечего, поплелся к берегу, как побитая собака. С батюшкой не поспоришь. Зато дурь вся мигом из головы выскочила. Так-то он нас в строгости соблюдал, никогда не баловал особенно. Да и нельзя нас баловать, нам это во вред.

В последние же приезды держал у себя долго: чаем поил, песни пел свои любимые, как-нибудь ласку свою проявлял, хотя и сидел уже с трудом, не то что ходил.

Только после кончины его мне все стало ясно: дорогой батюшка предвидел свой скорый уход и таким образом прощался с нами. Но у нас о его близкой кончине и мысли не возникало. Жили одной надеждой: «еще годик, еще годик».

* * *

Известность к старцу пришла после изменения политики в отношении религии. Одним из первых внешних признаков такой перемены стала демонстрация фильма «Храм». Это была первая кинолента, в которой тема Церкви подавалась в непривычном для советской идеологии развороте. Сейчас не помню, о чем шла речь в ней, помню только, что там были кадры о батюшке. Незадолго до выхода фильма в свет я поехал на остров.

Захожу, как обычно, в оградку и вижу странную, поразившую меня картину: во двори-

ке находится съемочная группа и устанавливает свою аппаратуру. Работают серьезно, сосредоточенно, без слов, проникнутые необычностью атмосферы, в которой они оказались. Я потом не раз наблюдал за тем, что даже неверующие люди совершенно менялись в присутствии старца: оставляли свои привычки и усвоенный в мире стиль поведения, робели перед ним, и в них появлялось что-то детское, наивное. Выходит старец и, ничего не поясняя, говорит мне: «Ты невовремя приехал». Потом, помолчав, он прибавил: «Пойдешь смотреть на меня в кино». Прямому смыслу произнесенных им слов я наотрез отказался верить. В советские годы такое и представить себе было невозможно. Это казалось делом совершенно нереальным и невероятным. Но старец ничего не говорил просто так. И на этот раз слова его полностью сбылись.

Я в то время сторожем работал в Духовной семинарии. Это уже после окончания вуза происходило, когда я совсем решил порвать с филологией и встать на путь служения Церкви. Сижу в сторожке и по своему обыкновению читаю книжку. Подошло время обеда, и я пошел в семинарскую трапезную. После обеда выхожу к площадке возле актового зала и вижу, как семинаристы заходят в зал. Почему-то этот незначительный факт привлек мое внимание.

Никогда я не любопытствовал и не пытался что-либо разузнать о внутренней жизни учащихся духовной школы. У меня была своя жизнь и свой поиск, в нем я большей частью и находился.

А тут что-то меня остановило. Подождав, когда все пройдут, я приоткрыл дверь актового зала и вошел внутрь. В зале было темно, демонстрировался какой-то фильм. Я взглянул на полотно и увидел панораму красивого леса. Пейзаж пленял своей простотой и величественностью. И вдруг за кадром я услышал хорошо знакомый голос. «Где же я его слышал?» — подумалось мне. Но прежде, чем я успел вспомнить, чей это голос, на экране, во все полотно, появилось лицо батюшки. От удивления я сначала глазам своим не поверил. Однако через мгновение от моих сомнений не осталось и следа. Да, это был старец! Следующим кадром съемки переместились в его домик, где мне все было хорошо знакомо. Отец Николай сидел на своем обычном месте, возле столика, потягивал чай из своей кружки, предлагал его своим гостям и вел с ними неторопливую беседу.

Сюжет со старцем в картине занял немного места. Досмотрев его до конца, я вышел из актового зала. Я был сильно потрясен как тем, что увидел, так и точным исполнением слов батюшки. Сколько бы он ни предсказывал, все-таки привыкнуть к этому было трудно. С другой стороны, увидеть в советском кинематографе старца — это было выше моего разумения. Уж если старец попал на экран, значит, действительно, с нашим обществом что-то произошло. В самом деле, то, что я увидел, было знаком великого духовного перелома в истории советской России.

Именно с тех пор к старцу потянулся народ, и двор его домика редко бывал пуст. С той поры батюшка стал менее доступен, и я уже не мог с прежней легкостью бывать у него.

Удивительны были духовные дарования старца. Он жил в теле, а был подобен бесплотным. Сколько раз я в этом убеждался! Расскажу один такой случай. Служил я в то время диаконом на Смоленском кладбище. Кстати сказать, диаконство мое было им тоже предсказано. Перед поступлением в семинарию я, как обычно, приехал на остров, ибо тогда уже ездил регулярно, не мог уже без этого. Побеседовал со старцем, все, что нужно было, решил. На прощание он мне говорит: «Скоро дьяконом будешь». «Когда?» — спрашиваю. «Следующим летом», — ответил старец. С тем и уехал. Но в душе недоумение: какое диаконство, когда я еще не поступил даже в семинарию? Пошутил, может, батюшка? На деле же вышло все по его слову. Меня, как окончившего вуз, зачислили в семинарию сразу во второй класс. Экзамены я сдавал успешно, так как за пять лет института привык к ним. По окончании второго класса мне предложили перейти в четвертый, минуя третий. Не дав никакого ответа, я уехал за город к родственникам до сентября следующего учебного года. А в начале июля неожиданно позвонили из епархиального управления с требованием немедленно явиться в город для сдачи ставленнических экзаменов и прохождения исповеди перед хиротонией. И на память Тихвинской иконы Божией Матери,

11 июля, состоялось мое диаконское рукоположение.

Так вот. Служил я тогда на Смоленском кладбище. В то время алтарничала в храме некая Евдокия, скромная, опрятная и богомольная старушка. Никогда она своей близости к святыне перед прихожанами ничем не выказывала, что в то время редкостью было. Лицо у нее было круглое, и почти всегда на нем сияла добродушная улыбка. Была она чуть медлительна в своих движениях, чуть рассеянна и слегка подслепована, отличала ее любовь к общению и излишняя, вполне извинительная, старушечья словоохотливость, иногда переходящая в болтливость. У меня в душе всякий раз веселая минутка наступала, когда я наблюдал за тем, как она неспешно, семеня ногами, несла мне кадило для совершения каждения. Эта самая Евдокия старца знала и обращалась к нему в прежние годы, когда возраст позволял. Перед очередным моим отъездом на остров она просит меня: «Отец Владислав, спроси у батюшки про меня. Я теперь старая, к нему уж не доеду. Пусть он мне через тебя словечко передаст». Те, кто у батюшки окормлялся, хорошо знали, что услышать слово от батюшки в свой адрес — это был большой подарок. Этому подарку душа долго радовалась и хранила его.

На острове, под конец своего общения с отцом Николаем, я попросил его: «Батюшка, Евдокия, алтарница наша, просит вас что-нибудь ей передать». Старец никогда не переспрашивал и не уточнял, какая такая Евдокия, да откуда она.

Сколько таких вот Евдокий у него было, а он сразу безошибочно, без всяких дополнительных уточнений, определял, кто именно его просит. «Ничего не передавай», — услышал я краткий ответ. Тут я на миг представил, как она ко мне бросится после моего приезда и как я буду молчать. Мне стало жаль добродушную нашу Евдокию. «Батюшка, — попросил я вторично за нее, — она огорчится, скажите ей два слова». «Ну ладно, — уступил старец, подождав, — передай ей, что я скоро к ней сам приеду и все ей скажу».

«Вот тебе и ответ, — подумал я, — как хочешь, так и понимай». Но, уже находясь на катере, я понял его скрытый смысл. Так часто со мной бывало. Скажет старец что-нибудь неудобопонятное, а ты голову в недоумении ломаешь. Но потом, словно вдогонку, сам же и открывал твой ум. Вдруг внезапно, неизвестно откуда и чаще всего в самый неожиданный момент, приходило понимание смысла произнесенных слов. В этом тоже была своя духовная мудрость. Батюшка не хотел обнаруживать свои дарования в моем присутствии и вызывать во мне восхищение ими при непосредственном общении. Он как бы прятался в келейку от таких восторгов.

С острова я прямо на всенощную в свой храм приехал. В пономарке Евдокия, как я и предполагал, ко мне сразу бросилась: «Ну, что он тебе сказал?» «Сказал, что сам приедет и все объяснит», — ответил я. Надо было видеть разочарование нашей Евдокии. «Как же он приедет, когда он никуда не ездит?» — пробормотала ал-

тарница и, убитая своим горем, тихо опустилась в кресло. «Раз сказал, что приедет, значит, приедет», — приободрил я расстроенную Евдокию. Но это ее не утешило. Всю службу лица на ней не было.

Прошла неделя после моей поездки. В субботу вечером приезжаю ко всенощной, захожу в алтарь. Через минуту в пономарку входит сияющая загадочным светом Евдокия и заговорщическим тоном, вполголоса, мне сообщает: «Владиславчик, останься после всенощной». «Ага, значит, свидание состоялось», — подумал я с удовольствием. Вот отошла всенощная, духовенство разъехалось по домам, а мы вдвоем, объединенные своим секретом, остались в храме, чтобы вполне насладиться разговором о батюшке. «Садись», — почти властно сказала мне Евдокия, указывая на кресло. Тут она была, конечно, полной хозяйкой положения, что прекрасно осознавала.

Я, в предвкушении ее рассказа, беспрекословно повиновался. «Сегодня утром, — торжественно начала она свое повествование, — когда кончилась Литургия, я в алтаре все прибрала, ковры начистила, да и присела отдохнуть. Думаю, посижу немножко, а потом пойду пообедаю. И вот, села я в это самое кресло, да и незаметно задремала. Утомилась, видать, немного. И, представляешь, в легкой дреме вижу: идет ко мне наш батюшка, а в руках у него Новый Завет. Он подходит ко мне, дает мне книгу и велит: "Открывай такое-то послание, такую-то главу и такой-то стих". Я поискала, поискала и

нашла. "Читай", — говорит мне отец Николай. Я стала читать, а там написано про то, что нужно меньше языком-то грешить. Батюшка мне часто эти слова напоминал, когда я к нему ездила. Да я, бестолковая, все одним грехом согрешаю, не исправляюсь. "Ты все поняла?" — он меня спрашивает, когда я кончила читать. "Да, — говорю, — батюшка". Он тогда взял у меня из рук Новый Завет, закрыл его, повернулся и пошел».

Евдокия окончила свой рассказ и победным взглядом посмотрела на меня. Мы оба улыбались. Однако и я тут, не удержавшись, вставил свое «воспитательное», священнослужительское слово: «Вот, Евдокиюшка, ты мне не верила, а вот видишь, он и приехал». Несмотря на то, что посещение носило обличительный характер, счастью Евдокии не было предела. Она радовалась, как ребенок. Так старец на расстоянии посещал тех своих чад, которые не могли до него добраться.

* * *

Этот период памятен мне еще несколькими эпизодами, связанными со старцем. Поведаю и о них.

В 1989 году на Смоленском кладбище была открыта часовня святой блаженной Ксении и освящен в ее честь правый придел кладбищенского храма. Это событие широко отмечалось как церковной, так и городской общественностью. Значение его было очень велико. Святая угодница, чья известность и почитание простирались за далекие пределы нашей роди-

ны, вновь вернулась к своей пастве. Огромная любовь к этой подвижнице не иссякла в народе даже за долгие десятилетия гонений на Церковь. Сколько ни обносили забором ее могилку, к ней стекались страждущие, оставлявшие свои записочки-просьбы к блаженной прямо в щелях поставленной властями ограды.

Справедливости ради отмечу, что и на мою долю выпала честь, наряду со многими, послужить угоднице своим малым, скромным трудом. Никак не предполагал, что это общецерковное событие коснется и моей жизни. А устроил все, конечно, старец. Вот как было дело.

Примерно за полгода до этого события я побывал на острове и имел беседу с отцом Николаем. В конце разговора батюшка обратился ко мне с вопросом: «Ты пишешь что-нибудь?» «Нет», — ответил я. «А ты напиши», — велел старец. «Что же мне писать?» — уточнил я у него. «Что хочешь», — сказал он. Затем, помолчав, прибавил: «Вот о Ксении блаженной ничего не написано. О ней и напиши».

Все это показалось мне странным и непонятным. Во-первых, про блаженную Ксению уже написано, и немало. Не мог же старец этого не знать. Во-вторых, в то время мне казалось, что писать — значит увеличивать размеры своего суетного тщеславия. Уж чем-чем, а «графоманством» я вполне насытился за годы обучения в институте. В свое время чтение литературоведческих книг было моей страстью. Часами, никем и

ничем не понуждаемый, я просиживал за книгами. Пока я учился в вузе, все это было в порядке вещей. Хотя уже и тогда, после крещения, я стал соображать, что у меня не должно быть пристрастного отношения к филологии. И не только соображать, но и мучиться этой страстью. Ведь любая страсть треплет, изматывает душу. Но бороться со своей любовью к чтению было сложно. Помню, что я даже установил однодневный пост на «вкушение» филологической «пищи» — в среду и в пятницу старался не притрагиваться к ней. Надо сказать, что только этот прием и помог мне удерживать свой филологический пыл в разумных пределах. И вот теперь, когда я диакон, когда служу у Престола и наполнен совсем другим духом, мне было предложено вернуться к этому занятию. «Опять возвращаться к тому, что изжито, и облекаться в старый кафтан? Нет, батюшка, здесь я вас ни за что не послушаюсь», — решил я, несмотря на свое глубокое чувство к этому человеку.

Прошло полгода или год после этого разговора, в точности не помню. Я его благополучно забыл, так как бесповоротное решение было мною принято. А далее все развивалось следующим образом. После освящения придела в честь святой блаженной Ксении в храме Смоленской иконы Богоматери настоятель его, протоиерей Виктор Московский, дает мне задание сделать статью об этом событии в епархиальном периодическом издании. «Ты у нас филолог в единственном числе на при-

ходе, тебе и карты в руки», — сказал он мне. И сколько я ни отказывался, сколько ни упрашивал, сколько ни отрицался, все было бесполезно. «Батюшка, я ведь никогда в журнальном жанре не работал, я ведь литературовед», — канючил я, ходя следом за отцом настоятелем. Но, увы, все было тщетно, никакие уговоры не помогали. Пришлось садиться за письменный стол.

«Вот видишь, отец, а ты отнекивался. Очень даже поэтично у тебя получилось», — сказал мне отец Виктор после публикации заметки. А я, вспомнив данное мне благословение отца Николая, про себя подумал: «Надо же, и здесь, как я ни крутился, по слову старца все получилось».

Но, конечно, его благословение не только одной статьи касалось. Он поставлял меня тогда на путь словесного служения Церкви, на поприще христианской литературной деятельности. Я как бы слышал его голос: «Все, что в тебя, милок, заложено свыше, не должно втуне лежать, а должно плод приносить. Не борись с этим в себе, а употреби на служение Христу». И если бы не его благословение, то так и оставался бы я в разлуке с самим собой, страдая в конечном итоге неполнотой своего служения Богу и при этом не понимая, что со мной происходит. Но старец вовремя «вправил» меня в нужную колею, за что я ему премного благодарен. Ибо нет ничего ценнее, когда человек на своем пути оказывается.

Второй поучительный эпизод этого периода связан с моими личными жилищными проблемами. Живя в Петербурге в крохотной комнатке площадью в одиннадцать квадратных метров, мы с супругой и четырехлетним сыном, безусловно, испытывали немалые трудности. Я уже тогда в сане диакона был, учился в семинарии в третьем классе, а условий ни для молитвы, ни для учебы не было. Жена в школе работала преподавателем литературы и русского языка, и ей тоже надо было к урокам готовиться, тетради проверять. А какая учеба, работа и молитва в такой тесноте. Однако вскоре в Городском отделе народного образования супруге, как молодому специалисту, до подхода городской очереди, выделили комнату большей площади. Мы подобрали устраивающий нас вариант и намеревались переселиться. Но не тут-то было. Наши новые соседи не согласны были с решением исполкома и открывать нам дверь в квартиру не собирались. Поэтому общались мы друг с другом через запертую дверь: мы — на лестничной площадке, а они — с той стороны входной двери. Получился любопытный казус: из старого жилья нас уже выписали, а по новому месту прописки нам было не въехать. Такая вот характерная зарисовка советских будней.

Что было делать? Можно было обратиться в суд и вселиться через судебных исполнителей. Но, во-первых, это надо было по кабинетам долго ходить, а во-вторых, как дальше-то жить с такими соседями, упорство которых с самого

начала приходилось преодолевать судебными инстанциями? Невеселая получалась ситуация. Не видя никакого выхода из создавшегося положения, я принял стандартное для русского человека решение: не делать ничего, махнув на все рукой. Будь что будет.

Подошло время, и я поехал на остров, но не с квартирными сложностями, а с обычными, накопившимися за год, вопросами. Я ведь жилищную проблему уже решил, так зачем старца беспокоить. На острове все вопросы, какие заготовил, обсудил и собирался уже уходить, как вдруг отец Николай меня сам спрашивает: «Как у тебя с жильем-то?» «Все хорошо», — не моргнув, соврал я. Почему я так ответил? Скорей всего, по своей гордости. Я ведь изначально был против всех этих инициатив супруги, связанных с «одолжациями» у ГорОНО. «Терпеть, — думал я, — так терпеть». Поэтому таскался я за ней по всем этим комнатам со смотровым листом в руках с большой неохотой. Мне хотелось только на Бога надеяться, а тут приходилось просить у одних, у других, у третьих. В душе я даже рад был, что дело в тупик зашло. «Вот, — думаю, — не по Божьему пути пошла, следовательно, и результат получила соответствующий». Конечно, тут не обошлось без скрытой гордости. Я ждал, что все разрешится без особых хлопот, треволнений и хождений по мукам. Я не понимал того, что помощь Свою Господь через это ГорОНО оказывал и что в то же время от меня ждал встречных трудов и мучений во исцеление моей гордыни.

Так Он и руку Свою простирал, и меня во смирении соблюдал. Но я был нетерпелив и заносчив.

Ничего мне тогда старец на мою ложь не ответил. Он-то видел, что имеет дело с тяжелой душевной патологией, так что словами тут ничего не изменишь. Поехал я обратно, уверенный в правоте своих суждений. А через две недели после поездки раздался звонок по телефону с места нашей новой прописки. Позвонила одна из соседок и пригласила прийти. Прихожу, дверь в новую комнату открыта, соседи ходят, здороваются как ни в чем не бывало. Как будто и не было никаких проблем и долгого противодействия с их стороны. Как в сказке. Полгода ничего не могли поделать, как ни бились, а разрешилось все само собой после поездки на остров.

Делая потом ремонт в этой новой комнате, я долго анализировал происшедшее. «Почему же, — думаю, — сразу все не получилось, если в конечном итоге на этом варианте все и замкнулось?» Ну и докопался-таки до своей неправоты, увидел свою гордость. Так-то старец мудрый одним движением и проблему решил, и гордыню мою посрамил.

* * *

Батюшка немалое значение придавал внешнему облику пастыря. Только меня в иерейский сан посвятили, он, по моем приезде, обратился ко мне: «Ты волосы-то что — стрижешь?» И, не дожидаясь моего ответа, велел: «Не стриги». До-

бавлю мимоходом, что батюшка делал подобные замечания без всякой строгости и назидательности в голосе, как-то очень просто и само собой разумеющимся тоном. И тем не менее, его слова проникали всегда очень глубоко, и после них как-то неловко и стыдно было поступать иначе. Характерно, что до моего посвящения в сан он мне таких наставлений не давал. При этом старцу не свойственны были неопрятность или неряшливость. Если посмотреть на его фотографии, то везде он на них внешне очень благообразен и предельно скромен.

Со скромностью неразлучна бывает и добровольная бедность. Евангельское нищелюбие сопровождало батюшку всю его земную жизнь. Ничего лишнего или изысканного он у себя в доме не держал. Помню, сшили мне как-то подрясник из очень грубой и дешевой материи, довольно примитивного фасона. Приехал я в нем к батюшке. Старец, потрогав мое одеяние, первым делом мне сказал с оттенком уважения: «Хороший у тебя подрясник». В другой раз я приехал к нему со знакомым священником, и тот начал обсуждать со старцем вопрос покупки машины. Автомобиль действительно ему был нужен, так как его далекий приход находился в глуши, и добираться до него было крайне неудобно. Отец Николай слушал молча доводы приезжего иерея, а потом промолвил: «Надо только сначала приготовить...» «А я уже все приготовил, — перебив, с поспешностью и воодушевлением стал уверять его священник, — и гараж, и все прочее». «Надо

сначала приготовить гроб», — закончил свою мысль старец.

Но молодой пастырь не послушался совета духовного отца и все-таки приобрел «Ниву», на которой впоследствии перевернулся. Со мной, кстати сказать, такая же история произошла. Для успешного хода реставрационных работ по храму, где я служил, благотворитель, совершавший его восстановление, подарил мне машину. «Немедленно продай ее», — категорично потребовал от меня старец, когда я поведал ему об этом. Но я не послушался и решил это сделать по окончании реставрационных работ. Результат был тот же самый: на полном ходу у меня заклинило двигатель, и машина стала неуправляемой. Через две-три ужасных минуты я оказался в кювете всеми четырьмя колесами вверх. По милости Божией, все обошлось благополучно, и я отделался испугом. Но с тех пор не решался нарушать или как-то переиначивать слово, сказанное старцем.

* * *

В этот же приезд со священником из далекого прихода отец Николай весьма решительным образом переменил место моего прежнего служения. В тот раз мы добирались до острова с немалыми трудностями. На озере поднялась большая волна, и ехать до места назначения на утлом суденышке, управляемом совершенно пьяным рыбаком, было небезопасно. Нас кидало из стороны в сторону, и казалось, что еще немно-

го, и мы окажемся в не на шутку разыгравшейся стихии.

Старец встретил нас довольно приветливо и пригласил в домик. «С чем пожаловали, молодые люди?» — спросил он нас, когда мы немного пришли в себя после путешествия. Спрашивать мне было особенно нечего, так как я поехал по просьбе моего сотоварища в качестве сопровождающего лица. Но уж коль приехал, то надо было что-то говорить, тем более, что отец Николай вопрошал нас обоих с некоторой настоятельностью в голосе. Я был не готов к такому повороту событий. Мне представлялось, что побуду немножко возле старца, да обратно уеду. И вот я стал говорить о том, что в тот момент пришло мне в голову, без всякого предварительного обдумывания. А пришло мне на ум вот что.

Месяца за два до поездки мне предложили перейти в другую епархию, в то место, где я когда-то, еще во время учебы в институте, исполнял обязанности псаломщика. Студенту вуза довольно сложно было тогда, в советское время, пристроиться на приходе в крупном городе. Все прихожане на виду были, и настоятель мог навлечь на себя неудовольствие властей тем, что собирает вокруг себя образованную молодежь. Поэтому и пришлось мне поискать места в близлежащей епархии. Мои не очень продолжительные поиски завершились успехом, и на последнем курсе вузовской учебы по праздничным и выходным дням я с большой радостью ездил на приход, где меня ждали стихарь и богослу-

жебные книги. Как памятны мне эти поездки! Сколько внутреннего просветления и какого-то нового, необычного знания они несли в себе! Как наполняла и питала меня Церковь! Каждый раз я возвращался обратно, испытывая духовное утешение и особый подъем от своего участия во всенощном бдении и Литургии.

Оттуда-то, с того храма, где меня когда-то приютили, где я впервые осознал свою неразрывную связь с Церковью, и поступило приглашение в тот момент, когда я уже был священником. Я ответил что-то неопределенное и, не придавая особого значения этому факту, очень скоро забыл его. Это произошло еще и потому, что мне было известно негативное отношение отца Николая к частым переходам священнослужителя с места на место. Но на острове, когда старец поставил меня перед необходимостью спрашивать, я почему-то вспомнил именно этот эпизод двухмесячной давности, который, откровенно говоря, не вызывал во мне никакого вопроса. «Да вот, батюшка, — начал я, чтобы хоть что-то спросить, — предлагают перейти в другую епархию». «Вот и хорошо, — живо отреагировал старец, как будто давно ждал именно этого вопроса, — переходи». Я, признаться, от неожиданности опешил. Чтобы убедиться, что не ослышался и что старец не шутит, я произнес название того города, куда мне предлагали перейти. Но в ответ услышал те же слова, и в еще более уверенном тоне: «Вот и замечательно, вот и поезжай». Я в великом недоумении и смущении посмотрел на батюшку: он

был весел, как будто даже забавлялся моей растерянностью, и как-то по-особенному радостен.

Но мне было не до веселья. Оставить привилегированный приход в центре города, где ко мне был расположен настоятель, где сложились хорошие отношения с клиром, и отправиться в провинциальную неизвестность! На мгновение я даже пожалел, что задал этот вопрос. Ведь теперь, после ответа старца, надо было следовать ему. Я впал в глубокую задумчивость, из которой долго не мог выйти. Но батюшка как будто и не замечал ее. Он с такой легкостью отнесся к предстоящему мне переходу, словно предлагал мне поменять ботинки, а не епархию. «Хоть бы слово сказал для ободрения», — подумалось мне с некоторой досадой. Но батюшка только молчал и загадочно улыбался. По своему обыкновению, ни слова лишнего не сказал. Предоставив меня своим думам, он обратился к беседе с моим спутником.

Не буду говорить о той реакции, которая последовала после подачи прошения о переходе. О ней нетрудно догадаться: удивление, кривотолки, догадки и предположения, не имеющие ничего общего с подлинной причиной моего шага. Скажу только, что старец, как всегда, оказался прав. Все шесть лет пребывания в другой епархии были отданы мною на устройство православной гимназии, предоставляющей учащимся стандарт народного образования в тесном соединении с религиозным обучением и воспитанием. Начал я, что называется, с абсолютного

нуля, на голом энтузиазме. Ни средств, ни единомышленников, ни недвижимости. Это были годы насыщенного и всепоглощающего труда, по милости Божией успешно завершившиеся созданием очага школьного православного образования. К моменту моего возвращения обратно, в Петербург, школа была укомплектована педагогами, ей была передано от городской мэрии отдельное двухэтажное здание бывшей детской поликлиники, она обрела права юридического лица и стала даже получать частичное, но стабильное финансирование от Министерства просвещения. Сейчас она возглавляется другим лицом, ежегодно расширяется и продолжает свою деятельность.

Да и в духовно-нравственном плане этот очень непростой и даже местами тяжелый период дал мне столько, сколько не дало бы размеренное и спокойное служение на благополучном приходе Смоленского кладбища. Человек духовно растет в том случае, когда может видеть свое несовершенство на опыте своей жизни, не умозрительно, а реально убеждаться в своих недостатках и немощах. Этот процесс, при котором человек вынужден периодически расписываться в своей беспомощности, протекает болезненно и нелегко, но в конечном итоге именно он, как ничто другое, нравственно обогащает человека и делает его ближе ко Христу.

* * *

Уж если зашла речь о человеческих недостатках, то следует сказать несколько слов и о

том, как старец умел их обличать и исправлять. Был у меня один грех, причинявший мне немало огорчений и переживаний. Периодически я страдал рецидивами мрачной раздражительности и вспыльчивости. Трудно жить с этим христианину, так как ничто столько не отравляет существование окружающим и ничто так не унижает человеческого достоинства, как потеря самообладания. Но и борьба с этим распространенным недугом непроста. И вот однажды, по приезде на остров, я обратился к старцу с довольно глупым вопросом, не лишенным, к тому же, затаенного тщеславия. Не помню в точности его словесной формы, помню только его смысл. Я спросил отца Николая, что бы мне этакое особенное делать для вящего благоугождения Богу. Не глядя на меня, старец ответил: «Не скандальте».

Ух, как больно мне стало от этого слова! Я отскочил от батюшки, как будто меня обдали крутым кипятком. Его слова попали в самую точку и глубоко уязвили мое самолюбие. Но что делать? Для нашего излечения иногда нужны не сладкие пилюльки, а горькие лекарства, и отец Николай решительно употреблял их там, где это требовалось. Впоследствии, как я полагаю, не без молитвы батюшки, я обнаружил главную причину терзавшего меня недуга и освободился от него.

Вообще, когда надо было, старец умел легким движением ставить человека на место. Както я приехал, а у него целая толпа народа. Это было уже тогда, когда вокруг старца сложился не

совсем здоровый ажиотаж и когда к нему стали съезжаться люди, далекие от поисков духовной пользы. Батюшка появился на крылечке и обратился к приехавшим со своим излюбленным назиданием общего характера: «Положитесь, дорогие мои, во всем на волю Божию, и все будет так, как вам надо». После этого он сделал резкое движение по направлению к своей келейке. Народ, видя, что старец собирается уходить, заволновался и загудел. Но батюшка не обращал на это ровным счетом никакого внимания. Я стоял рядом, возле него, и торопливо спросил старца довольно громким голосом: «Батюшка, а когда мне лучше подойти к вам?» В этом вопросе заключалось мнение о том, что я представляю собой некое исключение из толпы и имею на старца больше прав, чем все собравшиеся. А как же? Я-то ведь, не в пример прочим, давно езжу... Поэтому я и услышал в ответ на свою гордыню его отрезвляющие слова: «Через двадцать лет». После этой лаконичной фразы старец скрылся за заветной дверью своего домика.

В другой раз отец Николай велел мне после получения прихода в деревне там и поселиться. Для городского жителя это непростой шаг. Многие священники не живут в сельском месте своего служения, а приезжают туда только в воскресные и праздничные дни. Но для чего-то, вероятно, такой шаг нужен был мне, и старец дал мне такое благословение. Деревня так деревня. Меня не очень это смутило, в силу того, что я плохо представлял себе специфику дере-

венской жизни. И дело совсем не в иных бытовых условиях и даже не в особом ритме и укладе деревенской жизни, к которой не так-то просто приспособиться человеку, сформировавшемуся в большом европейском городе. («Чего ты, отец, с высшим образованием в эту дыру забрался?» — спросил меня тогда один мой знакомый священник). Сегодняшняя постсоветская деревня весьма своеобразно и не всегда предсказуемо реагирует на поселение священника в сельской местности. Все-таки, несмотря на определенные сдвиги в общественном сознании, она воспринимает его как человека чужого и чуждого мира и окружает его плохо скрываемыми враждебностью и недоверием. Признаться, жить в такой атмосфере не совсем уютно. (Это относится к вновь открывшимся приходам, где местным жителям, большинство из которых остаются неверующими людьми, приходится привыкать к постоянному присутствию духовного лица). Не ведая всех этих «подводных течений», я с легкостью решился на переезд.

Но вот супруга моя категорически отказалась перебираться из города в деревню. И никакие уговоры тут не помогали. Что поделать? Я поехал к старцу с возникшей трудностью и уже думал, что, наверное, придется отказаться от деревенской жизни. Но батюшка разрешил возникшую проблему, казавшуюся мне неразрешимой, с виртуозной простотой. «А ты передай ей, что если она не поедет, то будет болеть», — сказал мне старец. Эти слова возымели мгновен-

ное действие: никаких споров и разногласий на эту тему больше не возникало. Я, разумеется, от этой находчивости старца пришел в полное восхищение.

* * *

Старец огромное значение придавал молитве за умерших. Он проникался к ним совершенно особым состраданием. Думаю, что оно было в нем результатом опытного знания того, что ждет человека за гробом. Когда у него спрашивали, отпевать ли такого-то, о котором неизвестно, был ли он крещен, старец без промедления отвечал: «Отпеть, отпеть».

Однажды батюшка велел мне молиться за моего усопшего некрещеного отца. У отца был тяжелый, трудно переносимый характер и неспокойная душа, чего-то постоянно ищущая. Он оставил нас, когда мы с сестрой учились в пятом классе. С тех пор я практически не поддерживал с ним отношений и даже избегал встреч с ним. Смерть его была трагической и преждевременной, он скончался в возрасте сорока семи лет. После его смерти передо мной возник вопрос: молиться за него или нет? И если молиться, то как? Это было в самом начале моего церковного пути, я тогда только начал в храм регулярно ходить. И вот сразу же я оказался перед таким непростым жизненным вопросом. После долгих размышлений и колебаний я принял решение все-таки воздержаться от молитвы за него, так как считал себя духовно неокрепшим для такого

серьезного дела. «Неизвестно, — полагал я, — какими последствиями это может для меня обернуться. Что я понимаю в этом?»

Но через некоторое время произошло событие, которое заставило меня изменить свое решение. Это случилось после того, как отец явился мне ночью, во сне. Я увидел его сидящим спиной ко мне, так что лица его мне было не видно. Голова его была низко опущена. Он молчал и почти беззвучно о чем-то плакал. Я почувствовал, что он, всеми оставленный, бесконечно одинок, беззащитен, и что без слов, не поворачивая ко мне своего лица, просит у меня чего-то. Казалось, что его неописуемому горю не было предела. И самое страшное заключалось в том, что он даже не в состоянии был мне хоть что-то объяснить. При жизни я никогда его таким не видел. Я до сих пор помню, как во сне содрогнулся от невыразимой жалости к нему. Эта жалость не была похожа на обычную жалость, какую испытываешь к страдающему человеку. Ничего подобного при его жизни я не испытывал к нему, да и вообще к кому бы то ни было. Это было совсем незнакомое чувство.

Проснулся я в холодном поту от увиденного и потом долго не мог забыть этого короткого явления своего умершего отца. Умом я понимал, что отец просит молитвы, хотя бы какой-нибудь. Но, откровенно говоря, у меня не было сил это сделать. Я был настолько потрясен этим сновидением, что некоторое время пребывал в оцепенении, в скованности от того, что мне открылось

через него. Я отдавал себе отчет в том, что через него я не только получил весть о своем отце, но и прикоснулся к тайне потустороннего мира, к реальности адских мук. По состоянию своего отца я получил опытное представление о том, что испытывает человек, оказавшись за чертой видимого мира. После таких открытий в корне меняется отношение к жизни и к тому, что в ней происходит. Все, что до этого казалось в ней важным и значимым, теряет свой смысл и предстает в совершенно ином свете. Отчетливо начинаешь видеть, что твое существование большей частью состоит из вещей суетных и никак не определяющих его сокровенной сути, то есть твоей участи в вечности. А ведь до этого я воспринимал все эти пустяки всерьез и в осуществлении своих ничтожных и убогих планов и намерений полагал единственный смысл всей своей жизнедеятельности.

Итак, оглушенный и придавленный увиденным, я не молился за отца. Мне требовалось время, чтобы переварить то, что мне открылось. Но это было несколько эгоистично, так как отец ждал моей реакции. И вот через некоторое время сновидение повторилось с первоначальной силой и проникновенностью. Стыдно признаться, но и после него я, сам не зная почему, оставался в бездействии. Понадобилось третье явление, в точности повторявшее два предыдущих, чтобы я, наконец, начал просить Бога за своего отца в своей домашней молитве.

А дальше произошло то, что обычно происходит в таких случаях. Постепенно острота и глубина пережитого во сне забывалась, стиралась заботами дня, и молитва моя охладевала. В конечном итоге через несколько лет я окончательно оставил свою молитву, даже не заметив, как это произошло.

В этот самый момент забвения своего молитвенного долга и настиг меня всезнающий и всепроницающий старец. В конце очередной встречи он неожиданно обратился ко мне с вопросом: «Ты за отца молишься?» В его голосе звучала тревожная нотка. Я тут же живо вспомнил все посмертные события, которые связали меня и отца особыми узами. Батюшка спрашивал с таким подтекстом, как будто бы ему была известна тайна этих наших встреч. Словно он слегка обличал меня за оставление молитвы о родителе после всего того, что было. Я стал задавать конкретные вопросы о том, как правильно надо совершать поминовение отца. Дав мне в этом необходимые наставления, старец отпустил меня с миром.

Прозорливость старца, проявленная в только что описанном случае, — это бесконечная тема. О ней уже было сказано немало, и можно говорить еще очень долго. Чтобы не перегружать своего рассказа и не переутомлять читательского внимания, приведу два характерных случая.

Однажды, когда я только начал ездить к отцу Николаю, довелось мне попасть к нему вместе с другим молодым человеком, которо-

го звали Константин. Принимал батюшка нас в церкви. Он сначала побеседовал со мной, а потом — с моим попутчиком. Беседы, как и всегда, были непродолжительными. Старец умел в двух словах сказать самое главное, в нескольких выражениях обозначить жизненную программу на многие годы вперед. Кроме нас двоих больше никого не было. Пока отец Николай вполголоса разговаривал с Константином, я обходил иконы в храме. Подойдя к последнему образу, я случайно услышал последние слова, сказанные старцем своему собеседнику. Батюшка благословлял его на монашеский путь и советовал идти в Оптину пустынь, которая как раз только открылась. В конце разговора старец направился в алтарь, вынес оттуда полотенце и подарил его в качестве напутствия будущему иноку. Я стоял рядом и с интересом наблюдал за тем, как старец с любовью вручал Константину полотенце и как тот с благоговением его принимал. Все совершалось молча, без слов.

Ничего, вроде бы, особенного не происходило. Однако было во всем этом что-то таинственное. Кругом тишина, только святые смотрят на нас с икон, и в этой тишине — бесшумные движения старца, отправляющего свое чадо на иноческий подвиг. Нельзя было за всей этой простотой не уловить торжественности и ответственности переживаемой минуты.

Предавшись созерцанию этой глубоко назидательной и многозначительной картины, я совершенно забыл про себя. И вдруг батюшка

повернулся в мою сторону и сказал: «А Владислав тоже хочет». Я, признаться, услышав эти слова и выйдя из своего созерцательного состояния, даже немного обиделся на старца. Мне подумалось, что он в такую высокую минуту заподозрил во мне зависть к Константину и легкую досаду на то, что я, в отличие от него, уезжаю без подарка. Но во мне и тени этого чувства не было. Поэтому я принялся, как умел, разубеждать в этом отца Николая. Однако старец, не обращая внимания на мой протест, вторично отправился в алтарь и вышел оттуда с новым полотенцем в руках. Через несколько мгновений оно оказалось в моих руках. Мне ничего не оставалось, как принять его и поблагодарить батюшку за оказанное мне внимание.

Всему этому я не придал тогда особого значения. Я наивно полагал, что поступок старца объясняется его деликатностью и нежеланием меня обидеть. Может быть, я и совсем забыл бы про этот эпизод, если бы не полотенце, которое с тех пор хранится у меня. И вот только через двадцать лет, когда я сам, по благословению батюшки, был пострижен в монахи, я вновь вспомнил все мельчайшие подробности той памятной встречи. И только после этого мне открылся подлинный, неприкрытый смысл сделанного тогда подарка: им старец не деликатничал, как мне тогда показалось, ибо он вообще чужд был светскости в поведении, а выражал свое отношение к моему иноческому будущему.

Вспоминая теперь все это, я поражаюсь не только тому, что старец уже тогда, когда я и о священстве не помышлял, увидел меня в монашеском облике. Удивительно и то, в какую форму он облек свое предсказание. Он не сказал мне тогда об этом напрямую, чтобы не вводить меня, женатого человека, в смущение и не лишать меня радостей семейной жизни. Он выразил это так, чтобы потом, когда наступит время, я без всяких сомнений и колебаний, которые не покидали меня и тогда, когда он высказался о постриге вполне определенно, воспринял свой новый путь как волю Божию.

Второй запомнившийся мне случай был совершенно другого рода. Батюшке была открыта не только вся жизнь человека, но и его внутреннее состояние в момент приезда на остров. И если это было необходимо, он умел вносить в него соответствующие «коррективы», улучшать духовное самочувствие приехавшего к нему христианина.

Помню, что в одно из посещений Залита я прибыл туда в состоянии острой апокалиптической психопатии, которое возникло у меня, как мне казалось, под влиянием наблюдаемой мною моральной деградации окружающего мира. Эта психопатия, будучи формой душевного заболевания, ничего общего не имеет с подлинно христианским ожиданием конца человеческой истории. Несомненно, что христианская деятельность у отдельных подвижников не утратит своей цены и значимости, своей ду-

ходвижной силы даже при всеобщем отступлении и приближении конца. Ибо духовное равновесие в человеке, делающее его способным к внутреннему созиданию, в общем и целом определяется только тем, насколько он пребывает в Боге. В этом отношении характерен пример святого Иоанна Богослова, созерцавшего страшные картины последних дней человечества и не устававшего при этом повторять: «Дети, любите друг друга». Поэтому упадок духовных сил происходит в христианине вовсе не потому, что он приобрел проницательный взгляд на окружающую действительность. Это есть свидетельство духовной незащищенности человека, отсутствия в нем благодатной поддержки свыше.

Вот в такой-то апокалиптической депрессии я и приехал однажды к старцу. Причем это состояние не казалось мне чем-то таким, от чего следует избавляться, как от недуга. Мне представлялось, что в настоящее время эта депрессивность в той или иной степени присуща всем и что иначе и быть не может. Мне и в голову не приходило задавать старцу вопрос на эту тему. Настолько мне здесь все казалось ясным и понятным.

После состоявшейся беседы я услышал неожиданный вопрос батюшки: «Ты знаешь, сколько мне лет?» И, не дожидаясь моего ответа, он сказал: «Мне без одного девяносто, а я потом еще сорок хочу». Догадываясь, какую тему затронул старец, я выразил свое недоумение: «Но ведь это очень много». «Нет, — возразил отец Николай, — не много, я так хочу».

Не могу сказать, что эти слова произвели на меня тогда особое впечатление. Просто я принял их, что называется, к сведению. Но потом произошло следующее: все чаще и чаще они стали всплывать в моем сознании и начали постепенно выводить меня из плена той самой скрытой депрессии, с которой я приехал на остров. Я явственно ощутил их исцеляющую силу. В непродолжительное время во мне восстановилась естественная воодушевленность и работоспособность, и от охватившего меня недуга вскоре не осталось и следа. А впоследствии пришло и ясное понимание духовных причин этого распространенного в наше время заболевания. Так старец реагировал на внутреннее состояние тех, кто к нему обращался.

* * *

Батюшка в духовной жизни придавал огромное значение Иисусовой молитве. Без сомнения, он сам был тайным делателем ее, потому и постиг опытно великую пользу от нее. Многие духовники не рекомендуют ею заниматься, так как считают, что без духовного руководства и стороннего наблюдения это делать небезопасно, что иначе это занятие может обернуться для человека тяжкими последствиями. А так как в настоящее время таких руководителей не осталось, то, следовательно, по их мысли, лучше не подвергать себя риску и держаться общеупотребительных молитвенных последований: канонов, акафистов, Псалтири и т. п.

Отец Николай никогда не порицал открыто этого мнения не потому, что он был с ним согласен. Батюшка вообще всячески уклонялся от того, что рождает разногласия и распри, так как ему был глубоко чужд дух спорливости. Батюшка считал, что разногласия и разделения в церковном обществе не всегда изживаются открытым декларированием своих взглядов, не всегда врачуются прямым объявлением своей позиции. Он видел, что такие методы зачастую отнюдь не погашают, а только подливают масла в огонь, только раздувают пожар возникающих раздоров. Поэтому, будучи делателем непрестанной молитвы Иисусовой, он никогда и никому не навязывал своего духовного опыта.

То, что старец считал эту молитву в современных условиях чуть ли не единственным средством, безошибочно поставляющим и удерживающим человека на пути спасения, стало для меня очевидной истиной после одного из посещений острова. В тот раз, отправляясь к старцу, я подумал о том, что, руководимый боязнью сделать неверный шаг и сбиться с предназначенного мне пути, я все время спрашиваю его о своем земном пути. Конечно, это очень важный момент в духовной жизни, который является ее необходимым условием. Но мне показалось, что при этом я как-то мало забочусь или, вернее, совсем не забочусь о том, чтобы в то же время и душу удерживать в правильном устроении. Поэтому, оказавшись на острове и обсудив со старцем приготовленные вопросы, я в конце встречи спросил его и о том,

какое делание лучше всего поставляет человека на путь спасения.

Я хорошо помню реакцию батюшки на мой вопрос. Он, выслушав меня, стал очень серьезным. Повернувшись лицом к алтарю, старец медленно трижды перекрестился и поклонился. Потом, обратившись ко мне, твердо сказал: «Творить молитву Иисусову». «А как?» — спросил я у батюшки и пожаловался на то, что все время вкрадываюсь помыслами при ее проговаривании. Но старец не дал мне никаких конкретных указаний на этот счет. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго, — воспроизвел он святоотеческий текст, заключающий в себе великую спасительную силу, и добавил, — а больше я тебе ничего не скажу».

Смысл этих слов мне был ясен. Иисусовой молитве невозможно научить теоретически, ее нужно проходить опытным, деятельным путем, и тогда Сам Господь даст молитву молящемуся. В этом отношении отец Николай всецело доверялся водительству Божию и полагал, что тот, кто совершает ее в простоте и смирении сердца, находится вне духовной опасности. Главное — не делать из нее духовного «упражнения» для приобретения тех или иных благодатных даров, а искать в ней прежде всего сокрушенного и покаянного начала. Именно в этом — прямой и непосредственный смысл слов этой молитвы. И без нее подвижник вряд ли сможет противостоять всем козням диавольским, приобрести необходимую чистоту ума и сердца. Только по-

средством ее православный христианин входит в блаженное единение со Христом, и именно от нее рождается в нем вожделенный дух спасения.

Иисусову молитву отец Николай считал первым и главным орудием в духовной жизни, данным Церковью на все времена, а для нашего времени — в особенности. Мне пришло на память, как одна моя прихожанка просила через меня у старца благословения на обучение в музыкальной школе своей семилетней дочки. Ответ батюшки поверг всех нас в изумление. «Передай ей, — сказал он, — пусть она лучше творит молитву Иисусову». Такое благословение он послал несмышленой девочке в деревню, где никто и понятия не имел о том, что это такое.

«Творить молитву Иисусову», — этими словами, сказанными твердо и непреложно на мой вопрос, как мне кажется, старец оставил свое духовное завещание всем ревнующим о своем спасении и ищущим духовного совершенства в современном мире.

* * *

Из всех удивительных и необычайных для нашего времени благодатных даров, которыми Господь украсил Своего верного раба — залитского затворника и подвижника — два из них, пожалуй, наиболее удивительные. Это — его любовь и смирение.

«Я тебя благословил, а теперь ты меня благослови», — услышал я один раз повеление от ба-

тюшки после обычного благословения, полученного на пороге его келейки. Я с немалым удивлением посмотрел на него. «Может, он меня таким способом обличает в излишней назидательности?» — промелькнуло в моем уме. С непроницаемым лицом старец стоял в дверях домика и своей неподвижностью давал мне понять, что не пустит меня за порог кельи, пока я не выполню того, что мне было сказано. Я был в полной растерянности и недоумении. Что было делать? Благословлять старца? Мне легче было бы, если бы рука моя отсохла, чем решиться на такое. Упорствовать? Значит остаться без приглашения войти в дом и без последующей беседы. Помедлив в нерешительности, я набрался храбрости и, как человек, которому предстоит войти в ледяную воду, с поспешностью сделал рукой благословляющее движение. И только после этого мы вошли в сенцы.

Потом я долго ломал голову над тем, что бы все это значило, пока не нашел ответ в одной святоотеческой книге. В ней было сказано: «Если услышишь, что какой-нибудь старец почитает ближнего выше себя, то знай, что он достиг уже великого совершенства, ибо в том-то и состоит совершенство, чтобы предпочитать себе ближнего». После этих слов я понял, что необычный поступок батюшки был как выражением его смирения, так и преподанием духовного урока своему чаду. Одним словом, это было своеобразное подражание Христу, умывшему ноги Своим ученикам.

Что же касается любви батюшки, то ее ощущал каждый, приезжавший к нему на остров.

Здесь все было пронизано ею. Ибо старец жил здесь по своим особенным законам, как блаженный младенец, как будто окружавшая его действительность была бессильна что-либо изменить в его отношении к Богу и человеку.

Она и на самом деле ничего не могла поделать с прочно утвердившейся в его душе любовью. Невзирая на то, что сегодняшний мир ничего не привносит в душу человека, кроме озлобленности и ожесточения, а эгоизм становится правилом и нормой существования, старец неустанно внушал своим чадам, что в своих отношениях с ближним следует руководствоваться только любовью, только милосердием, только состраданием. Даже к врагам своим он учил относиться по-христиански.

Не только мир, но и нынешняя церковная действительность тоже скудеет любовью, и чем дальше, тем все больше и больше завоевывается мирским духом. Эти процессы, о которых предупреждал Спаситель в Своей беседе с апостолами, порождают даже в искренне верующих людях отгороженность друг от друга, отчужденность, замкнутость и, как защитную реакцию на все происходящее вокруг, — стремление жить только своими интересами. Так или иначе, и я — священник, а теперь и монах — постоянно ловил себя на том, что, вращаясь в мире, и я, грешный, захватываюсь этим духом и незаметно для самого себя утрачиваю нормы евангельской жизни. И вот, попадая на остров, я всякий раз оказывался в атмосфере любви, где сталкивался с совершенно иным отношением

к человеку, где слышал голос, возвращавший меня к тому, от чего я отпал и чего никак нельзя терять христианину. Здесь, рядом со старцем, я наполнялся его любовью к людям и хотя бы на краткое время оживал душою и сердцем для Бога и человека.

Дивный, незабвенный остров! Сколько же света, добра и подлинно Христовой любви привнес ты во мрак окружающей действительности! Да он и был, пожалуй, тем малым островом в океане человеческой лжи и неправды, который кротко, смиренно и неизменно излучал в мир свет и тепло Божественной Истины.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДАВНЕГО СОМОЛИТВЕННИКА СТАРЦА НИКОЛАЯ

Протоиерей Олег Тэор.

(Добрый пастырь[13])

Познакомились мы с отцом Николаем тридцать лет тому назад. Я еще не был тогда священником, просто трудился в его приходе, в Самолве, где около храма похоронен его отец. Впоследствии я побывал и в тех деревнях, где прошло детство отца Николая.

[13] По изданию: Не прощай, а здравствуй. Воспоминания о старце Николае Гурьянове. Изд. 2-е. М., 2004. С. 50–55, с дополнениями со слов о. Олега Тэора.

Несколько раз отец Николай посылал весть, чтобы я к нему приехал. В то время расписание катеров было таково, что на острове можно было пробыть не более полутора часов. В мой первый приезд батюшка примерно за пятнадцать минут дал мне очень ценные рекомендации для диаконского служения, к которому меня готовили. Эти рекомендации никто до отца Николая не догадался мне дать. Он не только заботливо объяснял и показывал все нужное для практики, но и меня заставлял за ним повторять. Такое внимание очень тронуло меня и надолго запомнилось. Я стал часто приезжать к отцу Николаю. Подолгу оставался у него, ночевал, старался все фотографировать. Батюшка показывал мне свои фотографии, грамоты, стихи.

У отца Николая была, можно сказать, детская простота и чистота. Он очень любил и ценил красоту. Хорошо понимал искусство: поэзию, музыку. Сам сочинял стихи, хорошо играл на фисгармонии, очень красиво пел духовные песнопения. У меня сохранились некоторые записи. Я очень переживал, чтобы стихи его не пропали, потому что они были напечатаны на машинке в единственном экземпляре. Рад, что они сейчас вышли в свет.

Батюшка очень любил природу. Насадил множество деревьев, украсив пустынный до него остров, который почти не посещали даже птицы. Мы часто поливали с ним эти деревья. Тогда они были еще маленькие. Саженцы он привозил или получал из самых разных мест. Ему их при-

сылали отовсюду. Везде его знали и очень уважали. Некоторые цветы он получил из Эстонии, из Тартусского университета.

Зимой отец Николай кормил птичек, которые стали жить на острове. Под его окнами всегда было развешено сало. Зная батюшкину любовь ко всему живому, в том числе к птицам, мы тоже приносили для них хлеб. Но от тех же птиц отцу Николаю приходилось спасать свои деревья, так как большие птицы садились на их верхушки и ломали их. Были целые недоразумения из-за этого.

Присутствовал я и на Литургиях, когда служил отец Николай. Служил он красиво, хорошо, благодатно. Часто читал народу или говорил поучения. Храм у него освещался только свечами и лампадами. По приезде он сам срезал электрическую проводку.

Помню, как во время проскомидии, на которой была гора записок, я спросил, сколько частичек вынимать из просфор. Он сказал, что в одной мучинке — миллион частичек. Но поминал он всех, о всех молился. Много к нему ездило народу, оставляли записки, и всех он помнил. Ходили к нему и мать моя, и тетя. Однажды отец Николай показал моей тете записочку, которую она написала несколько лет назад. Значит, он продолжал молиться об этих душах. Раньше клирос у него пел тихо, скромно, потому что было оскудение в верующем народе, и мало кто шел работать в церковь. В советское время было даже запрещено звонить в колокола по церков-

ному обычаю. Звонили либо в туман, либо во время бедствий. Однажды был случай, когда во время чтения Евангелия зазвонил колокол. Мы с отцом Николаем поразились, но оказалось, что где-то пожар.

Батюшка был нестяжательным и очень воздержаным в жизни. Церковное хозяйство он вел экономно, никогда ничего не выбрасывал. Сам все мастерил, пек просфоры. Всегда имел запас для богослужения: масло, кагор, свечи и прочее. Но при этом помогал нуждающимся храмам.

Когда я трудился на одном заброшенном приходе, который из-за нехватки средств на ремонт должен был закрыться, отец Николай старался оказать мне посильную помощь, даже если сам не имел средств. Например, он смастерил и подарил в храм лампады, очень красивые, на цепях, искусно сплетенных из медной проволоки. Их было около десяти. К сожалению, они не сохранились, так как я оставил их в том храме. Храм не отапливался. Зимой мне было там очень холодно, особенно когда в родительский день приходил в четыре часа утра совершать проскомидию. Зная это, отец Николай подарил мне свою шубу — особую зимнюю рясу на меху, с деревянными застежками.

Помогал отец Николай и молитвами, и советами. Он не только мне лично говорил все, что нужно, но, бывало, и через кого-нибудь неожиданно передавал совет, как поступить. При этом другие ничего об этом не знали. Батюшка чувствовал и прозревал все мои трудности. По-

добных отцу Николаю я пока еще не встречал, хотя знаю много опытных духовников, у которых также получаю помощь в трудных духовных случаях.

Батюшку я оценил с первой же встречи и очень почитал его всегда. Меня удивляла его прозорливость. Он предвидел многое и, если нужно было, говорил то, что потом сбывалось. Например, был такой случай. Отец Николай всегда помнил о смерти, о своей к ней подготовке, часто говорил на эту тему и наказывал, в чем его хоронить. Однажды он обещал одной своей духовной дочери, что она будет на его похоронах. Другая, по имени Антонина, тут же заявила: «И я буду, батюшка. Обязательно приеду». А он так прикровенно и говорит: «Да нет, ты дома будешь». И оказалось, что эта Антонина умерла. А та, которой было обещано присутствовать на похоронах, действительно там была. И мне батюшка говорил, что я его похороню. Так и вышло.

Сейчас я также чувствую его молитвенную поддержку. Бывает, что, когда его поминаю, мне идет помощь. Отец Николай имел и дар исцелений. Молитва его была очень действенной. Одна его духовная дочь так тяжело заболела, врачи признали рак. Она себя чувствовала очень слабо, лицо ее было бледное, прозрачное. Работала она на тяжелой работе, где ей приходилось иметь дело с вредными для ее здоровья химикатами. Врачи рекомендовали ей перейти на другую работу. Но отец Николай не благословил. Больная послушалась.

Прошло уже много лет, а она, по молитвам батюшки, поправилась и живет до сих пор. Когда я сильно заболел, отец Николай тоже очень убежденно уверил меня, что Господь исцелит. И действительно, я исцелился.

Все, что делал отец Николай, было направлено на спасение людей. Всех он любил и жалел, покрывая любовью и тактом людские немощи. Так, батюшка, обличая, часто шутил или говорил иносказаниями. Бывало, чтобы указать чей-то грех или кого-то наставить, он пел духовные стихи на нужную тему. Даже когда угощал гостей, не обходился без каких-то скрытых намеков или наказов. В последние годы все почему-то сахарным песком угощал. Зачерпнет и даст, потом еще зачерпнет и даст.

Отец Николай был очень доверчивый, хотя и видел людей насквозь. Доверчивость эта исходила из его доброты и милосердия, из веры в то, что человек обязательно исправится, что все будет хорошо. Он всем подавал такую надежду на исправление. Даже самого горького пьяницу жалел. Увидит такого, подойдет и поговорит с ним или просто потреплет за волосы.

Он старался привить своим чадам память о смерти. Говорил, что если бы люди знали, что им уготовано, то они вели бы себя по-другому. Часто он для вразумления и наглядности показывал гостям икону Страшного Суда, объясняя ее и напоминая о возмездии за грехи. Наставлял очень убежденно, евангельскими словами и примерами. Указывал на изображении, где и за какой

грех человеку предстоит мучиться. Это многих отрезвляло и заставляло задуматься и помнить всегда о смертном часе.

Батюшка был верным служителем и послушным сыном Русской Православной Церкви, строгим исполнителем ее уставов, хранителем догматов. Он был исповедником Христовым и противником смут и расколов.

Потому я, например, ничего от него не слышал по поводу почитания Григория Ефимовича Распутина. Книги о Распутине и фотографии у него могли быть (хотя я не видел их), как и любые другие книги. Вот, например, мне тоже приносят много книг и фотографий, и они лежат у меня на полках, но это не значит, что все, что написано в этих книгах, я принимаю. Они здесь, в келье, находятся для ознакомления, или просто как подарок.

Надо всегда помнить, что отец Николай *был верным Сыном Церкви,* он все делал по благословению священноначалия. Пока Церковь не канонизировала того или иного подвижника, он самочинно никого не прославлял.

Что же касается росписей на воротах кладбища, сделанных при жизни старца, то на это могу только сказать, что в это время он уже не выходил на улицу, и неизвестно, видел ли он их. К старцу вообще трудно было попасть в последние годы, и мы не можем сказать, что происходило в его домике.

Что же касается предполагаемого епископства старца, то еще раз повторю: старец был

верным сыном Церкви, потому не мог нарушать установлений ее: отец Николай принимал все священнические награды, не отказывался от них — значит, он позволял надругательство над церковными званиями? Как он мог десятилетия своего служения принимать священнические знаки отличия, будучи епископом? Этого не могло быть.

Кроме того, старец часто любил повторять: «А зовут меня Николай». Как будто предвидел, что после его смерти ему будут приписывать другие имена.

УРОКИ СТАРЦА

Архимандрит Кенсорин

Вопрос о том, какие они — настоящие старцы — очень серьезный, особенно для нашего времени. Слава Богу, у меня есть примеры, и недавние. В первую очередь, конечно, всем известный приснопоминаемый старец Николай Гурьянов.

Батюшка был очень кротким, смиренным, но и прозорливым. В первый раз я приехал к нему с родной сестрой. Я с батюшкой пошел в алтарь, мы с ним там разговаривали. А когда он вышел, то подошел к моей сестре, провел рукой по лицу и спросил: «О чем ты думаешь?» Потом я спросил ее: «А о чем ты думала?» Она созналась: «А я думала: скорее бы уйти из храма и уехать». И вот батюшка прозрел эти мысли и обличил ее: «Не дело ты думаешь».

Батюшка меня и в Елеазаровский монастырь назначил. Мы ездили к нему с нашим правящим архиереем, псковским владыкой Евсевием. Посоветоваться, что мне делать. В Святогорском монастыре, где я был настоятелем, продолжались нестроения. Я встал перед старцем на колени, а он меня благословил со словами: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши во веки». А до этого я ездил к старцу с недовольной братией: с келарем, экономом, казначеем и духовником. Я представлял всех по одному батюшке, а сам ему на ушко шепчу: «Батюшка, я хочу уходить из монастыря, у меня тут неприятности». А батюшка вдруг во всеуслышанье говорит: «Если отец Кенсорин будет от вас уходить, держите его за рясу».

Семь лет я был наместником в Святых горах, но все-таки уйти пришлось. Но батюшка очень хотел, чтобы Елеазаровский монастырь возродился, потому благословил меня и настоятельницу — мать Елизавету, идти туда служить Господу. И его молитвами здесь быстро начало возрождаться, за короткое время очень много было сделано.

Батюшка нас с настоятельницей и после кончины своей благословил. Мы были на похоронах. Народу было очень много, мы подходили прощаться со старцем издалека, с разных сторон. А у гроба одновременно сошлись и прикладывались к ручкам одновременно.

У СТАРЦЕВ НУЖНО УЧИТЬСЯ МОЛИТВЕ

Протоиерей Николай Голубев

(храм в честь Казанской иконы Божией Матери в городе Тосно)

Наше поколение — молодежь семидесятых годов — было очень активным, духовно ищущим. Мы искали истину, искали людей, которые могут показать путь к истине. Когда мы пришли в церковь, то почти все питерские прихожане молодого поколения (а было нас тогда не так уж много) знали друг друга, если что-то открывалось в духовной жизни, старались поделиться. Так, когда узнавали о духовно опытных людях, старались к ним съездить, чтобы учиться правильной духовной жизни. Мы ездили в Каменный Конец к отцу Василию Швецу, к блаженной Любушке, к отцу Павлу Груздеву, к отцу Науму в Троице-Сергиеву Лавру. Архимандрит Наум стал моим духовником. И оказалось, что все священники, с кем мы встречались, к кому ездили за советом, очень почитают протоиерея Николая Гурьянова с острова Залит. Почитали его как опытного и в то время по возрасту самого старшего из духовников, и как молитвенника. Потому что сами условия его жизни располагали к молитвенному подвигу. Вот мы на приходах — в основном ремесленники, к нам народ идет с требами, мы постоянно в этой круговерти. А отец Николай

много лет жил в таких условиях, что люди его особенно не донимали, и он имел возможность молиться.

Я поехал к отцу Николаю именно с вопросом о молитве. Впервые тогда прочитал книгу С. Большакова «На высотах духа», где рассказывается о том, как православный мирянин учился молитве у подвижников, «собирал мед духовный», ездил к разным подвижникам именно для того, чтобы научиться правильно молиться. Потому что от этого все в жизни зависит. Нельзя ни убавить, ни прибавить. Нужно исполнять свою меру, это как на работе: хорошо работаешь, норму выполняешь — хорошо тебе платят, плохо работаешь — ничего не получаешь. Так и в молитве: если прибавляешь или убавляешь, молитва превращается в забаву. И за это расплачиваешься. Чем? Болезнями, жизненными неприятностями. Правильно и хорошо молишься, и жизнь твоя течет в нужном русле. У меня были проблемы в личной жизни тогда, я понимал, что что-то не так с молитвой и потому поехал к старцу Николаю. Кроме того, я чувствовал необходимость пересмотра жизненного пути. Я был в то время геодезистом, заведовал лабораторией в Горном институте, много путешествовал по стране, но уже чувствовал духовную неудовлетворенность, душа искала иных путей.

Очень мне запомнилась та первая поездка к батюшке. Я доехал до Пскова, сел на «ракету». На острове вышло три человека — двое местных и я. Я направился вглубь острова, а навстречу мне —

батюшка. А я даже не знал, как он выглядит. Несу в подарок арбуз и два батона. Спрашиваю его: «А вы не знаете отца Николая?

— Так ведь он в Москве.

— А как бы ему гостинец передать?

— Да ладно уж, заходи.

Зашли мы в келью, присели к столу с многоведерным самоваром, за занавеской — спальня, на стене — икона Страшного Суда.

Разговаривали мы очень долго. Я спрашивал о своих жизненных проблемах, но в основном мы говорили о молитве.

Считаю, что к духовным людям с этим и нужно ездить: «Батюшка, научи молиться!» А не то что: «Вот фотография, скажите, батюшка, хороший это человек или плохой, нужно за него замуж выходить?»

Или, как бывает обычно, спрашивают: «А если так?» — «Ну, помолись». — «А если так?» — «Помолись». «А если вот так?» Так что же, старец — гадалка?

Старец и отвечает некоторым однозначно, потому что не видит в человеке способности к труду духовному, способности поразмышлять, молитвенно поискать воли Божией.

Про себя скажу, что в мой первый приезд старец Николай не дал мне никаких житейских советов. Он так же только сказал: «Молись». И наставил о молитвенном правиле, как и сколько я должен молиться. И потом это принесло плоды — я стал служить в церкви, сначала алтарником, потом псаломщиком, потом дьяконом,

а после уже Господь меня сподобил священства. И с семейными у меня все, слава Богу, устроилось. Не сразу, не без искушений, постепенно, но устроилось.

И потом я понял главное — учиться нужно всегда у Церкви. То есть жить церковной жизнью, ровно, последовательно, и все будет устраиваться, открываться постепенно, без рывков, без надрыва.

Потом я ездил к старцу еще раз, чтобы утвердиться в том, что я иду правильным путем, спросить, в миру оставаться или служить в Церкви. Я склонялся к последнему, но хотел узнать мнение старца, на правильный ли путь я встал. Он благословил меня готовиться к церковному служению. Но именно готовиться, а не искать, не вымогать.

Так старец Николай дал мне направление духовной работы на всю жизнь, этому путем я и следую.

Когда уже к старцу поехали толпы, я на остров не ездил. Я посещал матушку Любушку, Бог дал и причащать ее уже в Вышнем Волочке, часто ездил к старцу Павлу (Груздеву) в Ярославщину.

И из общения с этими молитвенниками я понял, что нужно уметь правильно задавать вопросы. Вот сейчас слышишь: «Старец Николай благословил, а так не получилось. Благословил на брак, а он развалился. Благословил на священство, на монашество — и одно искушение вышло из этого. Как же так?» Дело вовсе не в том, что старец ошибся. А в том, что к старцу подходили

как к оракулу, как к волшебнику. И это не только к старцу Николаю относилось и относится.

К старцу идут с вопросом, заранее ожидая услышать определенный ответ. Он видит, что человек не слышит его, повторяет ему его же намерение — пусть шишки набивает и через это учится мудрости духовной. Духовные вещи необъяснимы, тут нельзя с грубой логикой лезть. Если ты идешь к старцу, то ты должен подготовиться к этому и ловить каждое его слово, а не думать о своем. Например: «Жена в церковь не идет, не хочет. Венчаться не хочет». — «Захочет. Привези ее ко мне, я с ней поговорю». Она так и не захотела к старцу ехать, и в церковь ходить не захотела, но венчалась, правда, не потому, что сама захотела, а только потому, что ее уговорили, почти заставили. И брак тут же распался. Так что же, старец в этом виноват? Надо было внимательно слушать. И выполнять его благословение в той последовательности, которую он открыл, а не механически.

И теперь явно, что многое из того, что приписывают старцу, — не он говорил, а от него говорили. Не искали воли Божией, а ехали уже с определенными решениями: «Я знаю, что надо делать, чтобы было хорошо». Ну вот, старец и благословлял, видя такую внутреннюю установку, а потом человек набивал шишки и начинал учиться серьезной духовной жизни, в которой нет ничего механического. Часто люди ехали именно с такой формулировкой: «Батюшка, помолитесь, чтобы...» А может, молиться нужно совсем о другом? «Ба-

тюшка, благословите на то-то и то-то». А может, нужно сначала спросить: «А нужно ли мне это делать?» Но человек уже заранее убежден, что «его дело правое», нужно только благословение получить. Поэтому старец часто на все вопросы отвечал только: «Помоги вам Господи, спаси Господи», — то есть как Бог Сам все устроит, так и будет.

Все в духовной жизни совершается постепенно, не вдруг. По молитве Бог все устраивает.

А то мы святых превращаем в мифы, их слова, их жизнь истолковываем по-своему. И внимание обращаем в основном на внешнее: во что одевался, где был, каких людей привечал, а главное не это — главное, как молился святой.

Старцы, подвижники — это те, кто правильно молится. И Бог дает им свои дары. А мы все умничаем. Вопросы любим задавать, хотим, чтобы у нас в жизни все поскорее, да получше разрешалось. А нужна верная основа жизни для каждого человека — правильно молиться и учиться всю жизнь у Церкви, остальное приложится.

В ПАМЯТЬ О НЕЗАБВЕННОМ СТАРЦЕ ОТЦЕ НИКОЛАЕ ГУРЬЯНОВЕ

Протоиерей Владимир Степанов

(село Бронница Новгородской области)

Двухэтажный озерно-речной пароход с прекрасным названием «Александр Невский» настойчиво продвигался к ост-

рову имени Залита (бывший Талабск), смело разрезая осеннюю темноту и пенящиеся штормовые волны. Я сидел в нижнем этаже и при изрядной качке и тусклом свете читал книгу господина Сурского об отце Иоанне Кронштадтском. Мой путь был к батюшке Николаю.

Пароход, победив и темноту, и шторм (недаром «Александр Невский»), причалил к пристани. Иду мимо часовни и храма к домику батюшки. Стучусь в дверь. Старец открывает, благословляет. Входим в домик. Батюшка у меня спрашивает: «Чья память 20 декабря?» Я отвечаю, что не помню. Тогда отец Николай говорит: «Отца Иоанна Кронштадтского». Ну, думаю, какой батюшка прозорливый, знает, что у меня в портфеле книга об отце Иоанне Кронштадтском, которую я читал в пароходе. Отец Николай продолжает: «Вот знаешь, батюшка, (хотя тогда я еще не был священником), говорят, что я — прозорливый. А ты поверь мне, что вот этот кот знает больше меня». По физиономии кота Липуни было заметно, что он остался весьма доволен словами старца о нем, считая их вполне справедливыми.

Батюшка меня покормил, побеседовали, почитали вечерние молитвы. Отец Николай постелил мне на полу, где я и проспал до утра. Утром встали, почитали утренние молитвы. Попили чайку, и я, испросив батюшкино благословение, отправился на пристань. Пришел пароход, на котором я благополучно вернулся в Псков, где в то время жил и служил диаконом в Троицком кафедральном соборе.

Рядом с собором стоит колокольня, в которой в 70-е годы жила монахиня Архелая. Захожу однажды навестить матушку. Речь зашла об отце Николае. Она мне рассказывает, что ей было очень тяжело и она молитвенно обращалась к батюшке: «Отец Николай! Помоги мне! Отец Николай! Помоги мне...» И так несколько раз. Утром следующего дня батюшка приезжает в Псков, приходит к матушке Архелае и с порога говорит ей: «Ну что ты меня просишь: отец Николай, помоги мне, отец Николай, помоги мне...»

Матушка очень удивилась тому, что за тридцать километров ее «сигнал» дошел до старца и понудил его прибыть к ней.

Приезжая в Псков, батюшка обычно шел в Троицкий собор, где молился до конца Литургии, стоя в конце храма. Затем мы с ним пешком шли в Епархиальное управление, где его всегда с честью принимал митрополит Иоанн (Разумов). После епархии шли на пристань, и отец Николай на «Заре» возвращался на свой обитаемый остров. Интересно, что батюшка всегда старался войти на катер последним, но ему все время кто-нибудь «бронировал» место.

Наше общение со старцем длилось более двадцати лет. Много часов мы провели в беседах. Он вспоминал, как плыл на лодке вместе с новомучеником Российским митрополитом Вениамином Петроградским на богослужение в село Ремда Гдовского уезда. Батюшке было тогда 12 лет. Владыке Коленька понравился, и Он так

сказал о нем: «Хороший мальчик, взял бы я его к себе в Петроград, да не те времена». Вскоре, в 1922 году, митрополит был расстрелян.

Также, вспоминая Гражданскую войну, батюшка рассказывал, что в их дом залетел снаряд, но по милости Божией не взорвался.

Со слезами на глазах и с глубокими вздохами отец Николай говорил о лагерных страданиях: «Батюшка, если бы ты знал, что там было, — Ужас!» — «Нас туда отправили не для того, чтобы мы оттуда вышли живыми». Гоняли заключенных на лесоповал. Паек скудный, а норма по заготовке дров приличная. Не справился с нормой, завтра паек не получишь, а на работу идти обязан. «Идешь утром в лес на работу по лесной дорожке — один упал, умирает; еще один падает — вот так было», — говорил батюшка, а у самого полные глаза слез. Отец Николай и в заключении не терял бодрости духа, и даже веселости (хотя чего это ему самому стоило?). Этим самым он укреплял и других не впадать в отчаяние. Те, кто сподоблялся, по Промыслу Божию, живыми выходить из лагеря, очень благодарили будущего старца, говоря, что «если бы ты нас не поддерживал своим духом и веселостью, то мы бы живыми отсюда не вышли». Батюшка вспоминал, что в тюрьме встречался с епископом Борисом (Шипулиным). Владыка, глядя на Николая, говорил: «Вот цветок, только распустился — сорвали, растоптали». Вера и молитва юного Николая не посрамили его. «Подниму руки к Небу и молюсь: Небо! Сжалься надо мной», — так рас-

сказывал отец Николай о своих крестных страданиях в неволе.

Испытав на себе все прелести «социалистического рая», батюшка был очень осторожен. Проповеди в храме он в основном читал по книге, но иногда между строк что-то добавлял свое, глядя в книгу. Он прекрасно знал, что много духовенства пострадало из-за проповедей, которые были расценены властями как антисоветские.

Помню еще: батюшка играет на фисгармонии и поет духовный стих. По улице мимо окошек старца проходит человек. Отец Николай бросает играть и петь, пока человек тот не удалится на приличное расстояние от домика.

Батюшка часто шутил. Угощает, бывало, обедом за столом, старается порцию дать побольше, сахару в чай — до десяти ложек, а сам приговаривает: «Ешь, ешь, дорвался до чужого, так ешь полным ртом». Иногда просят его: «Батюшка, помолись за меня». Он отвечает: «Молюсь, молюсь, а как тебя зовут-то?»

Старец любил труд: участвовал в ремонте храма, сажал деревья — сам поливал, не давал даже в свой дом для него принести воды; пек просфоры.... Многих людей также подвигал к трудолюбию.

Господь наградил батюшку живой верой и непрестанной молитвой. Часто было заметно, что он творит Иисусову молитву. Силу его молитвы я испытал на себе и не раз. Один из примеров: у меня была серьезная проблема, и я зимой пешком от большака пришел по озеру к старцу. Он

меня выслушал, затем встал и говорит: «давай помолимся». Батюшка становится на колени на своей крохотной кухоньке; я за ним тоже. Несколько минут молитвы. Встаем с колен. Отец Николай меня благословляет, и я ясно в душе ощущаю, что моей проблемы больше нет. Слава Богу!

По благословению батюшки я принял сан священства и был направлен служить в храм Архангела Михаила в село Кобылье Городище Гдовского района. В этом храме крестили будущего старца отца Николая. На кладбище около храма — могила его отца Алексия. В шести километрах от храма — деревня Чудские Заходы, где родился батюшка. Дом, где он жил с родителями, стоял у дороги. В этом приходе я прослужил около девяти лет. Дважды старец приезжал к нам в гости на катере «Ракета», который ходил по маршруту Псков — Тарту. Спал ли батюшка у нас, в церковном доме, не знаю, только когда часа в 4 утра я ненароком заглянул в отведенную для него комнату, то увидел следующее: батюшка в подряснике, как вкопанный, стоит около иконы Казанской Божией Матери, весь погрузившись в молитву...

Во время второго к нам приезда отец Николай предложил мне вместе с ним и еще одной благочестивой мирянкой съездить в Пюхтицкий женский монастырь, в Эстонию, на что я с радостью согласился.

Рано утром в селении Самолва мы сели на пришедший катер «Ракета» и на нем приплыли

в город Тарту. Из Тарту на такси (благо, в то время это было не так дорого) мы приехали к Пюхтицкому монастырю. Надо было видеть радость игуменьи Варвары и сестер! Батюшка всех благословлял, много шутил, хлопал сестер и по щекам и по лбу, при этом все веселились, как дети. На ходу обучал сестер правильной Иисусовой молитве. В общем, визит батюшки к монахиням был для них большим праздником.

Вдвоем с отцом Николаем мы пошли на источник Богоматери искупаться. От монастыря очень красивая, живописная гористая дорожка к источнику. На одной из горочек корни деревьев очень замысловато переплелись на поверхности земли и в одном месте очень похожи на человеческий след. Батюшка мне и говорит: «Люди почитают этот "след" за стопочку Богородицы, а ты же видишь, что это природа, ну да ладно...»

Благополучно искупавшись в источнике Царицы Небесной, мы вернулись в обитель. Был приготовлен прекрасный обед со множеством заморских яств. К моему удивлению, отец Николай и игуменья Варвара почти ничего не ели, а вели неспешный душеполезный разговор. Мне же, грешному, было велие утешение.

Рано утром следующего дня мы отбыли из гостеприимной обители на монастырской машине до Тарту, а там сели на «Ракету». Я, попрощавшись с отцом Николаем, вышел на пристани «Самолва», а батюшка с сопровождающей его женщиной поплыли далее к Пскову, к своему острову.

Иногда батюшка громогласно провозглашал, что он умрет в 2013 году. Некоторые люди это слышали и до сих пор недоумевают, что он не дожил до этого срока, но он мне объяснял: «Многие думают, что в 2000 году наступит конец мира, а я их хочу переубедить таким вот "пророчеством"».

Кстати, отец Николай был назван в честь блаженного Николая Псковского. Необходимо сказать и об отношении отца Николая к Григорию Распутину. Батюшка имел о нем положительное мнение, но я считал и считаю это мнение ошибочным. Не надо думать, что святые и подвижники не ошибаются. Просто их ошибки и погрешности не могут повредить общему фону их богоугодной жизни. Без ошибок и без грехов — только Один Бог. Только Он и никто другой!

О Распутине оставили свои воспоминания люди, хорошо его знавшие, дружившие с ним несколько лет, а затем порвавшие с ним. Один из таких людей — митрополит Вениамин Федченков, упокоившийся в пещерах Псково-Печерского монастыря. В своих воспоминаниях о Распутине в книге «На рубеже двух эпох» владыка пишет: «В каждом человеке есть эта двойственность, была и осталась она и в Распутине, как в общей его природе, так и после прежней греховной жизни. Если допустить (а я допускаю) и факт прошедшего перелома в его сибирской жизни, нельзя все же забывать того, что изжить греховность свою — дело наитруднейшее. Самое трудное из всего в мире! И будь он в силе, нахо-

дись он под хорошим руководством опытного духовника, так в молитвах и покаянии он достиг бы не только спасения, а возможно, и особых даров Божиих. Но он подвизался без руководства, самостоятельно, и преждевременно вышел в мир руководить другими. А тут еще он попал в такое общество, где не очень-то любили подлинную святость, где грех господствовал широко и глубоко. Ко всему этому невероятная слава могла увлечь и подлинно святого человека. И соблазны прельстили Григория Ефимовича: грех оказался силен...

Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее возобладало над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая душевная трагедия личная. А вторая трагедия была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскудения силы в духовных кругах до распущенности в богатых»[14].

Отрицательное мнение о Распутине мною унаследовано еще с детства от моего покойного отца, протоиерея Евгения Степанова, исповедника веры, получившего определенный срок за верность Христу; и для меня важно ни очернить, ни убелить Распутина. Для меня важна только Правда.

Как-то мы разговаривали со старцем Николаем о епископском служении, и батюшка в полушутку изрек: «Лучше не родиться, чем

---

[14] *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М: «Отчий дом», 1994. С. 137—138.

быть архиереем». Появившееся на свет мнение о том, что батюшка был тайным епископом, считаю безосновательным вымыслом.

У меня от отца Николая осталось десятка два писем. Батюшка писал мне в Псков, когда я там жил, и на приход. Письма отражают смиренную и любвеобильную душу дорогого старца. Вот одно из поздравительных писем батюшки:

«Ваше Высокопреподобие отец Владимир с тружениками по храму Божию и прихожанами Вашего Духовного окормления! Всех Вас молитвенно поздравляем с Праздником Рождества Христова, Новолетия и Богоявления. По молитвам Вашего Небесного Покровителя Архангела Михаила, да хранит Ваши Боголюбия Сладчайший Создатель мира на долгие, долгие лета!!!...

С любовью о Сладчайшем Богомладенце Господе недостойные послушники и Богомольцы Вашего Иерейства — отец Николай, инокиня Раиса и Анастасия с пташками.

Простите и благословите — 7 января 1990 года».

...Сижу за столом на кухоньке у батюшки. Угощаюсь чаем с пирогами. Старец очень постарел и изможден. Поговорив со мною несколько минут, он сказал, что устал, и пошел полежать. Полежав некоторое время, снова вернулся на кухню и сел на свой стул. Я же, видя батюшкину слабость, стал собираться уходить. Мы встали, помолились. Затем я обращаюсь к отцу Николаю и прошу его: «Батюшка, благословите меня». Ста-

рец благословил меня своим пастырским благословением. Затем он говорит мне: «И ты меня, батюшка, благослови». И я, грешный, также осенил старца священническим благословением. Мы братски поцеловались, взаимно испросили прощения друг у друга. С грустью на сердце и со слезами на глазах я покидал благословенный дом старца. Больше нам видеться с ним на земле было не суждено. Через несколько месяцев его светлая богопреданная душа отошла ко Христу — Богу, Которому батюшка был верен до смерти.

Царство Ему Небесное и Вечный покой! Его молитвами Господь и нас, грешных, да помилует, яко Благ и Человеколюбец!

Аминь!

ИЕРУСАЛИМСКИЙ КРЕСТ

Игумения Георгия

(настоятельница Горненского монастыря в Иерусалиме)

Отца Николая я впервые узнала в Вильнюсе в 1953 году. В то время я была послушницей Вильнюсского женского монастыря святой равноапостольной Марии Магдалины.

Потом мы с матушкой игуменией Варварой часто ездили к старцу на остров, он бывал у нас в Пюхтицах.

Мне батюшка почти за двадцать лет предсказал Иерусалим. Еще при покойном патриархе Пимене к нам в Пюхтицу приехал тогдашний

митрополит Таллиннский и Эстонский Алексий, наш теперешний Святейший Патриарх, и говорит: «Есть благословение из числа ваших сестер собирать пополнение для Горненского монастыря на Святой Земле». Потому что до 1000-летия Крещения Руси у нас в Русской Православной Церкви было всего 18 монастырей, а Пюхтицкий был одним из немногих, который никогда не закрывался. Сестер в то время в Пюхтицах было около 100 (сейчас уже 170), потому можно было из них выбрать кандидаток в Иерусалим. Владыка сказал, что надо собрать группу и подготовить ее к послушанию на Святой Земле. Группу собрали, в специальном «иерусалимском корпусе» открыли мастерские. И в это время приехал батюшка, отец Николай. Это было в начале 1980-х годов. Батюшка очень любил наш Свято-Успенский Пюхтицкий монастырь — монастырь, построенный по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, место, избранное Царицей Небесной.

Когда батюшка приехал, матушка настоятельница благословила меня показать ему «иерусалимский корпус»: «Пусть он все посмотрит, благословит, пообщается с сестрами». Мы пошли. Приходим. Я впереди, открываю одну келью, другую — золотошвейную, рукодельную, иконописную. А кто-то из сестер говорит: «Батюшка, мы так счастливы, что нас направляют в Иерусалим. Но как же мы там жить будем — там ведь игумении нет?» А он, у меня за спиной, на меня показывает и отвечает: «Что ты, что ты говоришь?

Там пюхтицкая игумения». А я этого не вижу и не слышу, что он даже прибавил: «Пюхтицкая игумения Георгиюшка». Мне потом только сестры про эти слова батюшки сказали.

Это было еще до Карповки. В 1983 году мы послали десять человек в Иерусалим.

Потом, когда я уже была на Карповке, Святейший мне как-то говорит: «Мать Георгия, сейчас Рождество, а в Великом посту я опять приеду и хотелось бы уже останавливаться в монастыре». День и ночь мы трудились, чтобы отреставрировать покои святого праведного Иоанна Кронштадтского. За месяц до приезда Святейшего я звонила ему и благодарила за помощь и святые молитвы, сообщила, что к его приезду покои будут готовы. А он мне говорит: «Спаси Господи, мать Георгия. А теперь вам нужно потрудиться в Иерусалиме в Горненском монастыре». За месяц до этого разговора со Святейшим одна прихожанка, по профессии архитектор, выразила мне свое желание постоянно помогать мне в восстановлении монастыря и хотела уйти со своей основной работы. И она поехала к отцу Николаю на Залит за благословением.

И вот через несколько дней она приезжает с таким известием: «Матушка, а отец Николай не благословил. Сказал, где работаешь, там и работай. А Вам передал конверт». Я смотрю, написано: «Игумении Георгии». А я на Карповке игуменией не была, монастырь тогда восстанавливался как подворье Пюхтицкого монастыря, и я была старшей сестрой.

Я удивилась — никогда батюшка так не писал. Всегда просто «матушке Георгии». Я подумала, что это просто юродство. Открываю конверт: «Что же он пишет?» И что же? Хоть бы одно словечко — ничего, только деньги, без всяких объяснений.

Это были деньги на дорогу. Я потом это поняла, после разговора со Святейшим.

Конечно, монах не имеет права отказываться от послушания, на которое его призывают, но я очень смущалась и даже возражала: «Ваше Святейшество, простите, ради Бога, я боюсь, что не справлюсь». Стала перечислять другие монастыри и другие кандидатуры. А он сказал: «Матушка, у меня нет другой кандидатуры. Поезжайте, хотя бы ненадолго».

И тут я вспомнила про батюшкину посылочку и еще вспомнила, как однажды я к нему приехала, а он меня из домика позвал в храм: «Пойдем, Божией Матери помолимся». Я приложилась к иконе Одигитрии. А батюшка меня манит в алтарь: «Иди сюда, иди». Я робею, но сняла туфли и подхожу. И пока я крестилась и кланялась, вдруг батюшка из-за печки, которая была в алтаре, достал большой металлический крест и мне на спину так и положил. «Это твой крест. Господь поможет», — сказал батюшка. Я тогда не поняла, что это за крест, а потом поняла, что это — крест игуменства.

Еще вспомнила, как однажды мы приезжали с матушкой Варварой и отцом архимандритом Гурием из Кингисеппа к батюшке, еще одна

монахиня с нами была. И батюшка нас повел на кладбище к мамушке — рабе Божией Екатерине (я ее тоже хорошо знала еще и по Вильнюсу в 50-е годы). Мы пропели литию, стоим у могилки, и вдруг он говорит: «Георгиюшка, благослови мою мамушку». Я так растерялась — стоит архимандрит, стоит игумения, сам батюшка, и вдруг он меня — простую монахиню — просит о благословении. А батюшка опять повторяет: «Георгиюшка, покрести мою мамушку, покрести ее». Я к матушке игуменье Варваре повернулась, а она мне говорит: «Раз батюшка благословляет, так и делай». А батюшка в третий раз просит. Я исполнила.

Батюшка все время мне пророчил Иерусалим. Иногда неожиданно при мне начинал петь: «Иерусалим, Иерусалим...»

Так батюшка меня отправил в Иерусалим, а из уст митрополита Филарета (тогда главы ВЦС) я услышала: «Вас благословляет Церковь Христова. Это воля Божия».

И после этого я тоже ездила к батюшке отцу Николаю и он благословил на игуменский крест. Тяжелый крест — ведь игумения за все переживает, за каждую сестру, за все, что происходит в монастыре.

Надо сказать, что это было чудо, что мне к батюшке удалось попасть. Потому что на озере были льдины, на лодке было не проехать. А я по благословению Святейшего заехала сначала в Псково-Печерский монастырь. И вот оттуда мы с настоятелем архимандритом Петром на

вертолете попали на Залит. А батюшка нас уже встречал на паперти.

Мы идем навстречу, а батюшка почти бежит и все приговаривает: «Георгиюшка, Георгиюшка, какая ты счастливица». А я плачу, ничего сказать не могу, только повторяю: «Батюшка, помолитесь». А он опять: «Георгиюшка, да какая ты счастливица, куда ты едешь — ведь ко Гробу Господню. Да там же и твой Георгий». А палестинцы действительно очень почитают Георгия Победоносца. «Батюшка, я так боюсь». — «Не бойся, все у тебя будет хорошо». — «Батюшка, и климат, и здоровья, и ума, боюсь, не хватит». — «Да всего тебе хватит. Все будет хорошо». — «Святейший обещал, что я недолго там буду, три года, пять лет». — « А я хочу, чтобы ты там всегда была, чтобы ты там и померла». Думаю: «Утешил батюшка». Но все равно осталось в памяти только одно: «Какая ты счастливица!»

Батюшка очень помогал. Он молился. По его молитвам все и устраивалось в обители и сейчас устраивается.

ВЕЛИКИЙ ДАР — ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Игумен Роман (Загребнев)

Псковская епархия[15]

Дорогой батюшка давно уже стяжал великую молитву и целую толпу добродетелей и всю свою жизнь поучался в блаженных добродетелях. Он воспитал в себе редкие качества, как-то: любовь к Богу и ближним, назидательность, простоту и доступность к нему каждого, жертвенность, милосердие и ко всем и ко всему сострадание. За такую жертвенную любовь к Богу и ближним Бог украсил его редкостною добродетелью, или, проще сказать, наделил его даром прозорливости, который сиял в нем, как солнце. Но давно ли замечалась в нем эта Божественная красота? Это известно Единому Богу, когда Он сообщил ему этот великий дар. Но мы можем догадываться по фактам. Например, игумения Варвара, управляющая и по сей день знаменитою обителью в честь Успения Пресвятыя Богородицы в местечке Куремяэ, в Эстонии, раньше жила среди монахинь Виленского монастыря, Свято-Духовского, будучи уже монахиней. После воскресного богослужения состоялся сестринский обед, вместе с ними был и служащий батюшка, отец Николай. Во время трапезы отец

[15] Из книги: *Игумен Роман (Загребнев)*. В память вечную будет праведник. Псков, 2003.

Николай обращается к монахине Варваре, будущей игуменье, с такими словами:

— Матушка Варвара, а как если будут вас сватать-то? Соглашаться надо.

— Что вы, батюшка, такое говорите? — отвечала та. — Я ведь в постриге, обет Господу дала!

Отец Николай свои слова повторил опять:

— Матушка Варвара, а как если будут вас сватать-то, то соглашаться надо. Тогда не отказывайтесь!

— Батюшка, я тридцать лет в монашестве, а вы такое говорите!

Через некоторое время виленская монахиня стала пюхтицкой игуменьей, и вот только тогда уразумела, о каком именно сватовстве шла речь за трапезным столом в Свято-Духовском монастыре. Апостол Павел говорит: «Бог наш, Который был вчера, Он тот же и ныне, Он тот же и во веки».

И дары Его Божественные живут вечно в человеке, если сам человек не потеряет их недостоинства своего ради. Но батюшка все земное считал за мусор, его ничто не прельщало и не привлекало, и поэтому этот бесценный сладчайший дар он берег как зеницу ока. Сего ради и дар Божественный в полноте обитал в любимце Христовом. Об этом свидетельствует Сам же Спаситель: *«Кто любит Мя, будет возлюблен Отцем Моим, и Я возлюблю его. Я и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим»*. Однажды рано утром катер доставил меня вместе с большой группой паломников на остров Залит. От пристани я прямо направился к сторожке,

что у храма святителя Николая, где жила тогда алтарница Анастасия, ныне уже покойная. За мной плелся какой-то друг по несчастию. Мы оба вошли в домик, по-христиански приветствовали хозяйку, добрую и скромную, а потом обратились к ней с вопросом:

— Скажите, мать Анастасия, как нам лучше — здесь посидеть или дойти до домика батюшки?

Мать Анастасия, по происхождению украинка, на украинском наречии и сказала:

— Посидите трошки тут, чай и сам прииде!

Только успела промолвить эти слова, как вдруг открывается дверь и, словно легкокрылый Ангел, входит желанный отец Николай.

— Здравствуйте, мои драгоценности! Да хранит вас всех милосердие Божие, — сказал он, весело улыбаясь.

Он присел на лавку, стоящую недалеко от порога, и усадил нас на ней. Меня — справа, а моего попутчика — слева. Завелась теплая беседа, батюшка и сам нас спрашивал, и мы его спрашивали, вопросов было много и различных по характеру. Он нам все отвечал, а потом показалось, что вопросы исчерпались, но, если признаться, все забываешь, когда увидишь батюшку. Он, лучезарный, как появляется, тут и радость какая-то приходит, и все тучи мысленные улетучиваются, нужды исчезают, вопросы пропадают, и думаешь, ну что спросить, а потом решаешь, да ничего не буду, какой я счастливый, что батюшка рядом. Здесь уместно вспомнить аналогич-

ный случай, бывший у преподобного Антония. Приходили любители аскезы к преподобному и вопрошали его о художестве духовного спасения, а один брат приходил и, ничего не спросив, уходил, и так много раз. Однажды преподобный Антоний спросил его: «Почему же ты, брат, приходя ко мне, ничего не спрашиваешь меня и ни с чем уходишь?» Брат отвечал: «Авва Антоний, для меня достаточно и того, что я сподобляюсь видеть вас!»

Воистину отец Николай был сосудом Святаго Духа, и благодарим Господа, Который в наше нелегкое время даровал Церкви такого светильника, излучающего свет и тепло. Его душа имела животворящую любовь ко всем людям без исключения, ибо в каждом он видел образ Божий и подобие Божие, желая всем помочь и чтобы каждый пришел ко Христу и обрел в Нем спасение вечное. Слово батюшки было исполнено четкости и ясности, оно затрагивало самые сокровенные струны души, врачуя, обличая и наставляя. В нем особо виднелись дары: молитвы, исцеления, рассуждения, прозорливости, постничества, бдения и дар любви. Вот этот благодатный свет, как облако, исходит от отца Николая и с отцом Николаем и обволакивает пришедших, как на Фаворе апостолов, и человек забывает все, что ему мешало, что надо разрешить, у него все управлено, ничего ему не надо, и он вместе с пророком Давидом говорит: «Благо же, благо же душе нашей», а со апостолами взывает: «Как нам с Тобой хорошо, Господи!»

Так случилось и в этот раз.

— Ну, что ж, — говорю я, — пора бы нам и отпустить старца-трудолюбца. Ведь он многим нужен, подобным нам, и наверняка уже ждут его святыню, желая лицезреть его, получить благословение его и разрешение недоуменных вопросов.

Мы оба встали, чтобы идти, но вдруг старец обращается к моему товарищу и говорит, глядя на него пристально:

— Скажи мне, разве это дело, дома писал-писал хартию с вопросами, положил в карман и, не разрешив ни одного вопроса, уезжаешь! Разве это дело? Сейчас сядешь в «Ракету» и поплывешь, а вопросы в кармане. Ну-ка, доставай сейчас же. А то ведь поплывешь до Пскова, руку случайно сунешь в карман, сердечко-то так и екнет. Чтобы оно было спокойно, и нужда есть разрешить вопросы. Понял?!

Упал к батюшке в ноги мой попутчик, слезы побежали из глаз, прося прощения и терпения на разрешение написанных вопросов. Они сели на лавочку, а я, чтобы не мешать и не вводить в затруднение товарища, ушел. Видите, факт остается фактом!

МЫ ОБРЕЧЕНЫ... НА ВЕЧНОСТЬ[16]

Священник Алексий Лихачев

Отец Николай... Целая эпоха моей жизни вдохновлена и благословлена этим Человеком, в котором земное неизреченно было слито с Небесным.

Когда едешь к нему, то пересматриваешь свою совесть, будто перед кончиной или Страшным Судом, ибо ничто не могло укрыться от его проницательного взора. И столько вопросов теснится в голове... Но что интересно — уже ночью, при подъезде к Новгородским и Псковским землям, начиналось удивительное прояснение сознания. Перечитываешь, бывало, свою памятную записочку к батюшке и видишь, что этот вопрос — праздный, его можно и не задавать, а тот — надуманный, ты еще не дорос, чтобы исполнить совет, а третий вопрос, оказывается, уже содержит в себе ответ. Оставалось главное: Господи, как мне исполнить Твою волю в той или иной ситуации, как не поступить самочинно, по страсти или малодушию?

И вот, приезжая уже таким, поработавшим над собой и просветленным, получаешь наконец из самих уст Божиих ответ, который бережно передается тебе этим небожителем на земле — светлоликим старичком-священником, которо-

---

[16] По изданию: Не прощай, а здравствуй. Воспоминания о старце Николае Гурьянове. Издание 2-е. М., 2004. С. 90–109.

му открыта ТАЙНА, тайна святых — как жить, чтобы Царствие Небесное было «внутри вас».

Познакомился я с ним в немного скорбный для меня момент. В 1991 году, будучи выпускником Московской семинарии, я был назначен в группу на Святую гору Афон для помощи в ремонте обители, однако вышло недоразумение, и я, имея билет и визу, не попал на поезд. Раздумывая, как мне лучше использовать освободившееся время, я решил поехать на остров Залит, где жил, как все говорили, необыкновенный батюшка. Раньше я всегда чувствовал неловкость в том, чтобы ехать к ТАКОМУ человеку из любопытства: особых вопросов и проблем у меня не было, все казалось просто. Я и в этот раз поехал попутчиком, чтобы помочь одному многодетному священнику тащить семейный скарб.

И вот, на второй день моего пребывания на острове, отец Леонид Г. повел меня к заветной избушке... Батюшка открыл нам дверь и впустил обоих к себе. Пока с ним беседовал мой провожатый, я молился и немного осматривался. Скоро батюшка стал нас помазывать святым масличком и петь духовные стихи. Мне преподнес стакан густого жирного молока: «Пей, Алексеюшка, заговляйся» (было 13 августа).

Я осмелел и задал ему самый заветный вопрос: спасусь ли я? Но батюшка не ответил. Нельзя ведь расслаблять нашу волю обещаниями, ибо мы, по мудрости Божией, страхом спасаемся. Он просто посадил меня подле себя на

стульчик и, глядя глаза в глаза, утешил: «Будет у тебя и Афон, и Иерусалим...» — и рассказал мне всю мою жизнь... У меня немного закружилась голова от того, что заглянул за порог времени (то есть в Вечность), но все-таки решился спросить еще об одной, беспокоившей меня вещи: «Батюшка, а почему у меня нет страха Божия?» Взгляд у старца вдруг стал острым (почему-то просится именно это слово), пронзительным — прямо в сердце заглянул. И неожиданно он ладошкой ударил меня по щеке, раз, другой — не сильно, но чувствительно.

А я уже так любил этого человека, что для меня его руки были как родные, и я жалел, что глуповат и не могу сразу понять, что эта пощечина значит.

Он еще секунд пять так же пронзительно и с улыбкой смотрел на меня молча, а потом и говорит: «Так ты и меня не боишься! Точно — не боится. Вишь, даже не закраснелся...»

С этой первой встречи я сразу вынес несомненное знание, что отец Николай — Божий человек на земле. Характерное чувство при общении с такими людьми — переживание необыкновенной близости с первых минут общения: что ты для него, что он для тебя — роднее родных.

На острове мы провели еще два или три дня. В храме меня поразила теплая и благоговейная обстановка. Особенно тронуло паникадило со свечами вместо лампочек. Свечи там стоили по сравнению с Москвой очень дешево, и запис-

ки на помин брали почти бесплатно, и просфоры так давали, если попросишь. Хотел дать пожертвование — не взяли.

Необычная манера была у батюшки проповедовать. Вот он выходит с крестом в конце Литургии. Сам худенький, облачение — мешком. Достает свою толстую затертую тетрадочку. «Вот послушайте, мои драгоценные...», — говорит немного дребезжащим старческим голосом, с такими ласковыми нажимами на ударениях. «Сегодня праздник Господний...» — читает он чью-то проповедь. Люди жадно слушают, многие с сумками и рюкзаками, издалека... Вслушиваюсь в слова: «Так мы с вами, мои любезные, самые счастливые, потому что Господь с нами, Царство Небесное здесь, на земле, и Ангелы Божии рядом»... Приглядываюсь (а мне удобно с клироса за ним приглядывать) — батюшкины глаза из-под очков глядят сквозь тетрадочку: он давно уже говорит от сердца, а на ресничках — слезы...

Я привык паломничать-трудничать, и здесь тоже хотел чем-нибудь потрудиться на пользу храма. Была уже середина августа, а в храме еще не заготовлено дров. Огромная неколотая куча лежала на лужайке перед церковным зданием. Мы стали колоть с пареньком Иваном по очереди, потому что топор в храме был один, а колуна не было. И вот этот Иван (он через год стал иеромонахом) спрашивает меня, уже зачисленного в Духовную академию, что означает евангельское «Блаженны

нищие духом». Я стал, как нас учили в семинарии, объяснять ему духовную нищету как ненадеяние на себя, а в это время к нам подошел сам батюшка. Подождал, пока я закончу свое богословское объяснение, и говорит: «Знаешь, Алексеюшка, нищий духом — это вот когда человек верует, а не крестится (в смысле, не принимает крещения). Или вот верует, а взял — и украл что-нибудь». До сих пор я думаю над смыслом этих слов... Я хотел было пойти попросить топор в соседних домах, но батюшка очень упрашивал меня этого не делать. Я все же осмелился спросить у одного и получил такой резкий отказ, что похолодело сердце: батюшка-то боялся, что это введет человека в грех.

А на следующий день было небольшое чудо. То ли Иван встал пораньше и все переколол, то ли еще кто помог, но лежала огромная, выше человеческого роста, гора поленьев! Их оставалось только срочно убрать, так как приближался сезон дождей.

После обеда мы стали их складывать в Никольском приделе. Работали батюшки — отец Николай и отец Леонид, мы с Иваном да четыре девочки, причем младшей, Верочке, и было-то всего лишь годика четыре. Через два-три часа все было готово. Я сам карабкался уже со штабеля на штабель, как по ступеням, закладывая дрова под самый пятиметровый потолок.

Посмотрев позже на результаты трудов, я вдруг осознал, что перетаскать такую гору нам троим, да детям и старичку явно было не под

силу. А усталости почти и не чувствовалось. Мы пели песнопения и ощущали чудесный прилив сил. Господь помог!..

Когда остров постепенно скрывался за водной гладью, мне и невдомек было, что здесь я обрел своего духовного отца и что удостоился необыкновенной радости: он не только принял меня в своем доме, но и почти час беседовал с нами. Все остальные десять лет я разговаривал с батюшкой у порога или по пути в храм. Только в 1999 году, да еще в последнюю встречу летом 2001 года отец Николай снова принимал меня, уже священника, у себя в кухоньке...

С 1993 года я стал ездить к батюшке почаще — раза два в году. В тот приезд отец Николай мне показался немного наивным: он все уговаривал меня ежедневно читать утренние и вечерние молитвы. А я был таким усердным студентом, что для меня странным казалось не то, что молитвы не прочесть, — я и Псалтирь читал неукоснительно. «Разве он не знает, что я и без всяких уговоров это делаю?» Но потом в Академии я оказался в кружке молодых людей, знатоков и приверженцев греческой традиции, которые, вышучивая наше российское благочестие, иронизировали: «Без вычитки этого правила вам никак не спастись». Так батюшка заранее меня укрепил, чтобы не поддаться. И еще: теперь, через десять лет, я настолько оказался обременен строительством храма, а также семейными трудностями и бытовыми неурядицами, что засыпаю иногда, не

раздеваясь. Но слова отца Николая звучат сегодня — как укор.

Батюшкин язык надо было еще уметь понять. Старец открывал людям такие глубокие вещи, да еще в нескольких словах, что их приходилось облекать в форму образов или символов, которые прояснялись постепенно, по прошествии времени, в поворотах судьбы наполняясь новыми духовными смыслами.

Некая послушница, приехавшая вместе со мной на остров, стала рассказывать батюшке о нестроениях в монастыре. Он ласково спросил: «А ты крестик-то носишь?» Она показала крестик, висевший на груди. «Вот и носи». (У нее через год открылось душевное расстройство).

А девушке Вале, интересовавшейся у него, можно ли ей заниматься конным спортом и танцами, отец Николай с лаской и улыбкой говорит: «А дай-ка я тебе красочки-то добавлю», — и берет седую прядь со своих волос и будто перекладывает ей. Она, знай, смеется. А ведь он ей намекал на горе до седины.

В предпоследний мой приезд он кормил меня сахаром: и много же клеветы мне пришлось испытать за последние два года от самых, казалось бы, близких людей!..

Каждое батюшкино слово и даже жест были глубоко значимыми, символичными. Ведь то, что открывалось ему в Духе Святом, нужно было передать человеку в краткие минуты духовной встречи. А чтобы потом получить ориентир своего пути, узнав, какова воля Божия, надо

было вспоминать мельчайшие подробности этой встречи, каждое слово, интонацию.

Однажды, например, привез я к батюшке женщину, у которой дочь-подросток была некрещеной. Он сказал: «Так ты крести ее поскорее». На другой день девочка должна была уезжать в лагерь, организованный протестантским молодежным движением. На обратном пути женщина и говорит, что дочь, мол, вернется, тогда сразу покрестим. Мы только не обратили внимания на одно батюшкино слово: «поскорее». А в лагере детям устроили инициацию (посвящение в христиане с сильным эмоциональным переживанием), и у девочки за месяц общения с протестантами так сильно изменился характер, что мы подозревали одержимость. Мать только через пять месяцев едва умолила дочь принять Святое Крещение, плача перед ней на коленях. А ведь батюшка, значит, предчувствовал близкое искушение и хотел, чтобы благодать купели предохранила душу девочки от вражьей силы.

Отец Николай так жалел людей, что даже не мог прямо говорить о предстоящих испытаниях и горестях. «Все будет хорошо», — приговаривал он чаще всего плачущим или унывающим от скорби посетителям. Батюшкино милосердие особенно поразило меня в следующем случае. Приблизительно в 1997 году я спросил батюшку про тестя, который был тогда еще не крещен. Стояла проблема, как его привести к Церкви. Батюшка нас с супругой утешил, что тесть обязательно покрестится. Я был в недоумении, каким

образом это может произойти, если у тестя нет ни малейших проблесков подобного желания. И тогда батюшка пояснил мне: «Ничего... ЗАБЕРЕШЬ — ПОКРЕСТИШЬ». Мы эти слова истолковали так: когда-нибудь тесть переедет к нам жить и тогда согласится на крещение. Но старец сказал только лишь «заберешь», не желая огорчить нас. Развязка наступила через два года. Мой родственник так тяжело заболел, что месяц не мог уже ничего есть. Только тогда он согласился на больницу, где обнаружилось, что у него рак желудка в последней степени. Узнав об этом, тесть согласился принять Святое Крещение, но только не в больнице, а дома. И я его действительно *забрал*, уже полумертвого, домой, где он принял Крещение от пожилого священника за полутора суток до смерти.

При всем величии своих дарований отец Николай не терпел ни малейшего намека на них. Как-то году в 1994 у меня был такой случай: находясь в Лавре, я в какой-то ситуации поступил неправильно и сильно переживал, мучался совестью. И вот мне снится батюшка. Я бросаюсь к нему со слезами и прошу поисповедовать меня. Каялся в своем грехе с плачем. А когда проснулся, в глазах действительно стояли слезы и на душе было так легко, как после первых исповедей в юности. Я решил, что ко мне приходил сам батюшка и уж он, наверное, об этом знает. Через несколько месяцев я снова был на острове и дерзнул, беседуя со старцем на скамеечке в его саду, вскользь упомянуть о том, что он ко мне

приходил в общежитие и я ему за это очень благодарен. «Что-что?» — будто не расслышал батюшка. В ту же секунду его взгляд стал настолько отчужденным, что я почувствовал его безразличие ко мне и перепугался, что он уйдет от меня. Я сразу перешел к другим вопросам, и батюшка, простив меня, ответил на них.

К батюшке ездило столько людей со всех концов Руси и из-за границы, что у некоторых моих знакомых возникало сомнение, а помнит ли их батюшка? С теми, у кого эти сомнения были особенно сильны, батюшка делал вид, что совсем их не узнает, мог даже долго не выходить и спрашивать: «А вы кто?», но потом обязательно утешал. Конечно, эти сомнения были смешны, он помнил нас всех в Духе Святом. Разве может нас забыть Господь? Меня он ласково называл всегда Алексеюшкой. Бывало, сам называл, хотя я иногда забывал напомнить, как меня зовут. Так как я по окончании семинарии восемь лет не принимал священного сана, увлеченный научной и педагогической работой, батюшка каждый раз спрашивал при встрече: «Вы священник?» — напоминал волю Божию обо мне.

Работу мою с детьми он воспринимал очень серьезно (кстати, и сам ходил проводить беседы в свою сельскую школу на острове). Помню, как-то мне предложили новое место работы: организовать воскресную школу на окраине Москвы, а я и так уже преподавал в трех местах. Я спрашивал у батюшки благословения что-нибудь оставить (очень было трудно), но он такого благо-

словения не дал. Справился ли я с новым делом по его молитвам и милости Божией, пусть судят люди, продолжающие вести занятия в этой школе.

Самим своим поведением отец Николай открывал законы духовного мира. Возле его калиточки собирались не только люди, но жались к добру, к теплу и собачки, лошади, куры. Голуби клевали прямо с рук, потому что знали: их никто не обидит. И посреди них по саду спокойно расхаживал батюшкин котик.

По простоте, любвеобилию и отзывчивости старца можно было догадываться о том, насколько велика Божия любовь к нам. Своим поведением батюшка давал уроки добродетели.

Проникновение прозорливого старца в наши души открывало нам и величие Премудрости Божией. И, пожалуй, в общении с батюшкой открывалась самая сложная тайна — ВОЛЯ БОЖИЯ. Ведь главное в жизни христианина — научиться узнавать эту волю и жить в согласии с ней. Это и есть богоугодная жизнь. Святые оттого и становились угодниками Божиими, что постигали для себя эту тайну.

Благодаря батюшке людям открывалось, что воля Божия не безусловна, не есть некий рок. Она меняется в зависимости и от нашего поведения, и от поступков других людей.

Один игумен звал меня к себе в Ивановскую епархию создавать православную школу-пансион. Я был на острове поздней весной и получил общее благословение на это дело. И вот через

два-три месяца, когда мне уже присмотрели дом и надо было его покупать и перевозить вещи, я снова поехал к батюшке. Но отец Николай очень удивился тому, что я собираюсь переезжать и уверенно говорил, что никакого такого благословения он мне не давал. «Так что же мне теперь делать?» — спрашиваю. «Оставаться в Москве, — и добавил: — Из Москвы ни шагу». А на прощанье раза два добавил: «Только пусть у тебя все будет духовно».

И действительно, обстановка со школой переменилась, все планы игумена относительно этой школы оказались неосуществимы. Больше того: старец не зря добавил последнюю фразу, которой я не придал особого значения, а понял в смысле того конкретного разговора. Через две недели я устроился работать в школу в ближнем Подмосковье, мне туда предложили переезжать, и я согласился. Но с директором мы не сошлись, и буквально через две недели начались такие искушения, что пришлось переезжать обратно. Как вспоминались потом слова батюшки «из Москвы ни шагу»! Только его пожелание «быть всему духовным» остановило меня от судебного разбирательства с директором.

Именно благодаря батюшке, через общение с ним, чадам открывалось, ЧТО есть воля Божия. Не случайно Сын Божий, воплотившись, предал Себя во власть и, значит, волю человеков. Бог так любит нас, что готов идти за нами везде, кроме греха.

Так и батюшку было легко уговорить. Некоторые даже перебивали его, и он сразу замолкал.

Потому-то отец Николай и казался для некоторых слабовольным, потому-то он и мог «благословить» человека на то, что тот выпрашивал. И потому-то многие, побывав у старца, не переживали никаких изменений в своей жизни: ибо испрашивали у него благословения на СВОЙ путь, который ИМ хотелось проходить. Такое «благословение» батюшкино означало Божие попущение: можно идти и этим путем тоже, и спастись. Но одно дело — человеческое, другое — Божие. Совсем не то — прямая воля Божия: она — не попущение, а благословение.

Чтобы стяжать истинное благословение, от человека требуется самоотречение, хотя бы начальное, и требуется умение УСЛЫШАТЬ сердцем и ВЫПОЛНИТЬ, невзирая ни на что. Излагаешь старцу ситуацию — так-то, мол, и так-то. Как, батюшка, в этих обстоятельствах поступить по воле Божией?

Одной девушке, например, отец Николай благословил принять предложение руки от мусульманина, который был согласен креститься. «Пусть выходит за него, — сказал он, — спасет ведь еще одну душу». Духовник и друзья этой девушки были крайне возмущены, когда она привезла такое благословение. И как же ей страшно было выполнять благословение старца вопреки мнению своей церковной общины!

Одно ясно: если спрашиваешь с чистым сердцем, без своих пристрастий, то всегда получишь ответ от Самого Господа, воля Которого открывалась нашему наставнику благодаря

кротости и смирению его любящего сердца. После этого остается лишь довериться — и, по Писанию, «...Он будет пасти тебя на злачных пажитях, и ты ни в чем не будешь нуждаться».

Можно было бы еще много говорить о дорогом сердцу батюшке. Тем более что в общении с ним открывались вечность и бесконечность.

Не все из обещанного им исполнилось. Не все из его поучений и наставлений до конца понято. Но теперь можно представить, как мы будем ТАМ общаться с Самим Богом: Он, Творец всей Вселенной, будет с нами так же прост и доступен, как Его верный ученик Николай. И, наверное, еще более глубоко и значимо будет каждое слово, обращенное к нам Творцом при встрече с Ним лицом к Лицу. И будут покой, и мир, и неизреченная радость на сердце, как после общения с дорогим наставником.

Только вот наш батюшка носил драгоценное сокровище Духа в немощном сосуде — во плоти. Когда мы с ним познакомились, ему было 82 года. Каждый раз, уезжая, я с трепетом думал — увижу ли еще?

Когда в памятном 1991 году я увидел в Никольском приделе гроб — ладный, из гладких, прочно пригнанных друг к другу досок, то спросил батюшку: «Что это?» Он, погладив доски, ласково произнес: «Гро-об мой, ждет меня». Да и сам батюшка ждал смерти. И по слову апостола: «Хочу разрешиться и со Христом быть», и, наверное, по одиночеству своему на земле. Ведь, если

подумать, все его друзья, родные давно уже были там; мы для него — внучата и правнучата.

Как нам не хотелось расставаться с батюшкой! Но минута прощания приближалась. Так устроено Богом — надо всем когда-то вставать на свои ноги.

Глубже всего, конечно, запечатлевается на сердце последняя встреча здесь. К дорогому батюшке я не мог попасть с осени 1999 до лета 2001 года. Очень тосковало сердце: ведь столько изменилось в моей жизни по его слову. А как дальше быть по воле Божией? Не из любопытства, а чтобы самочиния не натворить? Наконец, привез ему годовалую дочку, плод его молитв (батюшка нас и «повенчал» с матушкой, и родить ей благословил вопреки всем врачам, и доченьку вымолил: еще бы несколько секунд, и она могла бы задохнуться при рождении). Ради Настеньки меня пустили к батюшке. Старец благословил принести ребенка на помазание и разрешил войти в дом одному из родителей. Жена шепнула: «Иди!»

И вот я у самого дорогого человека. Снова, как в первую встречу, сижу подле ног. Только батюшка... был уже другим. Он умалился, как когда-то Господь. Он был совсем как ребеночек. Поцеловал мне руку: ты, мол, священник, а я — уже никто. Когда отдавал ему в подарок скромные святыньки, батюшка по-детски спрашивал: «А это что? Крестик?» И умиленно плакал. Я ему привез ваточку, обмакнутую в миро с иконы Царя-мученика. Он раза три переспраши-

вал, что это за ваточка. Попросил его поставить крестик на книге с его стихами. «Вот здесь? Здесь?» — спрашивал, пока я не показал пальцем. В послушание мне батюшка минут пять старался своей немощной рукой начертить этот крестик, рука дрожала. Про каждую перекладинку он спрашивал: «Вот так?»...

Я тоже стал плакать. Всего того душевного, что я знал и чего ждал, уже не было. Не было НАВСЕГДА. Явно почувствовалось, что человеческое в батюшке уже уходит. Внешне об этом говорила противоестественная бледность лица — ни кровиночки! Его плоть держалась только Духом — ради нас, по его любви и милости Божией.

И только на вопросы все старец ответил. Отвечал, закрывая глаза и молясь, — и только в эти секунды я узнавал «своего батюшку». Даже тон его становился твердым и властным.

«Начинать ли новый этап стройки храма в конце лета?» — «Стройте до самых морозов». — «Кого мне найти в прорабы?» — «Руководи стройкой сам»... (Так все и вышло: крышу над трапезной частью закончили в начале декабря, теперь там и служим. Когда доверял в стройке кому-то другому — получались искушения, вплоть до того, что чуть храм не сожгли.) Наконец, великая радость для людей — вышел батюшка помазывать. Супруга успела насчет нашей надежды на сыночка спросить и получила ответ: «Будет такой послушный».

Догадывался я, что могу больше не увидеть старца. Немного жалел, что задал только ситуатив-

ные вопросы, а не вперед на жизнь. Но разве на всю жизнь спросишь? Надо самому учиться постигать волю Божию.

Можно было бы много написать о батюшкиных чудесах, предсказаниях, точном знании душ — но не чувствую батюшкиного на это благословения. Может, кто-то и задастся такой целью. Но все такое батюшка ведь делал не специально: это дано было ради исцеления наших душ, ради нашего наставления на путь Божий. Вспомним: *«Если и горы переставлять могу, а любви не имею, то я ничто»*. Пример отца Николая — это горение все превозмогающей любви.

И вот теперь батюшки нет. О его кончине я узнал почти сразу, как только пришел со всенощной в ту памятную субботу. Но побывать на отпевании Господь все равно не привел.

Я даже не мог предположить, что такого светильника будут хоронить, как Господа. Даже двух дней не прошло с его кончины до того утра в понедельник, когда земля навек сокрыла от нас земной лик возлюбленного нами учителя и наставника. Теперь очередь за мной, встретимся уже там...

Чудо на земле — человек. С плотью, такой для нас ощутимой, стабильной, однако бренной плотью — соединен неуловимый, но вечный дух. Невидимое, личность, становится доступным и познаваемым в видимом. И когда пишу эти строки, я внутренне всматриваюсь в сохранившийся драгоценный образ батюшки, нахожусь в общении с его освятованной личностью. Память дает

подпорки сердечному чувству, а его образ, духовный лик остается неизменным источником благодатного вдохновения. Благодать узнается по ее действию, по плодам.

Отец Николай влил в меня силу искать Бога, укрепил веру, дал воочию увидеть, «яко благ Господь». Воистину, в Боге живы те, кто возлюбили Его всем сердцем и устроили в себе обитель Святой Троицы. Воистину, через смерть возводит нас Господь от земли на Небо: забрал у нас батюшку и отучает нас цепляться за земное. Мы обречены... на Вечность, на духовное.

Смотрит на меня батюшка, дорогой, любимый, оставивший меня барахтаться в этом мире, — смотрит своим кротким взором, из-под самого сердца смотрит и будто спрашивает: «А ты-то когда станешь таким, как я?» Каждый, кто увидел на батюшкином лице сияние Духа Святого, призван в свою меру и со своими душевными особенностями стать подобным ему и подобным Богу. Своей жизнью, своим обликом, как небесной кистью, написал нам старец образ любящего Христа.

ИДИ В МИР, ПЛАТОНУШКА

Игумен Николай (Парамонов)

настоятель Свято-Троицкой Приморской Сергиевой Пустыни

Первый храм, в который я попал служить, в народе был прозван «храм с бутылочкой», по той причине, что там до

революции размещалось Всероссийское общество трезвенников во главе с отцом Александром Рождественским. Общества трезвенников в храме не было, зато в него очень часто приходили греться с вокзала пьяные «бомжи», просившие хлеба и денег. Народ этот был иногда по-своему оригинален. Так, один из пьяниц часто подходил к распятию Иисуса Христа, падал на колени и с отчаянием в голосе просил: «Начальник! Хозяин! Прости!»

Храм был оригинален не только «бомжами», но и руководством. Там имелось сразу два настоятеля, и оба — с указами митрополита Иоанна. Третьего не было, так как, по слухам, его «съел» староста с сотоварищами.

Историю «съедения» очевидцы рассказывали в картинках. Староста Брюлев и его помощники были абсолютно нецерковными людьми, перепутавшими псевдопатриотические идеи с церковными. Поражала манерная «набожность» этого старосты. Креститься он почему-то начинал с темечка, закатывая при этом глаза под потолок.

Первый настоятель, бывший одновременно преподавателем семинарии, отец Стефан Дымша, тщетно пытался донести до старосты мысль, что настоятель является главным руководителем храма.

Видя, что никакие уговоры на него не действуют, он пошел, как говорится, ва-банк.

За воскресной Литургией, когда народу в храме было очень много, отец Стефан предста-

вил Брюлева народу, но добавил при этом свое оригинальное истолкование: «Этот человек на ваши скудные лепты купил себе а-вто-мобиль!»

Толпа возмущенных стащила с солеи старосту, пронесла по храму и выбросила с высокого крыльца вон. Кто-то из его команды вызвал милицию. Отец Стефан в момент прибытия милиционера совершал обычное заочное отпевание. Милиционер сокрушенно подождал конца отпевания и спросил отца Стефана:

— Что? Уже скончался?

— Да, — ответил отец Стефан. — Вечная ему память, — и ушел в алтарь, куда милиционера не пустили.

Брюлев в то время, когда отец Стефан мирно отдыхал в пономарке, собрал толпу оголтелых «патриотов» и «шведской свиньей» ринулся в алтарь с криками:

— Где этот ватиканский выкормыш?

Бедный отец Стефан в отчаянии только кричал из алтаря:

— Караул! Убивают!

Из тех двух «одновременных» настоятелей, после отца Стефана, один все время призывал говорить проповеди против беззаконий в храме, но это только раззадоривало старосту, считавшего храм собственностью «общины», но не епархии.

Имея теплые отношения с местным РУВД, Брюлев навесил на храм замок и выставил охрану из милиции. Когда я приехал

служить вечером, они с каким-то «священником» набросились на меня: «Маран афа! Будь проклят. Маран афа!» — кричал «священник-заклинатель». Ничего не оставалось делать, как ехать в епархию, где еще продолжался прием посетителей.

Епархиальное руководство, во главе с митрополитом Иоанном, на нескольких машинах подъехало к храму, где «скакал» староста с «патриотами».

— Ты владыка или кто?! — кричали «патриоты» на архиерея. Местное РУВД, куда приехало все руководство Епархиального управления, долго не могло разобраться, кто главный по должности: митрополит или староста? Не добившись никакого результата, руководство вынуждено было уехать в епархию.

Ночью настоятель спилил замок, и утром мне пришлось служить Литургию с охраной из 12 семинаристов.

Сразу после прекращения атаки старосты настоятель как-то в алтаре спросил:

— А ты вообще-то у нас кто?

Не поняв глубокого смысла вопроса, я ответил, что знал по этому поводу:

— Вы с митрополитом записали меня сюда. Я не проявлял своей инициативы.

Неожиданно он сменил тему разговора:

— Тебе надо будет съездить со мною к старцу Николаю, на остров Залит, отвезти от владыки продукты, — приказным тоном скомандовал настоятель.

По пути к острову заехали в Печеры Псковские и встретились сразу с отцом Иоанном Крестьянкиным в дверях братского корпуса.

— Голубчики! За мной, на службу! — обнял обоих батюшка. — Завтра обязательно приму, а сегодня к отцу Адриану сходите.

Увидев утром настоятеля с видеокамерой, отец Иоанн развеселился.

— Танечка! Что это у них такое?! Ах, это камера? Я уже был в одной камере. Немедля конфисковать камеру. А что, вы уже что-то сняли? Отца Адриана! А где он здесь? Вот в этот маленький глазок? Ага! Он. Что разбойник творит? Мыслимое ли дело — архиерея учить!? Опять разбойник заболеет. Ай-я-яй, опять заболеет!

Обернувшись в мою сторону, батюшка неожиданно спросил:

— А почему ты не в клобуке? Ты же иеромонах?

— Нету своего, давали на постриг в академии, — ответил я.

— Танечка! Это негоже, это мы немедленно исправим. Неси сюда мой клобук скорее, а камеру в другую комнату конфискуй. А то я их знаю, разбойников. Давай и зеркало сюда, Танечка. Как хорошо, как хорошо! Ему идет. Гляди сюда в это зеркало. Я подержу, Танечка, зеркало сам. Вот и носи во здравие души, — приговаривал отец Иоанн.

— По молитвам владыки доедете, хоть и дорога трудная, — напутствовал батюшка.

По озеру на лодке нас вез огромного телосложения чуть захмелевший местный рыбак.

— Рази от водки избавишься? Знамо дело, как охота! Тут одних лечиться к батюшке нашему вот так же вез. Раз хошь, то хоть кто не вылечит, даже и наш батюшка Николай не поможет.

К маленькому зеленому домику подошли уже совсем затемно. Постучались. Дверь открыл старый батюшка с бледным лицом и реденькой белой бородой.

— Нету, нету. Ничего мне не надо. Продуктов и так не знаю кому раздать. От владыки? Ну, проходите хоть в избу. Священники, говорите? — тихим голосом спрашивал батюшка.

Выслушав все высказывания настоятеля, отец Николай попросил двух стоявших в избе бабушек взять обоих на ночлег.

Лежа на кровати, в теплой избе, в темноте, отец настоятель давал наставление:

— Отец Иоанн — это что! Вот отец Николай — прозорливец. Хотя батюшка Иоанн тоже по-своему старец. Ну, давай, спи, завтра сам убедишься. Я к нему уже не раз приезжал.

Рано утром отец Николай нас встретил со словами:

— С утра приходили ваши хозяйки, все мне говорят да толкуют. Ангели, говорят, вы, не люди. Да где они ангелев-то видели? Ангелев-то они и не видали. Ну проходите ближе. Да. Значит, священники. А вот каноны-то на каждый день читаете всегда? Да, говорите, не всегда. А когда?

Плохо. Вот где грешники-то живут, — показал отец Николай на репродукции Страшного Суда места грешных в аду и добавил сокрушенно, — жарко там будет им.

Отец Николай замолчал и стал, не мигая, смотреть прямо мне в глаза, двигая постоянно губами. В его синих, бездонных, «космических» глазах невозможно было ничего прочитать и предугадать.

Вдруг он нагнулся под стол, достал оттуда трехлитровую банку, полную меда, взял в руку большущую стальную ложку.

— Откройте рот, — скомандовал он мне и стал заталкивать огромную порцию меда в рот.

Эта процедура продолжалась три раза. Не успев проглотить все, услышал следующее:

— А у нас чаек есть, запейте. Ага. Теперь в туалетик пойдемте, он почти в избе, в сенях он у нас.

Оказавшись в туалете, я вдруг сообразил: надо что-то спросить о себе, но что? Господи, вразуми! Ага, вот и мысль пришла.

— Батюшка! А я на своем месте? Может, к матери домой ехать, служить на родине? — задал первый свой вопрос.

Тихий до того батюшка резко повернулся и, махнув рукой куда-то сверху вниз, с силой произнес:

— Вы! На своем месте!

И из души ушел куда-то камень.

— Надо же, дышал в треть груди, а теперь так легко, — подумал я.

— Идите с Богом! Давайте Вас благословлю. Иди в мир, Платонушка! — хлопнул меня по спине старческой рукой два раза отец Николай, и мы вышли из его избы.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ НАШ ОТЕЦ

Е. А. Руткаускайте

прихожанка первого места пастырского служения старца Николая

Жизнь каждого человека не прожитыми годами измеряется, а добрыми делами на земле прославляется и в памяти людской на долгие годы запоминается. Эти слова характерны для отца Николая Гурьянова — нашего батюшки, который в 1943–1954 годах проживал в Литве, в одном отдаленном уголке, среди незнакомого населения, далеко от своих родных и близких, далеко от родного дома.

Невольно возникает вопрос: какое это место? Где оно? Еще до появления русского населения эта деревня называлась Гегоброст. Она находится в Пасвальском районе Пумпенской волости Паневежского уезда. На западе течет река Лево.

Наше село пережило разные трудности: кому-то пришлось в крепостное время свою трудную жизнь слезами оплакивать, на барина за кусок хлеба тяжело трудиться, а когда народ

восстал — Царь жесткие меры применил и наших дедушек в Литву из России пригнал. И вот они здесь остались. В 1897 году церковь построили, а около нее появилась приходская начальная школа. Детей учили на русском языке. И деревню назвали село Никольское. Так оно называлось до 1918 года — до литовской независимости. В 1954 году здесь было 54 усадьбы и проживало 305 человек. Литовцы вернули старое название — Гегоброст.

Шли годы, менялись времена — одни умирали, другие на войне погибали, кое-кого злая рука умертвила, и в 1959 году осталось 173 человека. Много, ой много трудностей пережили наши предки, но вера в Бога не покидала их. Каждую работу начинали с молитвой и, закончив ее, благодарили Спасителя и Его Матерь Марию. В праздничные дни не работали, дома молились, так как священник приезжал из Паневежиса. И вот однажды Иван Иванович Кравцевич узнал, что в Гегоброст приедет молодой батюшка. Верующие очень обрадовались и с нетерпением его ожидали, советовались — кто мог бы его приютить. Место было быстро найдено. И старый, и малый — все готовились к первой встрече, к общей молитве в церкви Святителя Николая. Бежали дни, недели. Шел 1943 год — трудное, страшное военное время. Весна в сельскую жизнь принесла свои заботы, свою радость. Пахарь посеял зерно, женщины в огороде копались, дети в школу ходили, а старики за домашним скотом ухаживали.

вода в реке, а у церкви святителя Николая, скрестив руки на груди, усердно молится первый раз на новой земле отец Николай Гурьянов. Пришел он тихо — никем не встречен, никто тотчас его не заметил. Приближался тихий майский вечер. Мимо деревенского храма бежали две девочки: Валентина Аверкина и ее подруга. Услыхав молитву незнакомого человека, обе остановились и из-за кустов внимательно осмотрели его. После горячей молитвы он сел на деревянные ступеньки возле церкви. Рядом с ним лежал небольшой дорожный мешочек — все его богатство. Девочки быстро побежали домой, рассказали все своим родителям. Добрая весть мигом облетела всю деревню. Собрались женщины, низко поклонились своему будущему пастырю и повели к Георгию Васильевичу Крашенко. Хозяева этого дома радушно приняли отца Николая. Хозяйка показала небольшую деревенскую комнатку, накормила дорогого гостя. Трудно вспомнить первые ласковые слова, описать радость молодого, всякие трудности пережившего священника, но одно предложение осталось в памяти верующего человека: «Теперь буду жить, как в своем родном доме. Пелагея Петровна мне напоминает мою любимую, далеко живущую мать...» Он не ошибся. Действительно, Пелагея Петровна любила его, как своего сына. Тот майский вечер 1943 года надолго запомнился простому деревенскому глубоко верующему человеку. Несмотря на усталость, отец Николай вышел на двор, где толпились мужчины и женщины, обсуждая житей-

уголок и батюшка. Поблагодарил Господа Бога за успешно прошедший день, решил отдохнуть, но в голове — новая мысль: как усерднее помолиться святителю Николаю — его покровителю, какую проповедь сказать своим духовным чадам; и многие, многие вопросы переплетались в его голове. Первые трудности помогла решить боголюбивая, все церковные обычаи знавшая Пелагея Петровна. Она рассказала о церковном хоре, о деятельности церковного комитета — так называемой «десятки». Отец Николай узнал и о некоторых здесь сложившихся праздничных традициях и немедленно захотел встретиться с активом нашей общины. Первая встреча состоялась в усадьбе Ивана Ивановича Кравцевича. Эта семья пользовалась большим уважением не только среди деревенских людей, здесь не раз останавливались гости из других православных храмов Литвы. Иван Иванович долгие годы руководил церковным хором, всегда его голос звучал при чтении апостольских Посланий. Жена София, дочери — Елена и София активно участвовали в каждой церковной службе и своими хорошими голосами славили Господа Бога, Деву Марию и всех святых. Много интересного в тот день узнал отец Николай. С тех пор часто советовались не только о церковных делах, не раз пришлось отцу Николаю молиться за ушедшего на фронт молодого сына...

Первая Литургия прошла очень торжественно. В церкви было многолюдно. Каждая семья переживала не только за родных и близких, но и за тех, кого война оставила без своего дома,

Гегоброст. Май 2005 года

Тяжелый крестьянский труд облегчала красивая природа. В окрестностях деревни — несколько небольших лесов. Там растут разные деревья, и весной они своей нежной зеленой листвой и свежим ароматом радуют каждое сердце. Особенно приятно стоять у берега реки Лево. Здесь цветет пышная, в белом платье, как невеста, — черемуха, и днем и ночью свою прекрасную песню поет соловей, бежит, спешит весенняя

тово, Троица и других. Когда приближались великие церковные праздники, отец Николай большое внимание уделял соблюдению поста. Он объяснял, что пост — духовная школа для каждого человека. Это хороший духовный чернозем, на котором вырастает большая духовная нива. Его слова строго применялись в жизни. Сам он соблюдал все посты, а глядя на него, постились и все верующие. В их сердцах тогда загорелась еще большая любовь к Богу — Спасителю мира. Батюшка тогда часто собирал людей в храм для общей молитвы. Накануне каждого праздника совершалась всенощная.

Из всех зимних праздников хочется выделить Крещение Господне. Еще до вечерней службы перед этим праздником мужчины торопились на реку, покрытую снегом и толстым слоем льда, вырубали крест, украшали его зелеными веточками ели, забрасывали наверх толстую одежду, чтобы прорубь не замерзла. По окончании Литургии в храме вместе с отцом Николаем все молящиеся с хоругвями в руках и иконами направлялись к реке. Шли медленно. Общим пением праздничных тропарей славили Бога. Усердно молились, стоя вокруг вырубленного креста. Далеко был слышен голос отца Николая. Ему вторил церковный хор, пел весь народ. И когда звучали слова: «И Дух в виде голубине...» — молодые парни выпускали из-за пазухи трех голубей. Птицы, расправив крылья, поднимались в воздух. После освящения воды все верующие брали ее, старались принести до-

Храм, Гегоброст. 1998 год

ские дела, как вдруг неожиданно среди них встал их будущий пастырь и своим добрым взглядом как светлый луч солнца согрел каждое крестьянское сердце. Говорил он тогда недолго. Конечно, этих слов точно никто не может передать, но призыв и первые напоминания были таковы: «Хотел бы, чтобы каждый из вас жил, соблюдая заповеди Господни, делал добро несчастному, в беде и в горе живущему...» Все вместе прочитали вечернюю молитву. Сердечно поблагодарив свою будущую паству, отец Николай прибавил: «Идите и делайте добро. Всякая любовь покрывает множество грехов».

Тихо разошлись люди по домам и с нетерпением ожидали первой общей молитвы в храме святителя Николая. С радостью пришел в свой

мой и бережно сохраняли. Эту воду пили, ею окропляли скот, когда его впервые выгоняли на луг. Отец Николай старался как можно скорее побывать в каждой избе, святой водой окропить все жилища. Не раз ему приходилось брести по зимним снежным сугробам, бороться с ледяной вьюгой. Он шел не только по своей деревне, но также старался побывать везде, где жили православные христиане. Ходил он по отдаленным уголкам литовской земли, думая, как помочь несчастному больному, как развести скорбь на сердце у матери в разлуке с детьми. Каждого согрел в трудные часы добрым словом, умным советом: главное — надеяться на помощь Господа нашего Иисуса Христа, ходить в церковь, причащаться, делать добрые дела.

Как встречали Воскресение Христово — Пасху? Это самый большой праздник. Отец Николай интересно рассказывал о значении Великого поста, усердно молился. Особенно запомнилась Страстная седмица. Каждый день верующие ходили в храм. Перед ним и проходит вся жизнь Христова, все чудеса, сотворенные Им на земле и все Его учение. В Великий четверг батюшка рассказывал о Тайной Вечере, на которой Господь установил таинство Святого Причащения и первый раз причастил своих учеников, и отец Николай старался как можно больше верующих в этот день причастить.

В четверг вечером все спешили в церковь на «страсти». Это длинная-длинная служба. И батюшка, и все молящиеся стояли с зажженными

Храм в деревне Гегоброст, 1952 год

С паствой, 1952 год

без своей родной земли. Люди усердно молились, надеялись на Божью помощь и старались выполнять то, о чем говорил отец Николай. Его проповедь, сказанная впервые в нашем храме, была обдуманна, каждому верующему понятна. Это был дар Божий ему.

Бежали годы, менялись праздники, приходили в церковь новые люди, но наш батюшка не останавливался на достигнутом. К каждой проповеди усердно готовился, много читал и каждую мысль глубоко обдумывал. Его проповеди можно было без конца слушать и казалось, что сказанное глубоко проникало в душу и у старого, и у молодого. Слушаешь, бывало, его, и кажется, что именно эти слова обращены к тебе лично.

В памяти верующих остались некоторые воспоминания и о праздниках, таких как Рождество Христово, Крещение, Воскресение Хрис-

свечами в руках, а при чтении Евангелия 12 раз падали на колени и в сердце переживали страдания Христа. После службы свечи не тушили — это святой огонь, и каждый старался его принести в свой дом. От него зажигали лампады, выжигали на потолке крест, чтобы летом гром не ударил в жилище. Хранили огонек как можно дольше, не гасили его.

Приближалось Воскресение Христово. Отец Николай, несмотря на свою занятость в церкви, хотел, чтобы этот весенний праздник разбудил людские сердца, наполнил их радостью, верой в лучшее будущее. Созывал он тогда деревенскую молодежь, советовался с ними, как украсить храм. Мужчины делали цветные фонарики, девушки ходили в лес, собирали зелень, плели длинные венки, прикрепляли их к потолку. С помощью цветной бумаги делали цветы, украшали иконы.

Запомнилась пасхальная ночь, замечательная пасхальная заутреня. Все молящиеся держали в руках горящие свечи и ждали, когда священник в светлой ризе и крестный ход с иконой и хоругвями выйдут из церкви и трижды обойдут вокруг нее. Цветные фонарики, горящие свечи в руках, тихая пасхальная ночь— все это заставляет каждого человека еще раз вспомнить страдания и погребение Христа. Шли медленно, долго, и казалось, что увидим запечатанный гроб Спасителя. Вдруг народ останавливается. Священник громко произносит: «Христос воскресе из мертвых...» Ему вторит хор, поет весь народ, пою вместе и я... Отец Николай усердно готовился к

каждому празднику, к совершаемой службе. Однако к отцу Николаю больше всего притягивала Божия любовь, которая изливалась из его сердца на каждого приходившего к нему в храм.

Чем дальше уходят годы, тем ярче оживают воспоминания о событиях 1947 года. Я весной успешно окончила женскую гимназию в городе Паневежис и мечтала о дальнейшей учебе. Трудное послевоенное время, родители жили бедно, иногда в доме не было даже хлеба. Мой отец ценил учение и часто повторял: «Учение — свет, неучение — тьма». Он хотел, чтобы я училась. Приближалась Троица, и я с отцом собиралась поехать в церковь. Дорога далекая, лошадка усталая нехотя тянула воз, но все же не опоздали. Всю Литургию внимательно прослушала, причастилась. Стало легче и радостнее. В церкви в тот день было необычно. Все иконы украшены цветами, везде стояли зеленые березки, на полу лежал пахучий аир (такая душистая трава растет в нашей реке).

После усердной молитвы люди спешили домой, но батюшка не торопился. Подошел к моему отцу, долго с ним беседовал и, узнав о моей мечте, подозвал к себе, благословил, подарил нательный крестик и велел не расставаться с ним. Велел по мере возможности каждый день читать молитву Господню «Отче наш», песнь Богородице «Богородице, Дево, радуйся» и Символ веры. В течение дня велел читать молитву Иисусову. Впереди лежал трудный жизненный путь, но советы отца Николая помогли мне преодолеть

все беды. Добрые слова, любовь и забота до сих пор радуют меня. Он не только мне дал хорошие советы. Кто-то уходил на фронт — перекрестил, иконку в дорогу подарил; кому-то жизнь семейную наладил, девице мужа подарил... Новую семью создал.

Отец Николай большое значение придавал молитве. Не раз он напоминал нам: «Молитва должна быть искренняя, как обращение сына к отцу. Ведь Бог — Отец каждого из нас»...

Как и во всех странах, в Литве почитают Деву Марию как Матерь Спасителя нашего Иисуса Христа и молятся Ей как Охранительнице и Спасительнице от бед. И наша церковь отмечает праздник иконы Тихвинской Богородицы. До приезда отца Николая этой иконы в нашей деревне не было. Однажды батюшка рассказал ее историю. Мы узнали, что икона хранилась в Рижском женском монастыре, где он служил и пользовался большим авторитетом, и молился сердечной молитвой. Когда отец Николай переехал в Литву, сначала в Вильнюс, а потом был послан в Гегоброст, рижские инокини решили эту икону ему подарить. Как и кто в наш храм ее привез — не удалось узнать. По рассказу Анны Карповны Исаевой, эту икону отец Николай куда-то возил. Кто-то ее реставрировал, так как она была вынесена из горящей церкви и согнулась от огня. Икона Божией Матери стояла на левой стороне от Царских врат. Местные люди обрадовались и не знали, как выразить благодарность инокиням. Решили послать небольшую посылку. Две женщины — София Кравцевич и Валентина

Владимировна Ермошенко — собрали продукты и передали в Ригу.

Бегут годы, меняются священнослужители, но праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери, благодаря отцу Николаю, каждый год 9 июля собирает в храм не только нашу небольшую общину, но и приезжающих паломников из других городов, чтобы помолиться этой чудесной иконе.

Поучительные проповеди, сердечная, усердная молитва и понятное разъяснение Священного Писания каждый раз все больше и больше привлекали людей в наш храм. Никто и не подумал, что здесь случится несчастье. Совершалось таинство венчания. В церкви было многолюдно. Все хотели посмотреть на красавицу невесту и ее жениха, пожелать будущим супругам добра и любви. От тяжести старый пол не выдержал — проломился. Сильно переживал тогда батюшка. И днем, и ночью спрашивал себя: «Кто поможет?» А время тогда было трудное. Люди каждый день работали в колхозе, а вечером — в своем хозяйстве. Кроме того, молодые парни уезжали на учебу, а после учебы не возвращались в родную деревню — работали в городах. Часть мужчин погибла на фронте. В селе остались пожилые люди, женщины, подростки. На помощь пришел церковный комитет. Решили обратиться к председателю колхоза с просьбой о получении строительного материала.

Колхозный совет просьбу удовлетворил — и нужные бревна, и доски лежали около церкви.

Несмотря на усталость, мужчины прибежали, убрали остатки поломанного пола, но все волновались, как закончить работу. Особенно переживал батюшка — он так любил свой храм! В те дни можно было видеть его озабоченного, грустного. Целыми часами стоял он возле церкви, скрестив руки на груди. Может, молитву читал, за помощью к святителю Николаю обращался — трудно сказать, но в один жаркий летний день из другой деревни шли советские солдаты на реку купаться. Увидев группу молодых парней, отец Николай побежал навстречу, ласковыми словами остановил их со слезами на глазах, и, как отец сыновей, попросил их помочь ему в беде. Это было для молодых солдат большой неожиданностью. Они тут же остановились, замерли, как в строю. Тишину нарушил их командир: «Давайте поможем человеку в беде». Работа началась. Одни тяжелые бревна тащили и в указанное место складывали, другие доски несли, а кто-то их гвоздями закреплял. Осталось только покрасить. Батюшка сердечно поблагодарил, каждому руку пожал, своим сыном назвал, благословил, перекрестил, счастья пожелал и с Божией помощью благополучно вернулся в родной дом.

Хорошие дела не умирают, живут в народной памяти и как легенды передаются старшими своим детям. Кто бывал в Гегобросте летом и видел цветущие на кладбище вокруг церкви толстые липовые деревья, тот скажет, что их посадил отец Николай. Днями ходил в лес, выкапывал молодые деревца, бережно нес и как дитя

берег, пока каждое не приживалось. Растут, шумят пышные липы, своими душистыми цветами лечат людей, зовут пчелку за медком. Однажды по липовой аллее, ведущей на кладбище, шел сосед. Остановился и долго осматривал каждое дерево. Увидев меня, сказал: «Сколько священник Николай здесь трудов положил, сколько любви природе оставил. Зимой птичек кормил, летом саженцы поливал...» На минуту замолк и продолжал: «Однажды председатель колхоза Виктор Носерев послал нас, четырех мужчин, спилить большие березы. Собрались мы и уже готовились приступить к работе. Неожиданно появился батюшка. Как и всегда, ласково заговорил и, узнав цель, — перекрестил нас, упал на колени и жалостно просил нас не рубить это Божие творение... Мы так смутились и, не сказав ни одного слова, взяли свои топоры и пилы и как малые дети, свесив голову, тихо ушли». Березы остались и еще до сих пор зеленеют.

За все прожитые годы много чего батюшке пришлось пережить — и горе, и радость не с одним разделить. Вот что ныне вспоминает Анна Карповна Исаева: «Нас он венчал. Родился первый мальчик — радовались, но недолго. Заболел младенец. Испугались — может без креста умереть. И побежал муж к отцу Николаю, свою беду рассказал. Батюшка тут же бросил свои дела, поспешил на помощь. Крестил дома. Мы так растерялись, что не успели и крестного отца найти. Отец Николай его заменил. Вырос наш Павел, имеет свою семью и бережно хранит фо-

тографию своего крестного отца, присланную с острова Залит».

Немало забот в те годы выпало батюшке. Война разбросала людей по разным уголкам. Несколько человек приехало и в нашу деревню. Местные жители их приютили и чем могли — помогали. Немало позаботился и батюшка. Сам не ел — детей голодных кормил, стариков не забывал, не одного в вечный путь проводил — никакой платы не брал.

С 1945 года батюшка жил в церковном домике. Построили его местные мастера. Это небольшая деревянная избушка с маленькими окошками: два смотрят на восток — на храм, два на юг. Ничего лишнего в этой избушке не было. В углу висела большая икона святителя Николая, перед ней день и ночь горела лампада, небольшой столик белой скатертью покрыт. Здесь лежали книги, Священное Писание. У этого стола батюшка читал, искал ответы на разные вопросы, сочинял стихи. До приезда матери, Екатерины Степановны, батюшке во всем помогала немолодая верующая одинокая женщина, когда-то проживавшая в Новгородской области, в селе Нехино. Звали ее Елена Александровна Тимина. Эта старушка с большой любовью убирала храм, не жалея сил, старалась, чтобы вокруг церкви и около домика царил порядок.

Легче и веселее отцу Николаю стало, когда к нему приехала дорогая, любимая, заботливая мать. Это была добрая, любящая Бога и каждо-

го человека женщина. Она проявляла особую заботу о своем сыне. Она, как солнечный луч, согрела его одинокое сердце, озарила дорогу, по которой ему легче стало пробираться. Сумела она тогда не одну скорбящую, обиженную, плачущую утешить. Сумела свою доброту передать сыну.

Уважал отец Николай свою мать, часто детям говорил: «Мать — самый дорогой человек на земле. Она нам дала жизнь, она желает нам счастья, успехов в учебе, в тяжелые минуты слезы вытирает, на добрый путь направляет».

Ласковое обращение с людьми, оказание помощи неимущему, справедливость — все эти добрые качества привлекли всесильную Божию помощь бывшему нашему священнослужителю, а с 1952 года — протоиерею Николаю Гурьянову. Он был действительно духовным отцом. Его ценили и уважали не только наши верующие, но и высшее духовенство. Радует, что он не только получил это высокое звание, но и был награжден золотым крестом. Батюшка всегда искал новые пути к сердцу верующего. Одному иконку святителя Николая подарил, второму — молитвенник, а Александру Ананикову — Новый Завет, и своей рукой написал такие слова: «На молитвенную память моему дорогому сыну и брату Александру Александровичу от священника отца Николая Гурьянова».

Батюшка поддерживал связь с семьей Анны Федоровны Кашириной, которая была сослана в Сибирь 14 апреля 1949 года. Эта женщина пела

в церковном хоре, старалась жить по Христову учению, внимательно относилась к каждому слову и усердной молитве отца Николая. Любовь и вера в Божию помощь и письма отца Николая поддерживали ее одинокую жизнь с двумя малолетними дочерьми, укрепляли и помогли преодолеть все трудности в сибирской ссылке. Батюшка не только писал письма, но и старался напомнить ей о родном уголке. Высылал фотографии. На одной — отец Николай Гурьянов в 1952 году, с подписью: «На память детства другу Анне Федоровне от священника Николая. Гегоброст, 19 октября 1952 г. Высылаю Вам». На второй — отец Николай на нашем кладбище около могилки родителей Анны Федоровны. Рядом с ним стоят Елена Васильевна Давыдова и Ксения Аркадьевна Ермошенко.

Приближался 1954 год — год неожиданной разлуки с нашим любимым отцом. Трудно мне сегодня выразить то людское горе. Все его любили, любили как своего сына, но всегда к нему обращались «отец». Жаль было оставлять свою паству и отцу Николаю. Особенно его волновала дальнейшая судьба церкви. В те дни он долго думал и решил попросить Зою Петровну Карпенко и Валентину Владимировну Ерошенко, чтобы они присматривали за храмом. Вот что рассказали они: «Позвал нас отец Николай в церковь, благословил, пал перед нами на колени и со слезами в глазах так грустно и сердечно просил: "Не оставьте сиротой святую церковь. Берегите ее до конца своей жизни, убирайте, заботьтесь

о ее будущем". Мы тогда плакали и обещали его просьбу выполнить». Валентина Владимировна до сих пор является старостой прихода и заботится о нашем храме.

Все новые и новые вопросы возникали у верующих. Особенно было тяжко молодым людям. Вот что заставило молодую девушку Екатерину Ефремовну Рогову обратиться за советом к отцу Николаю. Работала она в совхозе бухгалтером. Однажды ей сказали: «Вступай в комсомол». Девушка и ее мать ходили в церковь, молились и верили в силу и помощь Божию. Мать и дочь горько плакали и решились обратиться за помощью к отцу Николаю. Выслушав их беду, отец Николай задумался, не сразу дал ответ. Он знал: не послушаешь своего начальника — потеряешь работу. А как жить в чужой сторонке? Их родная деревня в России сгорела... И вот наконец-то батюшка сказал: «Вступай, моя дочь, но Бога не забывай». Вот что сказала мне Катя: «Вступила я тогда в эту организацию. На курсы меня в Псков послали, а я там в церковь ходила и до сих пор всем говорю: хотелось бы мне теперь в ней побывать и к отцу Николаю птицей полететь. Низко ему в ноги поклониться, обеими руками к сердцу прижать и дочернее спасибо за привитую любовь к Богу сказать».

Не только православные, но и католики (литовцы) отца Николая хвалят, добрых слов ему не жалеют. Однажды возле реки стоял незнакомый человек и любовался на плавающих, белых, как снег, лебедей. Увидел меня, подошел и начал рас-

сказывать про свое детство. Оказалось, его родители жили в нашей деревне в то время, когда в церковном домике поселился отец Николай. Литовец дружил с русскими ребятами, и часто они бегали мимо церкви. Отец Николай любил бродить по лесу, слушать пение птиц, собирать осенью грибы. Один раз дети нашли немало подосиновиков и решили отдать их батюшке. С тех пор, как вспоминает теперь взрослый мужчина, они стали друзьями. Батюшка их к себе приглашал, вкусным березовым соком угощал...

Тяжелый путь прошел отец Николай, но он не растерялся, не роптал, а в эти трудные дни был сияющей звездочкой в темной ночи. Божиим словом указывал настоящую жизненную дорогу, учил любить Господа Бога и оставаться верными детьми Всевышнего.

Хочется вспомнить кем-то сказанные слова: «И когда сильная буря бушует, то пчелка на цветок не садится, но батюшкиным крыльям нельзя бояться бури, надо людей к Богу вести». Эти слова подтверждают наши старики: «В это трудное время он нам, оставшимся старикам, так много помог, он каждому дал новые силы и смелость умело преодолеть не только духовные, но и телесные трудности. Он навсегда останется в нашей памяти. Он вечно будет жить в наших сердцах».

Не забывал отец Николай наших верующих. Долгие годы переписывался с Ксенией Аркадьевной Ермошенко. Поддерживал связь с Еленой Васильевной Давыдовой. Не раз передавал привет с острова Залит своим бывшим чадам.

Получили мы от отца Николая две книги: «Слово жизни» и «Напоминаю вам».

Церковь, в которой молился отец Николай, каждое лето теперь оживает. В нашу деревню приезжают ученики из Вильнюса на отдых. Утром и вечером звон колокола созывает ребят в церковь к общей молитве. Иногда совершается и Литургия. Под сводами старого храма звучат детские голоса и вместе со взрослыми славят Господа Бога.

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ НИКОЛАЕ ГУРЬЯНОВЕ

Анна Ивановна Трусова

Впервые я попала к старцу на остров в начале 1970-х годов. О старце Николае я услышала в Вильнюсе от одной старой матушки, прислуживающей в покоях у архиепископа Германа, который приезжал к моему духовному отцу, многими почитаемому за старца, — отцу Владимиру Каменскому.

Она только упомянула о старце Николае, о его прозорливости, а как к нему попасть — не сказала, коротко только так обронила: «Добираться трудно. Это водой нужно плыть...»

Батюшку тогда тщательно скрывали, духовные чада старались, чтобы люди не особенно широко узнали о батюшке, не беспокоили его, потому что в то время на острове было на него

гонение. Местные власти даже отдали распоряжение, чтобы язык у колокола привязать, батюшка даже на праздник не имел права звонить него. Тогдашний «начальник острова» очень атеистически был настроен, потому и к батюшке так относился.

А у нас в Духовной академии, где я тогда работала, был такой певчий, Коля, сейчас он регент в церкви «Кулич и Пасха», и он мне как-то сказал: «Я был у старца Николая». Я стала просить, чтобы он меня взял с собой в следующий раз. И он согласился.

Батюшка меня в первый раз встретил очень сурово: «Ты зачем приехала? Вот тебе пароход, отправляйся обратно». Но потом стал со мной беседовать. Я приехала к старцу хлопотать за одну девушку. Нужно было узнать волю Божию о ней — идти ли ей в монастырь.

Сначала я пришла к матушке Анастасии, которая пекла просфоры для храма. И вот вошел батюшка, благословил меня и говорит: «Читай акафисты, читай акафисты». Я взяла книжечку, стала читать, и ничего не понимаю, что я читаю. А батюшка все тяжело вздыхает. А потом я говорю: «Батюшка, помолитесь, чтобы такая-то девушка в монастырь определилась» — «Какой ей монастырь!» Батюшка предвидел, что она скоро выйдет замуж. После этого батюшка меня строго спросил: «Исповедоваться будешь?» Я исповедовалась.

У него было очень легко исповедоваться, он молчал и все время молился, и я чувствовала,

как он разрешает мои грехи. А в конце он сказал: «Больше не возвращайся к этим грехам». Вечером я должна была уезжать. Но батюшка благословил прийти к нему обедать. И он оставил меня еще на три дня при себе.

Я хочу сказать особо о матушке Анастасии, она была подвижница — весь день в трудах, а всю ночь на молитве. Она много лет была при батюшке. Она всех, кто приезжал к батюшке, у себя в домике при храме принимала, кормила, на ночлег оставляла. И такая была кроткая, смиренная, любвеобильная.

Тот обед у батюшки я запомнила на всю жизнь. Он сам его тогда готовил. Налил мне полную миску щей и говорит: «Ешь». А я смотрю на Анастасию: «Можно мне есть, очень много, да еще и с мясом?» А батюшка так строго: «Ешь, тебе говорю, все». Я, давясь, с трудом все доела. А батюшка достает еще кринку молока, литр: «Пей молоко!» — «Батюшка я не могу больше». — «Ну хорошо, вечером придешь, будешь молоко пить».

Вечером, когда я пришла, батюшка играл на фисгармонии, пел духовные песнопения. Так и еще два дня пролетели. Это время на острове для меня запомнились, как одни из самых радостных в моей жизни. Паломников тогда никаких не было, тихо, спокойно было.

В тот приезд батюшка меня спросил: «Ты к отцу Петру Белавскому ездишь?» — «Езжу». — «Вот и езди, исповедуйся у него».

Еще батюшка меня спросил: «А работаешь-то ты на Льва Толстого?» Я действительно тогда

еще подрабатывала в Первом Медицинском институте, который на улице Льва Толстого. Мне это необходимо было для стажа. У меня были только те годы, когда я до лагеря работала. А все лагерные годы пропали для стажа.

И так батюшке было все видно, он все знал до мельчайших подробностей — даже назвал ту улицу, на которой я работала.

В тот раз еще показал мне батюшка, как надо почитать родителей. Я ему сказала: «Вот мама мне деньги дала». А он даже возмутился: «Мама? Не сметь у мамы ничего брать! А стараться ей угождать. Вот я однажды поехал в Псков, мама меня просила яблок ей привезти. А приехал без яблок. Мама говорит: «Не привез мне яблочков-то? Вот умру я, так жалеть будешь, что яблочка мне не привез». Я тут же сел на пароход и поехал в Псков обратно. А когда привез, мамочка уже не могла их доесть».

Батюшка водил меня по кладбищу и показывал могилочку мамочки Екатерины и других праведных людей, останавливался рядом с могилочками и говорил: «Помолись за них».

Ему были открыты мысли человека. Когда я стояла в храме перед иконой Божией Матери с молитвой о том, что хотела бы остаться здесь, батюшка вдруг быстрыми шагами ко мне подошел и на ухо говорит: «Вот чего захотела!»

В 1970—1980-е годы к отцу Николаю в основном ездили монахини — пюхтицкие, вильнюсские монахини приезжали, он был их духовным отцом. А из мирян почти никто не ездил.

Батюшка боялся, что его могут выгнать с острова, а он очень дорожил этим местом.

Из всех моих поездок я особо запомнила еще одну, потому что во время ее проявилась прозорливость батюшки. Я приехала на остров вместе с моим племянником. Он попал тогда в очень трудное положение. Он защищал одного человека, на которого напали хулиганы. В результате на него пало несправедливое обвинение. Следователь давал ему две статьи. Мы поехали к старцу Николаю просить его святых молитв.

Батюшка нас с первых же слов потряс своей прозорливостью. Мы ехали к старцу зимой. И я нагрузила на санки всю нашу поклажу, а пока К. их вез, саночки все время переворачивались. И вот батюшка встретил нас словами: «Ох уж эта тетушка, нагрузила саночки. А саночки-то по дороге кувырк!» Так, наверное, он дал понять, что я приехала именно с племянником и его тайный ропот по дороге.

Потом батюшка спросил: «А что вы приехали?» Я только сказала, что предстоит суд и племяннику дают две статьи. Батюшка не стал спрашивать: за что, почему, только я вдруг увидела, как изменились его глаза — таких глаз я не видела ни у кого в жизни. Он ушел далеко, он не присутствовал здесь, среди нас. Я прямо-таки затрепетала от этого батюшкиного взгляда. Не знаю, сколько он так молился. Пять минут или больше, но только потом он глубоко вздохнул и сказал: «Не осудят. Оправдают». Так за какие-то несколько минут старец вымолил человека.

Потом батюшка обратился к племяннику и говорит: «А у тебя два мальчика?» — «Да». — «Младшему надо помогать учиться». И на самом деле, младшему мальчику было очень тяжело учиться. У старшего хорошая была память, а у младшего нет, и он из-за этого плохо учился.

Потом старец помолчал и вдруг взял К. за руку, показал ему на большую картину Страшного Суда и сказал: «Тебе нужно туда, туда — показывая на Небесные Обители. А туда — и он показал на ад — попадают блудники». А потом прижал его голову к своей груди и быстро-быстро три раза проговорил: «Терпи-терпи-терпи». Семейная жизнь племянника была крестоносная, его жена была очень строптивой, и он очень много терпел. И батюшка увидел это.

А потом отец Николай вдруг говорит: «В Польшу поедешь». — «Батюшка, да что вы...» — «Поедешь в Польшу. Слышишь, что говорит тебе православный священник? — В Варшаву поедешь». И действительно, скоро его оправдали, обвинения сняли и направили на службу в Польшу.

Потом батюшка вдруг заговорил о Духовной академии, где была моя основная работа (хотя я ему об этом не говорила). «А владыку Кирилла сняли?» — «Да, сняли». — «А кто же теперь будет?» Потом помолчал: «А там же брат его, Николай. Ты ведь его знаешь. Ты ведь в Преображенский собор ходишь?» Все батюшке было открыто: я действительно была прихожанкой Преображенского собора и действительно на

место митрополита Кирилла (Гундяева) ректором в Академию назначили его старшего брата — Николая. На следующий день после приезда с острова я пошла в Преображенский собор и удивилась, что отец Николай не служит. А прихожане мне сказали, что сегодня он первый день служит в Академии — пришло назначение. Старец Николай все знал заранее на своем уединенном острове.

В конце той памятной встречи, во время поездки с племянником, батюшка встал на колени перед иконами и, обращаясь к К., сказал: «Я твой молитвенник!» Несколько раз повторил. Затем опять его голову прижал к своей груди.

А потом опять встал к иконам: «Господи, пошли им машинку, они так устали!» Тут мы поняли, что нам нужно уходить и стали брать благословение у старца на дорогу. Но он сказал: «Нет, нет, еще не время. Еще посидите». Мы сели, просидели несколько минут, и он говорит: «Вот теперь время. Идите». Из этого можно было понять, что весь остров у батюшки — как на ладони. Он видел, что где-то неподалеку человек собирается в путь на машине, и в тот момент, когда этот человек выехал, он нас благословил идти. Велел еще зайти на могилку к мамочке. Мы поклонились могилке, батюшка в окошечко на нас смотрел.

Потом мы отправились в путь по замерзшему озеру, прошли несколько сот метров, нас нагоняет машина, останавливается и водитель предлагает нам сесть. Я говорю: «А у

меня саночки!» Водитель тогда велел другим пассажирам потесниться, и нас посадил. Потом спрашивает: «А вы к кому приезжали?» — «К батюшке». Он нас довез не только до берега, но и до самого Пскова. Оказалось, что это был председатель колхоза. Только по молитвам батюшки он остановил машину и нас посадил, потому что, когда мы шли к батюшке, ни одна машина не остановилась. Так долго, трудно мы шли по льду. А обратно как на крыльях долетели.

Не знаю, нужно ли об этом говорить, но, видно, это был урок не только для меня — урок нестяжательности, скромности. Господь однажды меня сподобил стирать белье отца Николая и я увидела, что оно все в заплатках — вот так: заплаточка, а поверх еще заплаточка. Да и подрясники у него все время были поношенные, старенькие. Если подарки старцу привозили, то он старался поделиться, раздать. Старался всегда угостить, никогда без чая или кофе от себя не отпускал.

Расскажу о случае прозорливости старца, который проявился по отношению к одной моей знакомой. Она решила поменять место жительства на Житомир, ухаживать за одним престарелым батюшкой из города Кирова. Когда она приехала к старцу и спросила его об этом, то он воскликнул: «Как в Житомир? Сегодня ты золотая, а завтра будешь серебряная, а послезавтра будешь медная». То есть предсказал ей, что ее ожидает в духовном пла-

не в Житомире. А казалось, что была прямая дорога к обмену, — в том доме, где жила Марья Ивановна, жили дети той старушки, которая из Житомира хотела переехать к ним. Все уже было решено. Оставалось только какой-то один документ подписать. Но батюшка сказал: «Никакого Житомира. Твое место в том городе, где ты живешь». А она была подвижница, у нее на дому наш общий духовник — отец Владимир Каменский — крестил детей. Так под ее окнами иногда по 50 колясок стояло, и ей говорили: «Ты смотри, осторожнее». Эта Мария Ивановна и всех старушек опекала, готовила к причастию. То есть очень она была нужна людям. Думаю, что еще и поэтому старец не благословил ее уезжать. Еще он ее спросил: «В Лавре ты бываешь?» — «Бываю». — «От меня положи поклон Владыке Никодиму. Великий был человек, мудрый митрополит. Смотри, бывай на его могиле».

Однажды мне рассказали две островские жительницы еще об одном случае прозорливости. Они сидели у старца и вдруг он говорит: «Идите, сестру Анну встречайте. Она сумку тяжелую несет. Ей нелегко». Они вышли, издалека меня увидели и поразились (а они тогда не очень-то в прозорливость батюшки верили): «Как же он увидел, что она идет с тяжелой сумкой?»

Батюшка вообще островных жителей считал своими и жалел их. Однажды мы шли с батюшкой по острову от матушки Анастасии, и стоит мужчина пьяненький. Чувствуется, что он еле на

ногах держится. Мы подошли, и батюшка говорит: «Иван Иванович. Вам мое почтение». — «Батюшка, батюшка, да как же вы так ко мне...» И я потом спросила: «А почему вы так сказали?» А он ответил: «Там, где просто, там ангелов со сто, а где мудрено — там ни одного». Островные жители простые были, потому батюшка их и любил.

Потом мы повстречали мальчика. Батюшка назвал его по имени (он, видимо, всех жителей острова по имени знал). Благословил его и спрашивает: «Как твои дела?» — «Хорошо, батюшка». — «Я вот и говорю — все у тебя хорошо. Бог тебя благословит». И опять для меня повторил: «Где просто, там ангелов со сто, где мудрено — ни одного».

Это, кстати, и потом проявилось, когда велись споры по поводу этих ИНН. Батюшка спросил священника, который к нему приехал от имени патриарха: «А от Христа отрекаться не требуют?» — «Нет». — «Значит, не требуют отрекаться». И все, больше ничего не сказал, — просто, без всяких призывов. Это было уже в 1990-е годы, батюшка уже стал знаменитым на всю Россию.

Случилось это после того, как в 1980 году сняли фильм «Храм», где впервые люди показывали батюшку на всю страну. Вроде ничего особенного не показали, батюшка на экране был минут пять. Он просто пригласил съемочную группу «попить чайку». Но по стране тогда пролетело: «На острове Залит на Псковском озере живет старец». И тогда люди отовсюду потянулись. И батюшка поначалу всех принимал.

Я уже в это время не ездила к батюшке, только передачки ему посылала. А он однажды с моей знакомой предал для меня деньги, сказал: «Отвези ей деньги. У нее нет денег». Я расстраивалась: «Зачем ты взяла?» А она: «Так как же я могла отказаться, если батюшка мне прямо в руку положил эти деньги».

Батюшка был очень любвеобильный. Это была сама любовь, само милосердие, как у отца Иоанна Кронштадтского.

СТАРЕЦ БЫЛ ПРЕЖДЕ ВСЕГО УТЕШИТЕЛЕМ

Наталия Александровна Лукина

Впервые мы — тогдашние прихожане храма Иоанна Предтечи на Каменном острове — поехали к старцу в 1989 году, в то время о нем не так много людей знало. И он при первой же встрече поразил нас. Он вышел к нам со словами: «А, воры приехали...» И принял очень ласково, долго беседовал, говорил на разных языках, сам даже спрашивал каждого по отдельности: «Ну, что ты хочешь спросить?» Одному мужчине, который эпизодически помогал храму, а у старца решил спросить благословения на то, чтобы перейти на постоянную работу в храм, он неожиданно для всех нас сказал: «Хорошо. Только уж тогда не пей». Потом выяснилось, что у него есть такая слабость, о которой мы и не подозревали. Но больше всего нас озадачило —

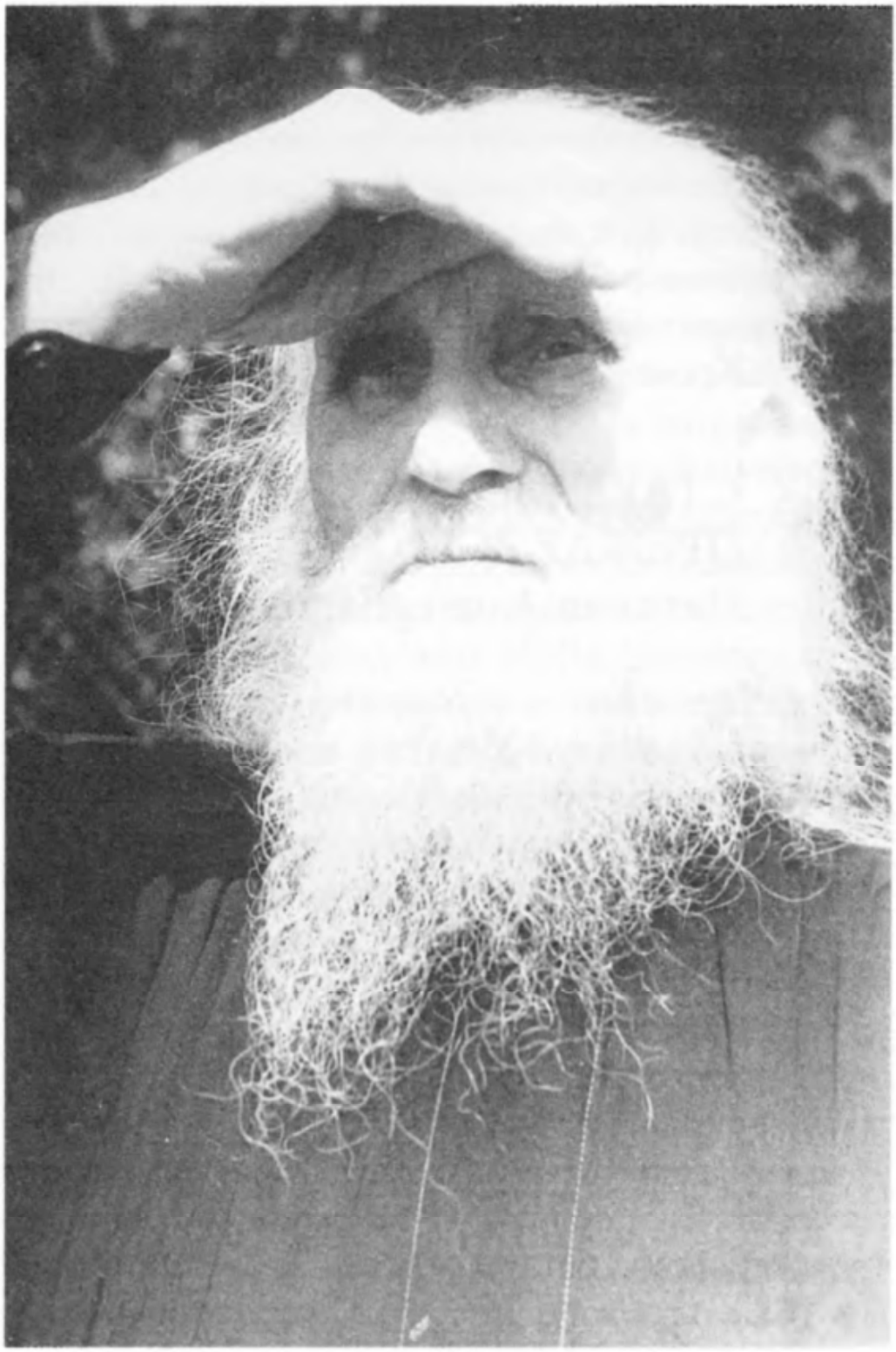
мы даже самого батюшку спросили, но он не ответил — почему он нас назвал «ворами». Позже, когда нас действительно обвинили в воровстве, стало понятно, что батюшка нас предостерегал.

Клевету эту мы пережили не случайно, а в наказание за нарушение архиерейского благословения. Дело в том, что мы очень хотели приобрести машину для храма. И спросили благословения у митрополита Иоанна. А он сказал: «Покупать машину не благословляю». Но вскоре появилась возможность получить машину в подарок. И мы решили: «Владыка не благословил покупать, а про подарок он ничего не сказал, значит, можно у него и не спрашивать». И на это лукавство наложилось еще одно лукавство — человек, который решил нам машину пожертвовать, сказал: «Вы напишите письмо на завод от имени церкви, попросите две машины по себестоимости. Тогда эти две машины будут стоить как одна, если ее покупать в магазине. Я дам денег, одна машина останется вам, другая — мне». И вот за этот лукавый подарок мы и получили — нас обвинили в том, что мы на церковные деньги купили автомобиль. Вскоре он, кстати, и разбился. А еще одно лукавство состояло в том, что на получение машины в подарок мы взяли благословение у старца Николая и еще у одного почитаемого батюшки. То есть таким образом захотели «обойти» архиерейское благословение. Духовная жизнь не терпит лукавства. И, кстати, даже если ты возьмешь благословение на благое дело, а потом внесешь в него свои коррективы,

схитришь, то Господь потом все равно обличит и выведет на чистую воду.

В моем многолетнем общении со старцем я убедилась — он часто благословлял человека на заведомо «провальное дело», зная заранее, что у него ничего не получится. Он это делал для того, чтобы человек двигался, шел вперед. Батюшка любил людей деятельных, активных. Ведь к нему ехали в основном люди с великими скорбями, которым было не до «активничанья», а когда батюшка видел человека, который намеревался что-то делать, строить, созидать, то он очень радовался и благословлял на дело. Если это намерение не было связано с нарушением заповедей Божиих, он всегда благословлял. Потому что само стремление к какому-то свершению уже меняло человека, меняло его жизнь, приносило в нее откровения, которых он, если стоял на месте, не получил бы. Со мной было два таких случая.

Оба они связаны уже с периодом первых лет строительства храма святого праведного Иоанна Кронштадтского в Дачном. Батюшка благословил нас на это начинание. Всякий раз, когда я приезжала и жаловалась на то, что дело двигается трудно и медленно (семь лет только мы воевали за землеотвод), батюшка повторял: «Построишь, построишь...» И вот, когда уже появилась возможность приступить к конкретным работам, оказалось, что денег-то брать неоткуда. И тогда пришла в голову мысль: «Нужно выставить свою кандидатуру в депутаты. Если выберут, деньги появятся». И поехала я к батюшке за благосло-



вением. Он благословил. Мы развернули бурную деятельность. И, конечно же, ничем это не кончилось. Но опыт «участия в выборном процессе» за это время был приобретен немалый. А когда я приехала к батюшке и рассказала о своем «провале», он ответил: «Как я рад, что ты не стала депутатом!»

Второй случай тоже был связан с поисками денег на строительство. Опять нас посетила идея: «Надо ехать в Америку и просить там помощи. Там есть православные, они помогут». Опять поехали к батюшке за благословением. Он благословил. А я не исполнила его благословения в течение года (тогда были очень дешевые билеты, мне хватило бы моей зарплаты). Не сделала этого, потому что сама решила: «Ну вот, благословение теперь уже есть. Когда-нибудь можно и поехать, но не сейчас». А через год стоимость билетов выросла в 10 раз, и, конечно, уже не было возможности ехать. Правда, можно сказать, «рикошетом» благословение батюшки перешло на мою младшую сестру — она в 57 лет вышла в первый раз замуж за православного грека, живущего в Америке, и уехала с ним. И стала православной, а здесь ее было в храм не затащить. Так что Америка все равно вошла в мою жизнь вот таким неожиданным образом.

Не раз приходилось убеждаться в прозорливости старца. Можно сказать, что он читал мысли человека. Я, например, узнала от его врача, что у него очень больные ноги — в них плохо поступает кровь, и непонятно, как он еще может ходить.

И вот как-то я приехала к старцу, а сама думала об этом, сокрушалась. А он вдруг говорит: «Побежали на выборы, побежали». И на самом деле побежал, и так быстро, что я едва за ним успевала. Тогда я поняла: нечего своим умом вмешиваться в жизнь святого человека. Прозорливый был батюшка, но не это главное было в его служении. Главное было то, что он всех утешал. Он ведь и сам так говорил, когда выходил из своего домика: «Надо вас утешить. Чем вас утешить?» Помазывал нас святым маслицем скрепочкой из пробирки, и такое утешение входило в душу. А говорил он совсем немного и, казалось бы, одни и те же слова разным людям, а все получали утешение в самых различных обстоятельствах. Мне пришлось получить прямое свидетельство этого.

Несколько лет я ездила к батюшке с вопросами по поводу строительства храма, но при этом многие прихожане просили меня задать батюшке их личные вопросы. И я всегда брала с собой тетрадку, где были записаны эти вопросы, и напротив каждого имени записывала, что ответил батюшка: «Благословляю... Не надо... Пусть потерпит... Не скажу... Все будет хорошо...» Чаще всего он говорил: «Надо помолиться». И привозила я эти ответы, и видела, как такие простые, краткие слова доходят прямо до души человека, входят прямо в сердце. Все становится на свои места.

Слово старца, простое по форме, обладало духовной энергией. А потом, когда уже старец не принимал, я через одну местную жительницу,

которая носила ему рыбу и молоко, пересылала свои вопросы, и опять старец отвечал кратко: «да», «нет», — но в душу приходил мир, и те обстоятельства, которые казались ужасными, переставали такими казаться. Да и теперь я делаю то же самое — посылаю свои вопросы на остров, та же женщина ходит теперь уже на могилку, постоит, почитает их, а мы тут все ощущаем, что старец за нас помолился — и все устроилось. Кстати, так было и тогда, когда старец болел — приезжали мы на остров, постоим у домика, прочитаем на кладбище акафист святителю Николаю, мысленно побеседуем со старцем — и такое было всегда чувство, что он нас услышал и утешил, успокоил.

Старец Николай был и есть — старец-утешитель.

Батюшка прежде всего учил молиться. У меня было два таких случая. Умерла моя мама, она была неверующая, и я очень переживала. Молилась за нее напряженно, подавала сорокоусты, куда только можно. А потом я увидела утешительный сон — я видела маму красивой, счастливой, и успокоилась, и перестала напряженно за нее молиться. Как-то рассказала батюшке об этом сне, но он строго сказал мне: «Продолжай молиться до конца дней».

Было у меня недоумение по поводу молитвы об одной усопшей женщине-гинекологе, которая (в советское время, по неведению, и была она неверующая) сделала немало абортов. И я не знала, молиться ли за нее, и спросила батюшку.

Он ответил: «Молись. Обязательно нужно за всех молиться».

Опекая молитвенно наше строительство храма святого праведного Иоанна Кронштадтского, батюшка и нам заповедал непрестанно молиться. И происходили чудеса. Бог постоянно посылал помощников. Они приходили прямо с улицы. Больше всего запомнилась первая из них. Она пришла и спросила: «Чем вам помочь? В чем у вас нужда?» Мы сказали, что нам нужны кирпичи. Кирпичи были очень дорогими. Нужна была огромная сумма. И она купила нам столько кирпичей, что нам хватило на все строительство храма.

Когда мы батюшку спрашивали о том, в честь кого освятить большой храм, который мы будем строить рядом с маленьким храмом святого праведного Иоанна, он на вопрос: «Можно ли его освятить в честь Царственных Мучеников?» — ответил: «Надо молиться».

С этим заветом старца мы и живем, мы постоянно читаем в нашем храме акафист святым Царственным Мученикам и надеемся, что Господь благословит наши намерения и совершит их молитвами старца Николая.

СТАРЕЦ НИКОЛАЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ[17]

Владимир Алексеевич Непомнящих

В феврале 1989 года я впервые попал к старцу Николаю на остров Залита. Пока шел по льду, мысленно перебирал в памяти основные события жизни и думал о том, имел ли я право беспокоить старца своими проблемами. Как я подойду, что скажу?

Подошел к домику, постучал в дверь. Старец Николай вышел, внимательно посмотрел на меня и ласково приветствовал: «Ну вот, я сижу — врача дожидаюсь. А врач взял сам ко мне и пожаловал!» Нельзя передать ту радость, которую я испытал в ту минуту. Именно с этого мгновения я почувствовал себя истинным врачом, потому что до этого все сомневался, имел ли право лечить людей. Столько дипломов с отличием у меня было, а вот настоящий диплом врача получил в тот день!

С такими мыслями я зашел в келью батюшки. «Знаю, зачем пришел, — сказал он. — Проявил в поезде ротозейство, кольца-то и пропали. Не беспокойся, никаких неприятностей на службе по этому поводу не будет. Господь отвел беду». Пропажа золотых колец была источником моих переживаний. Отец Николай успокоил, что

---

[17] Из книги: Воспоминания о старце Николае Гурьянове. М.: «Ковчег», 2002.

я буду часто встречаться с сыном. Тогда мне это казалось совершенно невероятным, поскольку я жил в Алма-Ате, а сын — в Баку. На прощанье батюшка утешил: «Все у тебя будет хорошо. Куда собирался поехать — езжай». Мне хотелось посетить Псково-Печерский монастырь, но я не успевал. «Тебя аэросани догонят. Быстро домчат. Еще пятнадцать минут автобуса будешь дожидаться». На прощанье старец благословил, помазал иерусалимским маслицем и пригласил приезжать еще. После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем. Действительно, на аэросанях меня быстро доставили до остановки за пятнадцать минут до отправления автобуса. Так Господь подарил мне крепкого молитвенника о спасении души, подлинного духовного отца, оказавшего решающее влияние на всю мою жизнь. С того дня я стал приезжать на остров к старцу два-четыре раза в год.

Хочется рассказать о самых главных, жизненно необходимых проблемах и ответах отца Николая, которые касаются многих христиан. После распада СССР с большим трудом мне удалось переехать в Подмосковье. Несколько раз ездил за молитвенной поддержкой к батюшке. С 1993 года, наконец, я устроился в Подмосковье, где продолжил службу в военном госпитале. Трудно пришлось на новом месте. Было много искушений, клеветы на работе, осо-

бенно тяжелыми оказались столкновения с экстрасенсами. Дома одолевали скорби, досаждала бытовая неустроенность, отсутствие достаточных денежных средств. В это время я создавал новую семью, родился мальчик. Старший сын переехал в Москву, и наши взаимоотношения складывались непросто. В 1994 году я приобрел сборник духовных стихов, собранных старцем Николаем, «Слово жизни», с радостью поехал на остров и попросил батюшку подписать книгу на память. «А зачем? — удивился батюшка. — Ведь я ее уже подписал!» Когда открыл титульный лист, увидел под фотографией отца Николая строки:

А я? Лишь утро наступает,
Стою пред образами,
Вам в помощь Бога призываю,
С надеждой, верой, со слезами.

Когда в храме после беседы со старцем просматривал книгу, внимание сконцентрировалось на трех стихотворениях, которые особенно утешительно действуют на сердце: проходит уныние, на душе становится легче, словно рассеиваются невидимые тучи.

Господи, помилуй,
Господи, прости.
Помоги мне, Боже,
Крест свой донести.

Меня смущали помыслы подозрения некоторых знакомых и даже родственников в том,

что они могли оказывать темное магическое воздействие на моих близких. Батюшка меня спросил, венчались ли мы с супругой, и успокоил, что меня беспокоили вражеские наваждения. Когда у нас пропали деньги в одном из коммерческих банков, он обещал, что «Господь все управит». *«Православному человеку нужно — искать защиту у Господа, у Господа. Где просто, там ангелов со сто. Где простота. А где мудрено, там — ни одного. Вот»*. Дома я переживал из-за трудных семейных отношений, поделился с батюшкой, а он попросил передать жене от него поклон и сказать, чтобы она слушалась мужа. Я спрашивал, возможно ли, чтобы старший сын когда-либо стал жить вместе со мной, старец утешил, что у Господа все возможно. По молитвам батюшки я стал часто видеться с сыном. Когда я было задумал купить машину, отец Николай не разрешил: «Не надо, ты еще не старый. На бензин много денег надо. На одиннадцатом номере надо ездить. — Пешком». Мне хотелось стать начальником глазного отделения, но старец не одобрил этого и благословил *«евангельское служение людям в качестве врача»*. Я пожаловался на то, что трудно теперь жить и служить. — «Будет легко лечить», — ответил он твердо. Меня волновало, благословит ли старец писать диссертацию, и он ответил: «Отчего же не писать? У тебя есть знания». *Перед началом работы отец Николай учил кратко помолиться: «Господи, благослови!», — в процессе работы: «Господи, помоги!», — и после работы: «Слава Тебе, Господи!» На во-*

прос о духовном руководстве кратко сказал, что его «Бог определит». Меня интересовало, можно ли посещать службы в зарубежной Православной Церкви. Батюшка строго отнесся к этому: «*Есть наша Церковь*». В тот день батюшка дважды повторил: «*Не надо крест снимать в бане*», — и я вспомнил, что перед этим несколько раз ходил в баню и, действительно, снимал серебряный крестик и цепочку.

В 1995 году во время вечерней службы я исповедовался у отца Николая и пожаловался, как трудно жить: прихожу с работы и падаю как подкошенный. «Станет полегче», — успокоил старец. По его молитвам вскоре стало легче, не чувствовалось такого смертельного опустошения и бессилия. После исповеди батюшка тихо подошел ко мне и впервые сказал: «*Какой ты счастливец, ты — евангельский врач!*» Решив продолжить военную службу, я сказал об этом батюшке, и он одобрил: «Хорошо». ***Батюшка не одобрял смены жизненных обстоятельств без особой необходимости.*** Через полгода после опубликования в журнале «Москва» моих первых рассказов при встрече я попросил у старца благословение на занятие писательской деятельностью. «Владыка благословит», — ответил отец Николай. Хоть и удивился, но не посмел его расспрашивать. На следующий день я был в Петербурге, посетил часовню блаженной Ксении. В храме во имя Смоленской иконы Богородицы вечером служил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. После богослужения

прихожане подходили под благословение к владыке. Когда подошла моя очередь, я, нервничая, скороговоркой попросил благословение на написание православных рассказов и успешное лечение больных. Старец-митрополит остановил меня, заставил спокойно все повторить и затем только благословил. Мне казалось, что после благословения владыки я стану писать, как по нотам, на деле же в течение пяти лет я не написал ни одной строчки.

Как врачу, всегда хочется предъявлять к себе особо высокие требования, поэтому часто меня тревожило, что я, на мой взгляд, недостаточно хорошо оперировал, но отец Николай спокойно заметил: «Операции на глазах — дело тонкое». Батюшка всегда обращал человека к его совести, понуждал к личному покаянию. *Услышав о смущении блудными помыслами, напоминал об обете супружеской верности, при тяге к винопитию указывал на помощь всесильного Креста Господня.* ***Во всем учил полагаться на волю Божию: «Будет, как должно быть».*** Старец был противником того, чтобы христиане пили водку. Что греха таить, на службе у нас застолья были частым явлением. После банкетов с вином и водкой стыдно бывало показываться ему на глаза. Отец Николай встречал тогда сухо и приезжать не разрешал. «*Вино сокращает жизнь*». Однажды посетила мысль о том, как дорого обходится дорога к нему. Прощаясь, батюшка заметил: «Зачем на дорогу тратиться».

При врачевании отец Николай благословил читать «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся» и «Царю Небесный», позволил смазывать освященным елеем лоб и глаза у больных, причем не только у православных, но у всех страждущих.

Временами хочется чередовать чтение Иисусовой молитвы с чтением «Богородице, Дево, радуйся», но меня смущало, можно ли оставлять то одну, то другую, — батюшка рассеял мои сомнения и сказал, что можно читать молитвы попеременно, лишь бы сохранить молитвенное устроение. На прощание старец Николай просил молиться за него и добавил: «Я еще не отхожу в вечность».

23 февраля 1996 года я вновь был на острове с пациентом Игорем, отца Николая застал рано утром в храме. Увидев нас, старец обрадовался и по смирению хотел поклониться в ноги, но мы его удержали: «*Какой вы счастливец! Евангельское лечение будете проводить!*» — говорил мне батюшка, благословляя. Игорю сказал: «Врач знает, как лечить». Мой пациент некоторое время был связан с криминальной средой, но постепенно отошел от нее и стал на путь истинный. Когда он жаловался на своих бывших приятелей, старец его решительно перебил: «Они много лучше нас». На этот раз отец Николай благословил приобрести машину и продолжать службу в госпитале. Деньги он не взял со словами: «Тебе самому нужны».

Каждый раз, когда я ехал на остров, волновался о том, как меня встретит батюшка. Иной

раз был теплый прием и живое участие в разрешении моих проблем, получал приглашение приехать. *Часто бывало, что старец смирял меня тем, что смотрел на меня, словно видел впервые. Во многом встреча зависела от моего духовного состояния и образа жизни. Батюшка искоренял у меня особенную гордость, которая поражает многих христиан от частого общения с духовными лицами. Начинает казаться, что ты выше и лучше других. Когда я уклонялся от истинного христианского пути, то хорошего приема не ожидал.* Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время.

Летом 1996 года я приехал на остров вместе со старшим сыном Евгением. Вечером мне батюшка посоветовал не оставлять службу добровольно, но и не сопротивляться, если будут вынуждать уйти: «Ты — молодой, послужи. А если выгонять будут, тогда не надо». На следующее утро старец служил Божественную литургию. Необыкновенная тишина и благоговение были в храме. Никто из прихожан не проронил ни одного слова. Все, как один человек, в положенные моменты опускались на колени, были предельно сосредоточенны: поистине тогда у всех было «единое сердце и одна душа». По окончании Литургии отец Николай кротко и очень тихо сказал: «Какие вы счастливые, мои дорогие, сегодня Сама Матерь Божия незримо посещала нас и всех благословила, бывших на службе». На

прощание батюшка утешил: «Все будет хорошо!», — а сыну посоветовал стать врачом. Евгению же хотелось стать юристом, и я рассказал об этом старцу. «А болтать умеет?» — «Да, как папа». — «Тогда можно быть юристом, но лучше бы было идти в медицинский». Впоследствии мне пришлось уволиться с военной службы. Я устроился на работу в Институт глазных болезней и одновременно подрабатывал в различных лечебных учреждениях, что не всегда бывало легко. Не раз приходила мысль уволиться из Института, но отец Николай не давал на это благословения. На все новые осваиваемые методы и способы лечения, в том числе и гомеопатию, я получал благословение батюшки. Вначале он помазывал лоб маслицем, а затем отвечал на мои вопросы. Весной 1997-го я приехал на остров и радостно заявил, что получил заграничный паспорт, чтобы ехать на Афон и в Иерусалим, «Да, да, на Валаам-то поезжай», — услышал в ответ. «Да я там был в прошлом году!» Батюшка еще раз твердо повторил: «На Валаам поезжай». Что делать? По благословению старца провел целый месяц летом на Валааме, причем три недели жил в уединенном Иоанно-Предтеченском скиту. Не передать словами, какую духовную радость и пользу я там получил! Позже батюшка позволил посетить и Святую гору, и Святой Иерусалим. В декабре 1997 года его глазки стали еще голубее и прозрачнее. Спросил меня: «Не пьешь водку? Не куришь?» — «Нет, батюшка». — «Вижу, что не пьешь и не куришь». Многократно в этот раз

я подходил к старцу и никак не мог с ним расстаться. Впервые услышал, как старец пел:

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки
Уж недалеки от меня.

Душу охватила грусть, казалось, что больше не придется свидеться. Но батюшка ответил: «Скоро». Через два дня приехал вновь после посещения Псково-Печерского Успенского монастыря с иеромонахом Антонием. Удивительно было слышать, как два старца, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и протоиерей Николай, одинаково открыли ему Божию волю. Позволю себе рассказать только об одном вопросе отца Антония: «Батюшка! Недавно блаженная Любушка, которая была духовной дочерью Серафима Вырицкого, преставилась. А ведь она предсказывала, что после ее смерти будет немало потрясений в стране». Долго размышлял отец Николай, а потом спросил: «А Вы молитесь за нее?» — «Да, ежедневно», — ответил Антоний. «Так и она каждодневно молится перед Престолом Всевышнего! Умолила, чтобы не было бедствий!» Батюшка обратился ко мне: «Передай своей родственнице: "Поп Николай сказал: „Не будешь ходить в церковь — ослепнешь"». Не послушала она, к сожалению, предостережения и через полгода ослепла внезапно на один глаз, а вскоре резко ухудшилось зрение другого глаза из-за глаукомы.

Старец разговаривал с нами, находясь за запертой дверью. Меня беспокоило, что я не знал, был ли крещен мой отец, который умер, когда мне было всего три месяца. Батюшка ответил утвердительно и разрешил поминать папу. Интересно, что он спросил меня: «Ты причащаешься?» Отец Николай благословлял подходить ко Святому Причастию «по состоянию и готовности». Я ответил, что часто причащался. — «Четыре раза в год». Мне стало не по себе: значит, Господь только четыре раза принял меня как причастника! Я жаловался на непонимание коллег, на непочтительное отношение больных. — «Ничего. Твой труд евангельский». «Подойдите к окошечку, мои дорогие, я вас благословлю». Мы смотрели через окно, как старец долго молился, многократно благословлял и крестил нас. Несколько раз я привозил и подавал ему для благословения фотографии близких мне людей. Батюшка внимательно смотрел и крестил фотографию. Однажды заметил, что рядом с одним из моих родственников стоит бутылка. Действительно, тот часто выпивал.

Раба Божия Тамара приезжала к старцу Николаю за благословением на сложную операцию в брюшной полости. Женщина очень боялась предстоящей операции, поскольку у нее было наследственное тяжелое заболевание почек. Отец Николай благословил на предстоящую операцию, но после операции начались осложнения, и больная впала в уныние, боялась, что старец Николай ошибся в своем решении. Одна-

ко постепенно, в ходе дополнительного лечения, у Тамары наступило улучшение самочувствия. Особенно разительная перемена произошла с больной после посещения монастыря святителя Тихона Задонского, где она пробыла неделю и ежедневно купалась в целебном источнике. Женщина перестала сомневаться в благословении батюшки.

На третьем десятке лет раб Божий Сергий неожиданно заболел: развилась сильнейшая дистрофия внутренних органов. Парень буквально таял на глазах, резко убавил в весе, его беспокоила страшная слабость, постоянная тошнота и частая рвота. Усилия медиков были напрасны, родители безрезультатно потратили огромные деньги на обследования и лечение. Сергей продолжал таять, как свеча, и его близкие готовились к худшему. Знакомая монахиня предложила отвезти больного на остров к старцу Николаю. Добирались с большим трудом из-за плохого самочувствия молодого человека и различных поломок автомобиля. Когда дошли до домика, оказалось, что батюшка не принимал, все упали духом. Однако вскоре на пороге дома показался отец Николай. Услышав от больного, что никто не мог его вылечить, батюшка участливо посмотрел на Сергея, затем легонько стукнул его по щеке и сказал: «Все пройдет». Через некоторое время еще раз стукнул больного по щеке, подергал за ухо и добавил: «Будешь здоров». Здоровье Сергея после поездки пошло на поправку.

1 мая 1998 года я спросил благословения на поездку летом на Валаам и услышал в ответ, как батюшка запел: «О, Иерусалим, Иерусалим!» (Господи! Какой Иерусалим с моей зарплатой!) Спустя две недели пришла пациентка, лечение которой я начинал еще в бытность военным врачом в госпитале. Женщина рассказала, что молилась на могиле блаженной Матроны о возвращении здоровья и услышала ответ в душе: «Ищи военного врача». Другого военного врача она не знала и разыскала меня. Лечение оказалось долгим и трудным. Ни о каком материальном вознаграждении не было речи. Выздоровев, пациентка вернулась, чтобы поблагодарить за помощь. Она оказалась главным бухгалтером коммерческого банка. Поприветствовав меня, женщина передала небольшой сувенир и конверт с оплаченной квитанцией на паломническую поездку в Иерусалим. Мне осталось только оформить документы, и через две недели, в начале июня, я оказался на Святой земле и на Синае. В Горненском монастыре довелось встретиться с игуменией Георгией, которой старец за много лет до этого предсказал, что она будет на Святой земле возглавлять женскую обитель. Матушка передала подарки отцу Николаю. Когда я отдавал их батюшке, он пошутил: «А она на меня не обижается? Ведь это я ее из Пюхтиц на Святую землю отправил».

Летом 1999 года отец Николай принял меня очень сурово. Отношения в семье были тяжелые, я думал о разводе. Один из известных духовников поддержал меня, сказав, что для мо-

его спасения лучше развестись и жить раздельно. В смятенном состоянии шел я к старцу, который встретил меня у калитки. Не дожидаясь вопроса, батюшка сказал: «А ты сам виноват в отношении жены. Пожалей ее, ведь она тебя жалеет!» Вмиг наступило прозрение, вспомнились все мои прегрешения по отношению к жене, семье, сделалось нестерпимо стыдно. После этого я два дня не находил себе места на острове, не смея показываться на глаза отцу Николаю. С тех пор я стал осторожно относиться к советам младостарцев.

По слову батюшки: «Езжай, всюду побываешь и все увидишь!», — я побывал на Святом Афоне и посетил все двадцать монастырей, множество скитов и келий. Особо хочу подчеркнуть, что с этого момента вход во дворик старца был закрыт, но он еще имел возможность выходить к людям. Выходя из домика, батюшка полушутя, бегом бежал к нам, стоявшим за калиткой. Внешне он казался отрешенным от всего земного. Чувствовалось, что между нами, грешными, и старцем было громадное расстояние. Многим, подходившим под благословение, батюшка уже не отвечал на вопросы, а только молча крестообразно елеем помазывал лоб. При этом люди чувствовали, как необходимость в расспросах исчезала. Однако с теми, у кого действительно была нужда, отец Николай беседовал, отвечал им на вопросы и даже приглашал людей к себе в домик. Иногда батюшка выходил на улицу, низко кланялся паломникам и просил их еще раз приехать: «Милости просим, мои дорогие, прошу вас

к нам пожаловать». Неоднократно старец по болезни никого не мог принимать, тогда приходилось писать записки. Келейницы относили их батюшке, затем передавали ответ. Он отвечал не на все вопросы, а выборочно. Несомненно, старец Николай знал волю Божию и открывал ее в той мере, в какой считал необходимой. На мое смущение по поводу еврейского вопроса отец Николай просто ответил: «Есть евреи, и — евреи». После этого душа примирилась: есть хорошие и есть плохие люди. Я — врач и, по молитвам батюшки, — остаюсь со всеми ровен.

Осталось трогательное воспоминание о том, как любимый белоснежный голубок батюшки, вспорхнув, сел мне на голову. Последний раз при жизни старца я посетил остров в декабре 2001 года, но уже увидеть его не довелось... На похоронах отца Николая многие отмечали удивительное душевное спокойствие, мир. Когда прикладывались, ручка у старца была теплая, как у живого.

Всякий раз после встречи с отцом Николаем разрешались сами собой десятки вопросов и проблем. По молитвам батюшки очищались ум и сердце. Когда я заходил в Никольский храм и прикладывался к чудотворному образу Богородицы «Благодатное Небо», душа успокаивалась, настраивалась на покаяние, забывались обиды. Это *внутреннее очищение происходит при посещении и других праведников, святых мест. Надо только иметь веру и надежду на милость Божию.*

В самые сложные периоды жизни батюшка мне всегда говорил: ***«Что тебе волноваться, у***

тебя есть вера». Господь *в лице старца Николая явил мне образец истинного служения ближнему, указал духовный ориентир смирения и самопожертвования.* Я несколько раз спрашивал батюшку, можно ли мне считать его своим духовным отцом, но он ничего не отвечал. Внутренне все-таки обращался к нему за молитвенной помощью именно как к духовному отцу. Ни на минуту не сомневаюсь, что старец имеет дерзновение молиться за Россию и за весь наш народ. Господь да сохранит всех нас молитвами старца Николая и дарует наследовать Царствие Небесное!

ОБРАЗ СВЯТОСТИ

Людмила Иванова

церковный фотограф

До сих пор с трепетом вспоминаю тот момент, когда родился кадр — старец Николай благословляет мальчика... Батюшка стоял у забора и... будто Ангел пролетел: я оказалась в нужной точке, и в тот самый момент к старцу направился мальчик. Затаив дыхание, выждала решающее мгновение, важно было не сорваться и не нажать на спуск раньше.

Первый раз я поехала к нему в девяносто четвертом году. Пока добиралась на остров, душа ныла и ждала чего-то судьбоносного. Я не стремилась задать какие-то житейские вопросы, а жаждала узнать нечто, чего на словах-то и

не сформулировать даже. Надеялась, что Господь откроет мне некую тайну.

Батюшка пригласил в дом, но за беседой я все же не смогла ничего спросить, лишь благословилась на съемку. Старец предложил покушать — я отказалась, не знала, что во всем нужно его слушать. Он мне: «Поешь, поешь», — а я: «Спасибо, батюшка, мы только что позавтракали». — «А молитву перед едой читаешь?» — спрашивает отец Николай. «Не всегда, батюшка». — «Надо читать, а то хлеб не хлеб — комом в горле встанет».

Сижу, как под рентгеном. Стала объяснять, что приехала с такой-то целью, а он: «Сфотографировать меня хочешь? А как хочешь сфотографировать?» — «На улице, батюшка». — «Во что ж мне нарядиться?» — «Можно прямо так, батюшка».

Он отправился в другую комнату и вскоре появился с черным подрясником в руках. «Может, в этом?»

«Хорошо», — кивнула я, но глаза старца стали вдруг веселыми. Он хитренько спросил: «А может, в розовом?»

Я растерялась и говорю: «А фотография будет не цветная». Озорная улыбка озарила лицо, и отец Николай опять исчез в комнате. Вскоре вышел в черном подряснике.

Помню, как на улице я забежала вперед, чтобы запечатлеть на пленку, как люди устремились за старцем. Все так быстро происходило, что не успевала навести на резкость, и как только об

этом подумала, старец остановился и пошел медленней. Удалось сделать его портрет у озера и поленницы с дровами, эти кадры были опубликованы в газете «Православный Санкт-Петербург».

Когда вслед за отцом Николаем люди вошли в храм, он нас оставил на какое-то время и долго находился в алтаре. Все напряженно и молча ждали. Вновь возникло прежнее чувство, с которым я ехала к старцу, душа опять стала ныть... Старец вышел на амвон, окинул всех глубоким взором, затем подошел и каждому что-то свое сказал... Неожиданно на вопрос, который мне не удалось сформулировать, я получила емкий ответ.

К рассказу о фотопортрете старца хочу добавить потрясшее меня повествование.

«Надежда в девичестве носила фамилию Иванова, а когда встретила будущего мужа — он тоже оказался Ивановым. Так что она Иванова дважды.

Жили счастливо, но недолго: трагическая смерть мужа вдруг обнажила другую реальность — рядом существовало зло. Бороться с ним не было сил. Одних людей скорби ведут к отчаянию, для других являются толчком к обретению веры. Так случилось и с Надеждой: обращение к Богу не только утешило, но и наполнило земную жизнь новым смыслом. Читая духовную литературу и посещая святые места, Надежда укреплялась в вере.

Ей посчастливилось не раз бывать у батюшки Николая и стать его духовным чадом.

Однажды она стояла в его дворике и глядела, как батюшка мажет людей освященным маслицем. Непроизвольно ушла в свои мысли... "Хорошо, когда есть Господь. А если б Его не было, то даже не знаешь, зачем жить", — думала Надежда. Вдруг заметила на себе проницательный взгляд старца. "Хорошо, когда есть Господь, — подтвердил вслух ее мысли батюшка Николай и тут же добавил: — А если б Его не было — то незачем жить!"».

Слухи о прозорливости отца Николая Гурьянова с острова Залита давно ходили по России. Вот и ехал, тянулся к старцу народ разный. Кто с горем ехал, кто за духовным наставлением, а кто про свою душу понять что-нибудь. Батюшка утешал, наставлял, подсказывал — все во спасение.

...Собрался однажды отец Николай поздним зимним вечером в сильную пургу куда-то идти.

— Батюшка, в такую стужу?.. Зачем? — испугались матушки.

— Зовут, — тихо сказал старец. И, несмотря на уговоры женщин, ушел в ночную тьму.

Ветер выл лютым зверем, метель не стихала. Батюшка долго не возвращался. Бежать, искать — куда?.. Оставалось молиться, уповая на волю Божию.

Вернулся батюшка не один. Мужика замерзшего привел. Тот заблудился в пургу, стал силы терять и даже о смерти думать. Вспомнил он вдруг, как бабы в беде Николая Чудотворца

призывают. От страха взмолился угоднику Божию, хотя и считал себя неверующим.

Отец Николай услышал...

ЗРИ МОЕ СМИРЕНИЕ[18] МОЛИТВЕННИК ЗА ВЕСЬ МИР

Елизавета

Очень часто, когда у батюшки во дворике собиралось много людей, он радовался их приезду и обращался ко всем со словами: «Ведь какое счастье, мои драгоценные, что вы сохранили Истинную Веру! Ведь Бог вот так чувствуется (крепко сжимает одной рукой другую). И если вам кто будет обратное говорить, не верьте. Ведь это мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. Но только, мои драгоценные, горе будет нам дома, если мы в гостях были, да что-то нехорошее делали».

«Мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Но там, дома, двоякое направление жизни — там вечная радость для праведников и страшный, геенский огонь для грешников. И это не какие-нибудь выдумки, нет, это — Истина».

«Я только хочу Вам сказать, мои драгоценные, берегите растительный и животный мир. Кошку, собаку, вот именно, надо пожалеть. Ведь

---

[18] Воспоминания, объединенные общим названием «Зри мое смирение», впервые опубликованы в журнале «Новая книга России», № 5—7/2003. *Публикуются отрывки из воспоминаний.*

это, посмотрите, вот как делают (идет по тропинке и, сделав ожесточенное лицо, дергает за ветку). Это же Бог создал, украсил, а ты такую красоту разорил! Это же страшный грех! Ведь посмотрите, как все Бог устроил. Вот кладбище, под покровом леса-то как хорошо!»

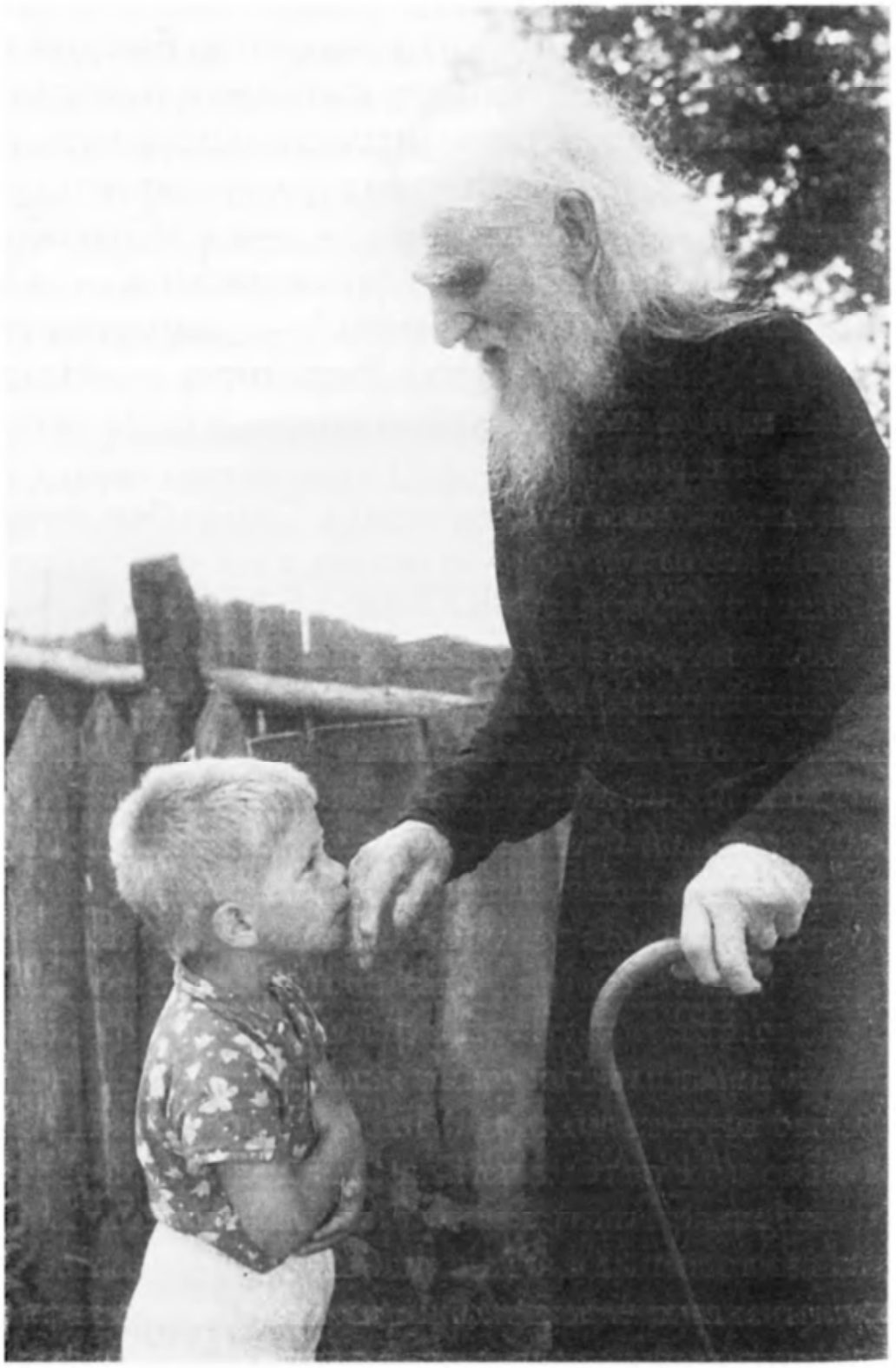
Весь батюшкин облик, все его слова и дела дышали такой любовью ко Господу и ко всему его творению, что людям думалось: если такая любовь у батюшки, то какая же она у Господа!

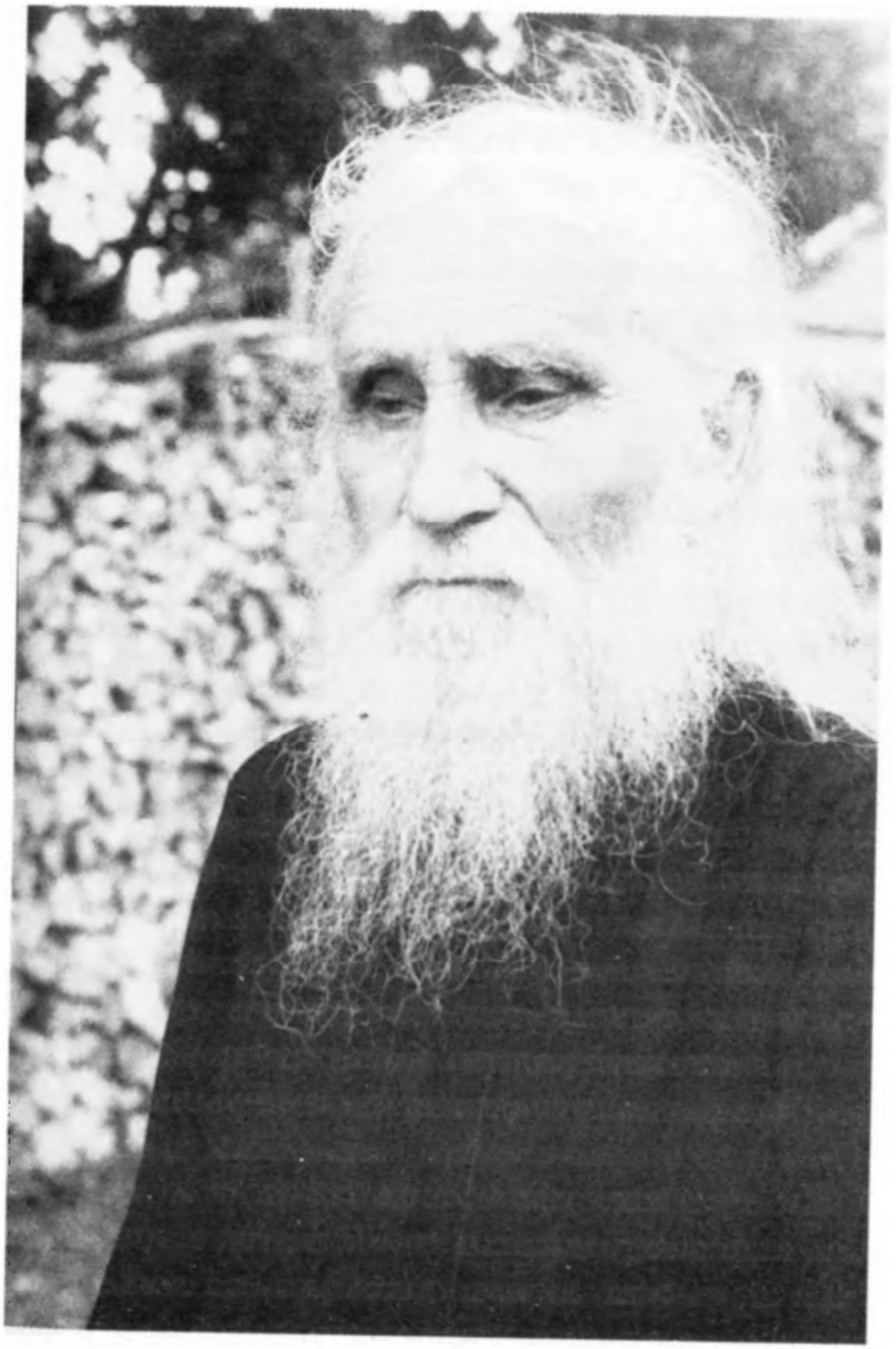
Как-то батюшка шел с людьми по узенькой тропинке, вокруг — трава, и он говорит: «Видите, я палочку несу, мне травку-то жалко», — хотя ноги у батюшки сильно болели.

В другой раз, вспоминая о лагерной жизни (с большим содроганием), говорил: «Бывало, весь день работаешь,-работаешь на холоде, а хлеба дают (и показывает: делит одной ладонью другую пополам) за весь день. И все, знаете, хочется с птичками поделиться. Я ведь с шести лет голубей кормлю. Мне мамушка говорила, что они Бога благодарят».

Батюшка никогда не разрешал убивать домашних пауков, даже трогать их паутинку. С детства у меня было страшное отвращение к паукам, но когда я увидела, с какой любовью относится к ним батюшка, как тонко знает их повадки и законы, то поняла, что я их тоже жалею.

Про своих необыкновенных котиков — Таляпку и Липушку, батюшка, ставя их в пример людям, говорил, что они его слушаются,





даже и чужих людей любят, как батюшка любил даже чужих по духу людей и врагов.

Батюшка всех любил и жалел. Бывало, идет из храма и благословляет с любовью все вокруг: не только людей, но и травку, и дома. Навстречу грязный, пьяный рыбак — и к батюшке обниматься. А батюшка палочку бросил и искренно, крепко его обнял и наставлял.

Батюшка плакал и молился за весь мир и говорил: «Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться: "Господи, избави их от этого вражеского помрачения"».

Как и все великие святые, батюшка все время думал о цели земной жизни — соединении с Господом. Говорил: «Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом».

А когда батюшка произносил слова: «Он раб Божий», — подчеркивая «Божий», его лицо светилось такой теплой радостью! И все понимали сердцем, что это самая великая похвала для человека — служить Богу. О суетности всего остального часто читал стихи:

Все исчезнет в этом мире,
Как трава и цвет в полях,
Нищий в робе, царь в порфире,
Обратятся оба в прах.

«Вы простите, вы простите,
Род и ближний человек,
Меня, грешнаго, помяните.
Отхожу от вас навек».

(или часто: «пока не навек, еще увидимся»)

«Время мчится вперед,
Год за годом идет,
Торопить ничего невозможно.
Время мало у нас,
Береги каждый час
Для молитвы...»

А уклонившимся от пути спасения, читал:

«Душа моя грустью убита,
Я воли Твоей не творю,
И дверь ко спасенью закрыта,
Закрыта дорога к Царю».

Батюшка всегда повторял, что для духовного спасения необходимо несение Креста: «Враг-то, ведь, он Креста боится, как самого страшного огня. Вот почему и против Креста вооружает. Крест надо носить».

Как и все великие подвижники, батюшка имел непрестанную Иисусову молитву и советовал творить ее другим. Многие люди спрашивали, как справиться с одолевающими бесовскими нападениями (уныние, хульные мысли, блуд и т. д.). На это батюшка обычно отвечал, осеняя себя крестом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». И советовал не обращать внимания на вражеские мысли: «Это бесу тошно, что вы молитесь, вот он вас и смущает».

Выше поста и молитвы — послушание, и батюшка часто проверял его. Если выполнишь, батюшка, назвав по имени, скажет: «Я вас давно знаю». И очень гневался и огорчался за непослушание, даже прогонял.

Учил батюшка и необходимой для спасения духовной внимательности и трезвению. Однажды повел нас на бережок возле храма. Погода чудесная, солнышко, на озере тишина, лодочки плывут. Батюшка говорит: «Вот и кораблик поплыл, и чайки летают. А все, знаете, с такой мыслью: душу погубить — какую-нибудь рыбку поймать».

Так, наверное, и в духовной жизни — в самое безмятежное время нельзя забывать, что враг ищет погубить душу.

Но батюшка говорил и то, что остров — надежное пристанище для всех, кто искренне хочет спастись; часто повторял: «Посмотрите: и там — вода, и там — вода, и там тоже — вода, а здесь — сухо!» И, любуясь на летний пейзаж, читал детскую загадку:

«Солнце печет,
Речка течет,
День прибывает.
Когда это бывает?»

Ответ: весной, т. е., если человек приезжает к старцу для покаяния и очищения души, то для души наступает весна — время обновления.

Еще батюшка говорил о том, что Господь любит людей, «любящих правду и труд», и что для спасения необходимо много трудиться, работать над собой, часто напоминал:

«Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали

Ночью и днем.
Не думай, что даром
Твой труд пропадет.
Не думай, что дум твоих
Мир не поймет».

Ленивых учил и обличал своим примером. Однажды батюшка показал свои стихи и ноты и вспоминал: «Ах, как я трудился! Как же я трудился!»

Он говорил, что после ареста в лагере его сперва все звали Коля-молоденький.

Батюшка, как и многие другие старцы, говорил о скором повторении гонений на Православие. При этом, он, зная каждый шаг ездящего к нему человека, часто предостерегал неосторожных. Одно время я в институте много говорила одногрупникам про Бога. Летом приехала на остров, прихожу к батюшке, а у него в руках фотография (сорок мучеников, монахи и священники, замученные большевиками), и он говорит: «Большевики-то и сейчас остались, так нужно осторожно».

Много раз батюшка читал свое стихотворение «В тридцатых годах 20 века». И подчеркивал: «Это моя автобиография».

А однажды мы ехали к нему с рабой Божией N. Батюшка прочитал это стихотворение. Она спрашивает: «Что, батюшка, на север погонят?» — Батюшка ответил: «Так и здесь не юг». — Эта р. Б. N. очень хотела иметь духовное рассуждение, и батюшка ей много открывал.

В другой раз говорил про Серафима Саровского, которого очень любил (и многим благословлял молиться именно ему, говоря, что он всегда все исполняет).

Про последнее время людям отвечал, что «нужно готовиться. Молитвы утренние, вечерние читать и другое что, но по силам». Говорил, что «денег будет много, деньги будем есть. Да умрем, и некому будет похоронить, — но при этом с большим спокойствием и покорностью воле Божьей, — так надо молиться, и Господь помилует».

Один раз батюшка долго не выходил к людям, разговаривая с кем-то в домике. Потом вышел с таким до боли скорбным лицом, какого я никогда еще у него не видела. Наверное, лицо его было похоже на лик Господа во время молитвы в Гефсиманском саду. Видно было, что на душе у батюшки великая тяжесть и, может быть, даже борьба. Обычно батюшка, какой бы ни был больной или уставший, выйдет к людям, и по молитве Господь дает ему силу — он сразу преображается, становится веселым и бодрым, а тут уже не мог скрыть своего огорчения. Но потом, принимая людей, вскоре стал таким, как обычно. Я спросила у одной из бывших там келейниц, о чем же говорили в домике, что батюшка такой убитый? Та нехотя ответила, что разговор шел о его смерти.

И еще один раз батюшка, выходя к людям, не мог сдержать слез и даже таких страшных слов: «Мои драгоценные, какие вы счастливые, что вы не священники!» Видно, ему, как и Серафиму

Саровскому, было открыто, как строго спросит Господь со священства последнего времени за тот пример, который они подают людям.

Иногда батюшке жаловались, что очень тяжело стало жить, что скоро, как говорят, будет голод. Батюшка отвечал: «Так и слава Богу. Может, хоть немножко к Богу пойдем. А то сытые не очень-то...»

Людям из Прибалтики и других мест, где унижают русских, говорил, что это попускается Господом для смирения нашей гордости и благословлял учить язык народа, среди которого живут. Сам он долго жил в Прибалтике и хорошо знал эстонский и латышский.

Однажды батюшке пожелали прожить, как и Феодосию Кавказскому, до 148 лет. Батюшка шуткой, юродствуя, отвечал: «Так мне 148 лет мало, я собирался аж 150, на целых два года больше».

В другой раз говорил: «Мне хочется еще с вами пожить, чтобы была у вас вера чистая, правая и славная. Мне хочется прожить лет до ста сорока, а потом еще сорок — сто восемьдесят, чтобы и дети, и внуки ваши ко мне приехали».

Батюшка, несмотря на большую образованность, всегда учил простоте, повторяя: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного. Не мудруй». И смирение у него было необыкновенное.

Еще в 60-е годы однажды ночью батюшке было видение: хор ангелов пел небесную Херувимскую песнь, и батюшка записал ее. В другой

раз ангелы пели ему «Архангельский глас». И про это великое чудо батюшка рассказывал так смиренно и просто: «Архангельский глас — это ведь моя музыка. Мамушка, мамушка-то моя: "Что ты, что ты мне спать не даешь!" — А я: "Мамушка, ну если я лягу, я усну, и мотив пропал!" — И утром спел, а она говорит: "Ой, как хорошо"».

Говорил батюшка очень просто, кратко, на вопросы отвечал моментально. Видно было, что говорит он не от себя. Но в этом простом ответе была такая глубина, над ним можно было думать годами и часто в одном слове был ответ на несколько вопросов. А когда речь касалась Самого Господа, его язык становился необыкновенно изящным, высоким и благодатным. «Господь наш Иисус Христос ради нас воплотился и искупил наши грехи, — говорил он однажды на прощанье, — и нам даровано великое таинство покаяния, благодаря которому мы можем наше окаянство что? — потерять, и больше не найти». Батюшкино совершенство выражалось даже в дикции — когда он говорил, было слышно каждую буквочку.

И проповеди батюшка читал необыкновенные, в течение 30 лет по одной и той же небольшой книжке «Проповеди святого Иоанна Златоустого». Речь, действительно, напоминала Иоанна Златоустого, никогда его проповеди не повторялись и даже очки при этом батюшка часто, юродствуя, надевал верх ногами. В проповеди говорилась о чем-то важном для всех, но, в то же время, и для каждого в отдельности.

Батюшка, как преподобный, имел право говорить как бы от лица Господа, и про Господа от своего лица. И часто людям на прощанье напоминал о страданиях Господа, да и его: «До свидания, не забудьте Моего страдания». — Или говорил: «Ты меня помнишь?» — человеку, который временами забывал Божии заповеди.

Как-то на прощанье батюшка вдруг сказал: «Я вот вам сейчас свою фотографию подарю». Выносит шоколадку, на обложке медведь на цирковом шаре во весь рост. «Вот, это моя фотография», — говорит. Потом я долго думала, что же общего между цирковым медведем и батюшкой, и только через много лет до меня дошло, что батюшка говорил не только об обложке. Как эта шоколадка, вся — одна сладость и приятность, так сладок Господь и так батюшка полон духовной радости и сладости Иисуса Сладчайшего и делится ею с людьми. Хотя и про медведя я потом тоже многое поняла.

В другой раз вместе с N. пригласил зайти в его келью. Батюшке принесли покушать. Он попросил меня почитать вслух житие святой Евфросинии Полоцкой. Прочитала страниц десять, смотрю, батюшка внимательно слушает, а перед ним тарелка супа остывает. Я его прошу: «Батюшка, вы кушайте». А он: «Я кушаю, кушаю». Так показал он нам, что нужно думать прежде всего о пище духовной.

Иногда батюшка применял довольно резкие выражения к большим грехам. На мой вопрос: «Можно ли дружить с неверующими людь-

ми?» — батюшка отвечал: «Дружить, дружить, и приводить их к вере». — «Так они и слушать не хотят». — «Вот как, слушать не хотят. А родители-то у них есть? И родители неверующие? Ты им скажи: "Мы ведь здесь только временно живем, а ведь там будем вечно-бесконечно. К Богу все равно придем, только вот с чем. А после смерти тела наши восстанут и с душой соединятся"». — «Батюшка, они говорят, что главное — в душе верить». — «Да, главное — в туалет не забыть сходить» (для таких людей).

Курящим и пьющим батюшка говорил так: «А я слышал, курцам такое нужно, из уборной. Знаете уборную-то? Почерпнуть, перемешать с водой и пить. Это тем, кто курит и пьет». И еще говорил: «Курение сокращает жизнь, а сокращение жизни — это самоубийство, а самоубийцы Царствия Божия не наследуют». Он даже не пьяницам пить запрещал, говоря: «Ни капли!»

Батюшка — великий чудотворец, и хотя он очень себя скрывал, нельзя было не поражаться, как по его молитве чудесным образом устраивалась вся жизнь в нашей семье: работа, учеба, жилье, личные отношения.

Моя младшая сестренка лежала в реанимации на искусственной вентиляции легких, надежды на то, что она выживет, почти не было. Я попросила батюшку помолиться, он смиренно сказал: «Ну, может, Бог все управит. Запиши младениицу Анну» (в записочку, чтобы молиться). Вернувшись, я узнала, что с того дня ей сразу стало лучше и ее уже выписали.

Папа спросил батюшку о работе и через несколько недель получил такую должность, о которой можно было только мечтать. И много было других чудес.

Что же касается батюшкиной прозорливости, то ему были открыты все даже мельчайшие мысли человека, он видел, кто и как к нему едет. В этом я убедилась в первую самостоятельную поездку к батюшке (до этого была один раз с мамой, и батюшка больше говорил с ней). Перед выездом мама дала мне большой кочан капусты и сказала: «Увези батюшке». Я очень роптала (ведь можно купить на рынке во Пскове, зачем тащить такую тяжесть), но мама настояла. Пришлось ходить по Пскову с этим кочаном, а ноги были стерты до крови новыми туфлями. Зато когда я приехала к батюшке и после разговора с ним все, утешенные и довольные, стали предлагать ему привезенные продукты, он ничего не брал, и только, глядя на меня и мою капусту, с веселой улыбкой сказал: «Ну, капусточка из дому, так уж возьму! Раз уж из дому».

У батюшки было много тайных подвигов. Как-то он позволил мне пройти в его дальнюю комнатку — не помню, зачем, — и вдруг я увидела, что вся его кроватка усеяна мышиным пометом. Я с ужасом спросила: «Батюшка, они же Вам спать не дают, как же Вы их терпите?» — Батюшка сказал: «Ничего, они мне колыбельную поют: "Спи, батюшка, спи"».

Терпел батюшка и холод, часто в мороз подолгу разговаривал с людьми, накинув только тулупчик, без шапки и варежек.

Как-то я, по обычной для новичков прелести, расплакалась после исповеди у батюшки (я тогда не знала, что плакать на молитве при людях — признак гордости). Когда мне сказали об этом, я даже возмутилась и пошла выяснять этот вопрос к батюшке. Подхожу к двери, стучу, выходит батюшка, но такое чувство, что он не здесь, а созерцает что-то невидимое. Как-то отрешенно и умиротворенно спрашивает: «Что тебе, деточка?»

«Батюшка, правда, что плакать в Церкви — от прелести?» — «От прелести, от прелести». Потом, как бы очнувшись, наклонился ко мне и доверительно спросил: «Так, а вы что, плачете?» — «Да». — «Так, значит, вместе будем плакать». Тогда я поняла, что батюшка, служа, внутренне плакал за весь мир, хотя внешне этого нельзя было заметить, лишь иногда голос его дрожал, особенно на словах: «Христианской кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшнем Судище Христовом просим».

В другой раз передо мной на исповеди стояли два молодых человека. У одного в руках была длинная бумага с исповедью, а другой — просто стоял, понурив голову. Первый исповедовался долго, второй — встал на колени, слышно было, как он от всего сердца громко просил: «Батюшка, что мне делать?»

Потом, после канонов, все с батюшкой вышли на улицу. На озере большой ветер, на крыше храма куски железа грохочут, вот-вот отор-

вутся. Алтарница матушка Анастасия просит помолиться, чтобы крышу ветром не снесло. А батюшка идет и спрашивает: «Где Евгений? Где Евгений? — Подходит к тому, который писал большую исповедь. — Ты Евгений?» — «Нет, батюшка, я Александр». — «А где Евгений?» — «Я, батюшка», — назвался тот, второй.

«Помолись, чтобы крышу ветром не снесло», — так батюшка утешил и показал, как искреннее покаяние принято Богом.

Однажды я жила на острове несколько дней, не причесываясь. Пришла к батюшке, а он спрашивает: «Где мой гребешок-то? Сейчас по марканам поищу. Я, кажется, сегодня не причесывался». Нашел, причесался при мне. «Дай-ка мне зеркальце». — Я подала ему зеркальце. Батюшка посмотрелся в него и довольно сказал: «Ну вот, теперь хорошо».

Чтобы понимать батюшкин язык, нужно было к каждому его слову приставлять слово «духовно». Например, батюшка почти всем людям благословлял уезжать из Москвы и Санкт-Петербурга, говоря: «Там плохой климат» (духовно тяжелая атмосфера).

Батюшка мог даже ударить, но по-разному и с разным смыслом.

Однажды по дороге на остров я купила в подарок батюшке несколько книг и, приехав, предложила ему их. Особенно батюшке понравилась одна книжка, и он с умилением прочитал название: «О кратковременности здешней жизни, о смерти и вечной жизни».

В другой раз батюшка сильно ударил меня по щеке и сказал: «Видишь, и не упала». В скорости Господь попустил сильное искушение, в котором я устояла благодаря батюшкиным молитвам.

Еще как-то напало на меня какое-то уныние, разленение, стеснение в мыслях. Пришла к батюшке, и, не успев договорить: «Батюшка, я ослабела духовно», — получила удар по лбу со словами: «Не сметь слабеть!»

Все вражеские мысли как рукой сняло, и от этой заботливой отеческой строгости стало очень радостно.

О начале второй Чеченской войны мы узнали за несколько месяцев, находясь на острове. Один из приехавших людей не постеснялся при всех признаться батюшке, что убил человека. Батюшка мягко спросил: «Так ты, наверное, случайно?», — но он без оправдания исповедовал свой грех: «Нет, батюшка, намеренно, из-за женщины. Мне старцы в Печерах сказали, что осенью будет война, меня призовут в солдаты и там убьют, и этим я искуплю свой грех».

Батюшка не отрицал, что будет война, было видно, что он внутренне помолился и сказал: «Нет, не убьют», — дал ему наставление.

Мы еще раз убедились в высоте батюшкиной молитвы: если другие старцы только открыли человеку волю Божию о нем, то батюшка своей молитвой ее изменил, а, может быть, даже и взял этот грех на себя.

«НАСТАВНИЧЕ МОНАХОВ»
Инокиня Надежда

Теперь наш монастырь находится за границей, а когда-то это была одна страна, одна земля. Чтобы никого не обидеть, не буду называть имен, напишу только факты.

Как-то зимой игуменья отпустила меня на остров вместе с паломницей Л., которая находилась тогда в монастыре. Сейчас я понимаю, какое у моей попутчицы было доброе, неравнодушное сердце. Много она пережила за свою жизнь, а теперь на ее руках был близкий парализованный человек, за которым она с любовью ухаживала. Часто в дороге она с тревогой вспоминала о нем и очень волновалась. А я в душе явно превозносилась над ней, да что там «мирской человек», то ли дело я — «инокиня». Часто в дороге перебивала ее и говорила, что надо непрерывно молиться, т. к. мы едем к старцу и не надо отвлекаться на мирское (хотя она болела сердцем о дорогом ей, в данное время страждущем без нее человеке). Когда мы от Толбы ехали на буране, она как-то просто, по-матерински обо мне заботилась, не обижаясь на то, что я с гордостью прерываю ее на полуслове, заставляя молиться.

Вход к батюшке тогда был свободен. Не помню как, но мы оказались у него в келье. Я гордо восседала на стуле, продолжая превозноситься над своей попутчицей, которая все говорила о «мирском», то ли дело я, «молитвенница»,

да еще ведь в облачении. Но батюшка совсем не обращал на меня внимания, а ее слушал с заботой, участием и очень сопереживал всем ее проблемам. Своим поведением по отношению ко мне батюшка показывал, как отвратителен и смешон в очах Божиих гордый человек, но я, будучи полностью ослеплена грехом, не видя и не осознавая своей низости, спросила:

«Батюшка, простите за дерзость, но можно ли мне Вас считать своим духовным отцом?»

Батюшка: «Вас же ко мне не пускают», — и обернувшись к Л., улыбаясь: «А вас-то я давно знаю».

Она по-родному ему ответила: «Да, батюшка, еще со Старой Вишеры».

Батюшка ей: «У вас есть мои песни?»

Она: «Нет».

Батюшка подарил ей свою книгу стихов.

Я: «Батюшка, и у меня нет».

«И Слава Богу, что нет», — очень серьезно ответил батюшка.

Слова батюшки: «Вас же ко мне не пускают» — означают, что мои страсти между мной и Богом как стена и я не могу быть с Ним рядом, или бесы держат человека из-за его страстей. Хотя физически я часто бывала у батюшки, но духовной близости у нас не было. А вот простого человека, заботящегося о других, Господь любит и принимает.

Другой раз батюшка принимал у себя на крылечке. Очень хорошо помню, как я вошла к батюшке во дворик, и тут же подступили настой-

чивые помыслы гордости, недоверие к батюшке, будто он простой, обыкновенный человек. Тогда я с уверенностью попыталась их отвергнуть и подумала, что очень грешная, а батюшка все знает и его молитва все может.

И — о чудо! — батюшка впервые за несколько лет меня встретил с неописуемой любовью. — Только в начале духовного пути, до вступления в монастырь, когда я ничего о себе не думала и действительно ничего не знала, батюшка тепло встречал меня, а в последующие годы — когда я приезжала к нему из монастыря — встречал холодно, как бы не замечая, хотя в монастыре этом я была по его благословению. Там-то я и стала принимать горделивые помыслы, была равнодушна к переживаниям других и превозносилась над всеми, особенно прихожанами и мирскими людьми, но по ослеплению я этого не замечала. Заботилась лишь о скрывании своих внутренних помыслов, приспосабливалась очень хитро (при внешней простоте — изображала из себя «святость, молитвенницу»). Настоящего стремления к очищению души не было. Мое лицемерие вопияло и вопиет ко Господу, поэтому-то батюшка в таком состоянии не мог узнавать меня.

Но в этот раз батюшка сказал: «Я-то вас давно знаю, поняли?» Потом говорил, как будто мы давно знакомы, о себе. И был в это время радостным и очень близким.

А однажды, когда батюшки уже не стало, он пришел ко мне во сне и спросил:

— Читать-то умеешь?

На мое недоумение он, стоя перед алтарем, сказал:

— Надо учиться читать.

И я поняла, что до сих пор не владею духовной грамотой и пока не начну работать над собою в этом направлении, до тех пор Царские врата вечности будут для меня закрыты.

ВОСПОМИНАНИЯ Г.[19]

Во второй половине восьмидесятых годов мне пришлось пережить тяжелейший внутренний кризис. Я потеряла доверие к духовнику и к человеку, которого считала старшим другом. Я глубоко благодарна им обоим за многое, но, в силу человеческих немощей, оба они вели себя некорректно. Имея полное доверие к архимандриту Иоанну (Крестьянкину), вначале я собралась ехать к нему, но он к тому времени еще не вернулся из отпуска. У меня тяжело болела мама, поэтому я выехала при первой представившейся возможности, в день Преображения Господня, к отцу Николаю на остров Талабск. Август стоял жаркий, озеро было лениво и спокойно, меня особенно поразил его плотный, теплый цвет густого какао. По чистому хрустящему песку на острове я пошла вверх, к маленькой белой церкви. Передо мной торопливо бежали трое человек, в которых я узнала прихожан своего храма. Батюшка оказался дома. Трое уже

[19] Записано Галиной Чиняковой.

стояли во дворе, я же не справилась со щеколдой и осталась ждать, сидя на громадном гранитном валуне перед калиткой. Отец Николай заметил мое затруднение, оставил посетителей и вышел: «А Вы что хотите? Я ничего не знаю. Я по-русски не понимаю». Он пригласил во двор и усадил меня на одну скамеечку с торопливыми гостями: «Посидите тут. В тесноте, да не в обиде, да». Я очень нервничала, потому что трое человек никак не могли закончить беседу. Наконец батюшка простился с ними и попросил меня зайти в домик. Глаза не сразу привыкли к темноте крошечной комнатки. Отец Николай ласково усадил за стол, над которым висела какая-то большая бумажная икона. Он внимательно расспросил о моих обстоятельствах, о месте работы, о предполагаемой диссертации, все время приговаривая: «Ах, как хорошо, очень хорошо, работай, тебе пока надо поработать, защищай диссертацию, если есть такая возможность». Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство русского народа, я была почти в состоянии отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слезы. Старец не перебивал меня, покачивал головой: «Так, так». Затем он спросил: «А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?» Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет, и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного Суда. Батюшка указывал на

дьявола: «Вот кто тебе показывает все. Гляди, какой он. *Это Страшный Суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай).* Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: „Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение"». *Одному священнику на вопрос об отношении к иудеям батюшка спокойно ответил, что они люди хорошие, на которых есть благословение Божие, но лучше общаться со своими.* «*Как у нас все хорошо. Все хорошо, да, и мы к этому хорошему привыкли.* Помоги нам, Господи. *Какое счастье, что нас ждет, ждет-то нас, посмотрите. Вот куда, а не сюда. Посмотрите. Там — вечность, и вечное мучение, и горе какое в эту вечность попасть! Боже упаси!*» *Выслушав рассказ о том, как духовник не только открыл тайну исповеди, но и извратил ее смысл, отец Николай был потрясен: «Не может быть, это страшный грех, нам нельзя». Вместе с тем он продолжал: «Ты к* Богу *идешь, а не к священнику. Священник — это еще не Церковь. Он — человек, пусть его живет, как он хочет. Что бы он ни сделал, пока он не запрещен архиепископом, он имеет право служить и совершать все таинства. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: "Господи Иисусе Христе, прости грех батюшки. Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешную". Если уж очень он тебя (ранил), ходи в другую церковь. Никому не рас-*

сказывай об этом. В любом храме тебе будет духовник. Постоянно ни к кому одному прилепляться не надо. Кому Церковь — не Мать, тому Бог — не Отец. В отношении духовного руководства... Есть у вас Троице-Сергиева Лавра, вот ведь приехала же ты ко мне. Живите в мире, в любви, в согласии. Пой в храме, родненькая, радуйся, что с Господом. Петь нужно, трудиться. И в миру-то говорят: «Не трудящийся да не яст». Да. Одиночество? — Ничего не тяжело. Как хорошо. Правил себе больших не набирай, а утренние и вечерние молитвы надо читать обязательно, а то бывает, что не читают. Перед едой дома надо перекреститься, на работе ведь не перекрестишься, если только незаметно».

После беседы мы вместе с отцом Николаем поспешили ко всенощной. Батюшка позволил остаться на ночь, если кто-нибудь согласится принять к себе. Ни одна из местных прихожанок не принимала. Отец Николай время от времени выбегал из алтаря: «Что, неужели ничье сердце не умилостивилось?» Наконец женщина в темном пиджачке, со строго сжатыми губами, вздохнув, решилась пустить. Оказалось, она была почти единственной, кто разрешал ночевать у себя. Добрейшей души, смиренная, улыбчивая, открытая Антонина Васильевна Белова. *Во время исповеди батюшка не разрешал говорить ни о чем постороннем, кроме грехов: «Ты перед Евангелием стоишь. Если гневаешься, посердишься на кого, вот об этом говори».* После службы,

благословляя остаться у Антонины Васильевны, отец Николай подарил несколько белых булок, во-первых, чтобы не приходить в гости с пустыми руками, во-вторых, наказывая отвезти подарок от него больной маме.

В храме во имя святителя Николая батюшка после вечернего богослужения имел обыкновение петь величание иконе Божией Матери «Спорительница хлебов»: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоея, и яви милосердие Твое». Когда впервые, стоя против чудотворного образа Пречистой «Благодатное Небо», я услышала, как перед Царскими вратами он запел величание, мне показалось, что отец Николай стал выше ростом, и я, живо почувствовав реальное и близкое присутствие Пресвятой Богородицы, упала перед Ней на колени. Утром, после Божественной литургии, батюшка говорил краткое слово: «*Вы, мои дорогие, только истово осеняйте себя крестным знамением и просите, надейтесь на* милосердие Божие. *Бывает, потеряет кто веру, озлобится, отойдет от Церкви — его ждут страшные мучения. Нужно молиться и просить милосердие Божие, не спасет ли как его Господь. Говорят, наша жизнь стала непереносимой. Это, мои дорогие, — наш крест, он по нас, мы его достойны. Это, мои дорогие, не Христов крест, а личный, наш собственный, и мы должны понести его*».

Вечером мы простились с отцом Николаем, я проводила его до дома и убежала к своей доброй

хозяйке. Мы с ней пили вечерний чай со свежей жареной мелкой рыбкой, беседовали. Антонина Васильевна, улыбаясь, рассказывала, как отец Николай, биолог по образованию, расправлялся с посаженным ею луком: «Прибежит, все переломает и убежит, а на другой день поднимается такой красавец лук — залюбуешься». На улице дул ветер, моросил мелкий, неприятный, холодный дождь-сечка, а в доме было тепло и уютно. В дверь постучали, и хозяйка попросила меня открыть, забрать рассаду у соседки. Я выскочила в сени, отворила дверь: передо мной в стареньком подрясничке, с непокрытой головой стоял батюшка Николай с большим пакетом яблок в руках: «Галинушка, я тебе яблочков принес на дорожку, возьми. Сохрани тебя, Господи, до свидания». На крыльцо вышла растерявшаяся Антонина: «Антонинушка, жива ли ты? Я только и хотел спросить, жива ли ты». Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. *Сердце примирилось со всеми.*

В 1988 году отца Николая наградили митрой и правом служения с открытыми Царскими вратами до пения Херувимской песни. Прошел год, душа затосковала по ласковому батюшке, и в день празднования Казанской иконы Богородицы я вновь поехала на остров Залита. День был прекрасный, душа радовалась скорой встрече с отцом Николаем. Сойдя на острове с катера, я побежала к домику старца. Батюшка уже открыл калитку и стоял, поджидая гостей: «Это ко мне

пришли? Что Вы хотите? Вы откуда? Из Москвы? До самых до окраин? Скорее говорите, пока никого нет, говорите, что у Вас, а то нам помешают». От радостного волнения у меня перехватило горло, и я едва могла удержать слезы. Отец Николай понял мое состояние, махнул рукой: «Идите купаться». Позже, после службы, я несколько успокоилась, рассказала ему о себе и о близких мне людях. Мама была больна раком и собиралась делать вторую операцию. Батюшка отозвался о ней как о бесполезной, но наказал усиленно просить милости у Бога для мамы и для брата. Выслушав о смущающих обстоятельствах в духовном пути близкого мне человека, сказал: «Оставь это, радуйся и веселись, и *убегай всякой неправды*, маму чти и не оставляй утренних и вечерних молитв. Пой, радость, *Господу*, пой во славу *Господа*». *С монашеским постригом спешить отец Николай вообще не советовал, особенно людям, живущим вне монастыря, в миру, и настойчиво призывал сохранять веру.*

Необычайно меня поразило отпевание безродной старушки, жительницы острова. Батюшка сам зажег свечи на всех подсвечниках, надел праздничные облачения, уставил гроб по периметру горящими свечами и служил величественно, торжественно. Чувствовалось, что душу усопшей он передавал прямо в руки Божии. Мне подумалось, что величайшим было бы счастьем, если бы и меня так же проводили в последний путь.

В 1990 году я приехала на остров Талабск уже в третий раз. В дороге на катере мы разго-

ворились с молодым семинаристом Дмитрием из Львова, где тогда бесчинствовали униаты. Батюшка благословил его на священство. Закончив разговор с семинаристом, он направился ко мне. Я ждала его, сияя от радости. Отец Николай быстро подошел и неожиданно сильно ударил по щеке. Молча посмотрел в глаза, в сердечную глубь, и ударил второй раз по другой щеке. От ужаса я остолбенела: «Господи, что же я натворила?» Так, всматриваясь, он повторил несколько раз, уже приговаривая: «Все у тебя хорошо, все хорошо». Наконец пригласил сесть: «Что на меня смотреть, я — грешный человек», — напомнил физическую формулу, которая гласила, что сила деформации равна силе действия, и засыпал прибаутками. Я молчала. Батюшка резко прекратил свои приговорки и спросил, с чем я приехала. Признаться, мне более всего просто хотелось его увидеть, как живую икону. Он расспросил о моей жизни, порадовался, что я вечерами читала и пела в храме. Узнав, что за три года не смогла защитить диссертацию из-за маминых операций, велел оставить работу. «*Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться*». *Батюшка советовал мягко, ненавязчиво стараться привлекать близких знакомых к Церкви.* «*Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом.* Молись Державной иконе Божией Матери, Она все устроит. Чаще к Матери Божией прибегай. Оставайся так жить, как живешь, канонов читать

не нужно, только не оставляй утренние и вечерние молитвы».

Вечером в храме пели Акафист преподобному Серафиму Саровскому. После службы, благословляя на ночь, батюшка напомнил: «Вот я тебе по щечкам-то давал, больно тебе было. Будут тебе, как я, по щечкам давать, — по левой дадут, а ты подставь правую, притворись, что ничего не знаешь, скажи им: "Я — придурок". Терпи. Будет больно, будут щечки горeть. Терпи». Меня беспокоили сокращения богослужения в храме, где я служила. «В службе от себя ничего не прибавляй, служи по Уставу. Их дело — нарушать, а тебя Господь вразумит. О переводе богослужения на русский язык — на это есть высшая духовная власть, она прекратит все это, а мы — люди маленькие. Не говори, что время ныне смутное, люди сейчас, люди такие. Хорошо там, где нас нет. Нужно ежедневно читать Евангелие». Вновь легонько похлопал по щекам: «Все у тебя хорошо, ***помыслы об одиночестве — это все молодость, молодость***».

Я спросила, спасет ли Господь Россию. «Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо». Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: «А она и не умирала. Нет-нет-нет. Нет-нет-нет. *Где просто, там ангелов со сто, где мудрено, там — ни одного*. Когда нам кажется, что уже — все... Нет...»

На следующий день после Литургии отец Николай говорил проповедь: «Вот, мои дорогие,

сегодня — день памяти угодника Божия, преподобного Серафима. По молитвам угодников Божиих Господь исполняет наши просьбы, исцеляет, продляет годы жизни. Я вот старый человек, а мне тоже пожить хочется еще. Потому что жизнь — красивая.

Цель нашей жизни — вечная жизнь, вечная радость, Царство Небесное, чистая совесть, покой, — и все это в нашем сердце».

Я приложилась ко кресту, простилась с отцом Николаем. Пора было уезжать, и я боялась опоздать на мотобот, а старец все не отпускал, все ласково похлопывал по щекам, улыбался и приговаривал: «Все у тебя хорошо, тю!»

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ СТАРЦА

Сергей Евгеньевич Васильев

В 1995 года я получил благословение старца Николая на то, чтобы принять пост генерального директора завода АТИ. Батюшка тогда меня благословил и прибавил: «Только не бросай». Тогда мне эти слова были непонятны — как можно взять дело и сразу бросить? — а потом у меня было столько сложных моментов, когда действительно все хотелось бросить, но я вспоминал слова старца...

Потом я часто ездил к батюшке и организовывал к нему благотворительные поездки па-

ломников. Удалось отснять целую видеокассету батюшкиной службы и проповедей. Правда, батюшка от себя никогда ничего не говорил, он читал слова святых отцов.

Батюшка вообще в поучениях своих был немногословен. Мне больше всего запомнилось, как он повторял: «Любите родителей». Две-три фразы батюшки раскрывали целый мир. Они были настолько емкими, что проникали прямо в сердце. В то время, слава Богу, я имел возможность исповедоваться у старца и причащаться из его рук.

По молитвам батюшки произошло незабвенное для меня событие — обретение моего отца. После смерти мамочки папа очень затосковал; чтобы отвлечься, ездил один на дачу покопаться в земле. И вот пропал. Бросились его искать, отец Иоанн позвонил к отцу Николаю на остров. Старец сказал: «Нужно отслужить молебен у иконы Божией Матери "Взыскание погибших"». И вот, именно во время совершения молебна зазвонил телефон — папа нашелся. Конечно, по молитвам батюшки. Если бы мы опоздали даже на несколько часов, было бы поздно: его похоронили бы в безымянную могилу, и мы ничего не узнали бы о нем. Не узнали бы, что он умер от сердечного приступа в электричке. Но я благодарен Господу за то, что и папочка и мамочка незадолго до смерти исповедовались и причастились в храме в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша», ктитором которой я являюсь...

А батюшка, когда благословлял на служение молебна, я уверен, все уже знал.

Когда я вспоминаю глаза батюшки, я говорю себе: «Он был неземной человек. Его глаза были как окна в райские обители. Как будто не просто смотрел в глаза человека, а получал весть от Отца Небесного».

Батюшка Николай знал все и про всех, но не говорил об этом.

В последние две моих поездки на остров Залита я батюшку не видел и записки даже никакой не подавал, но, уже подходя к его домику, я все понимал. Была возможность батюшку увидеть, мы в последние годы возили к нему врача, но не хотелось его беспокоить, не было нужды. Уже у ворот его домика охватывал такой мир и покой...

Я постоянно чувствовал заботу батюшки и всегда, каждый день не только поминал его на молитве, но и просил: «Батюшка, помоги».

Кроме того, в последнее время я стал реже ездить на остров, потому что не мог идти против слов старца: «Что вы ко мне ездите? У вас есть отец Иоанн Миронов, мой брат».

Можно сказать, что старец научил меня, как относиться к духовнику. Я стараюсь отца Иоанна не мучить вопросами. Я знаю, как он загружен. Я знаю, что он за меня молится — и это главное. Я ведь постоянно рядом с батюшкой нахожусь и вижу, как решаются самые разные вопросы. Так набираюсь опытности.

...А недавно, когда я был на Афоне, мне отец Николай напомнил о себе. Я, как уже говорил,

снимал его в 1995 году на видеокамеру в храме. И вот батюшка увидел это, бежит, как будто возмущается: «Это кто здесь снимает?» Подошел, камеру взял в руки, как будто разбить хочет. Я про себя-то подумал: «Камера дорогая!» А вслух сказал: «Бейте, батюшка». И голову склонил. Батюшка говорит: «Вижу твое смирение, бери».

И вот на Афоне историей с видеокамерой старец мне напомнил о себе. Я забыл о том, что на Афоне запрещено снимать на видео, и начал снимать уже на катере. Ко мне подлетел свирепый конвоир со словами, что нужно теперь возвращаться, сдавать камеру на хранение. А я ему говорю: «Хорошо. Но, если можно, я у вас оставлю камеру, а на обратном пути, если захотите, вернете мне ее, а если нет, можете себе оставить». Он камеру забрал, отнес в сейф, а потом через какое-то время приходит, вызывает к себе в каюту и отдает камеру! Как тут было не вспомнить урок смирения, преподанный мне девять лет назад старцем.

Чудный, чудный старец и непонятный. Проповедей не говорил, длинных наставлений тоже, от себя вообще ничего не говорил, все пословицы, поговорки, да чужие стихи читал и пел. Одел он на себя панцирь, закрылся от мира. Так и прошел по миру, никем не понятым.

ОДНА ВСТРЕЧА, ПЕРЕВЕРНУВШАЯ ЖИЗНЬ

Многие паломники побывали у старца на острове всего один раз, но эта единственная встреча перевернула всю их жизнь. Вот эти краткие свидетельства.

Монахиня Силуана, насельница Покрово-Тервенического монастыря

Вопрос с выбором монашеского пути у меня уже был решен. Было назначено и место послушания — Свято-Успенский Пюхтицкий монастырь. Я поехала к старцу Николаю за благословением. И вдруг, к моей великой печали, старец не дал мне благословения, при неоднократном вопрошании. И вот, когда мы уже стали уезжать, видим — отец Николай буквально бежит к уже отплывающему катеру, и с берега кричит мне: «Под покров Царицы Небесной». Через четыре месяца я уже была послушницей в нашем монастыре. Произошло это «случайно». Жила я тогда в питерском районе «Дачное» и была давней прихожанкой Никольского собора. Но после приезда с острова я вдруг подвернула ногу не смогла ехать в Никольский, а пошла в ближайший храм в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Этот храм оказался городским подворьем Покрово-Тервенического женского монастыря. На исповеди в этом храме я услышала: «А вам, матушка, путь в монастырь».

В монастыре, в скиту в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша», я получила послушание заниматься с наркоманами и вообще «трудными подростками и молодежью». Вот с одной из таких девочек, которая когда-то работала в варьете, и которая постоянно жаловалось на себя, что не может справиться с собой — прическа, походка, одежда, косметика, курение, блуд — и постоянно приходила от этого в отчаяние, я и поехала к батюшке. И вот, когда мы приехали, старец так ласково ее встретил. Стал гладить по спине и приговаривать: «Какая же ты хорошая». После этой поездки жизнь ее стала меняться.

Иеромонах Савватий, благочинный Спасо-Преображенского Валаамского монастыря

Мне особенно запомнилась такая картина, которая может служить духовным назиданием для всех нас. У хибарки старца стоит толпа народа, каждый стремится первым, погромче высказать свой вопрос. А старец поднял руку к небу и говорит: «Облака, осень скоро, холодает, а потом зима, лед, а по льду скользко ходить. А мы еще и танцуем. А можно упасть и разбиться».

Вот как образно старец обличил внутреннее состояние: «все у нас пляшет: и мысли, и дела, и чувства сердечные». И после этих его простых слов все успокоились, и тихо, шепотом, по очереди стали задавать свои вопросы.

Врач А. О. Терещенко

Эту историю мне рассказала одна моя пациентка. За два года до кончины старца она ездила к нему с вопросом: надо ли ей делать операцию по причине камней в почках.

Старец ответил: «Пока не надо, а вот через два года благословляю». И крестик дал, как благословение, а потом добавил: «А иконочку передай Нине». Никакой Нины она не знала, так и осталась у нее до времени эта иконочка. А та самая Нина в это время (как потом выяснилось) рвалась на остров, но не сумела попасть.

И вот через два года обе эти женщины оказались в больнице, в одной палате, после операции. Познакомились — и иконка нашла своего хозяина.

Ольга и Сергей Стецкие

Мы ехали к старцу в великой скорби. Наша мать серьезно болела психически, мы отдали ее в больницу. Прошел определенный срок, и надо было решать — просить еще оставить ее в больнице или брать домой. Ее болезнь выражалась, кроме всего прочего, в неприятии святыни. Старец сказал нам слова, которые нам было трудно воспринять: «Домой. Все будет хорошо. Она хорошая».

Ехали мы с острова с решимостью «духовно потрудиться», потому что с ужасом вспоминали, что было до больницы. Оля всю дорогу плакала.

Но по молитвам старца произошло чудо. Мама, еще молодая женщина, без особых физических болезней, вскоре после того, как мы взяли ее домой, мирно отошла ко Господу, соборовавшись и причастившись. Мы верим, что Бог ее взял в самый благоприятный для ее души момент и по молитвам старца — после исповеди и Причастия.

Воспоминания Анатолия и Ирины Жбановых

Однажды мы с Толей приехали на остров и вместе с большой толпой стояли, ждали, когда выйдет отец Николай. Дверь отворилась, старец вышел из домика и стремглав побежал по тропинке к храму. Толпа бегом кинулась за ним. Отец Николай вбежал в храм и через некоторое время тихо вышел из него. У входа его уже ждали запыхавшиеся паломники. «*Чего вы за мной бежите? Вы бы в храм так каждый день бегали, как сегодня за мной бежали*».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Д. А. Левашов

Мир знает разных людей: богатых и бедных, добрых и злых. Монастырь — совершенно другое пространство, отличное от мирского, там неприменимо различение людей по какому-либо социальному статусу или имущественному цензу. Хотя можно различить

чин (звание) иеромонаха и простого инока, но истинное отличие — в дарах благодати, которую Господь дает подвизающимся во имя Его. Старец — человек, который стяжал «доброту» сознательно, и не доброту даже, а Сверх-доброту, благодать Божию. Сердцем, исполненным любовью ко всем, он молит милостивого Господа о нас, принимая наши грехи на себя, ибо любящий призван разделить ношу возлюбленного. Принимая наши грехи на себя, он познает и нас, и наши поступки, поэтому и знает сокровенную глубину человеческую. Издревле на Руси шел православный народ за советом, молитвенной помощью и просто для радости духовной то к Киево-Печерским старцам, то в Сергиеву Лавру, то на Валаам. Много знает Русь душ святых, осиянных светом Христовым.

В годы Советов уничтожение Православной Церкви стало чуть ли не одним из направляющих внутренней государственной политики. Ибо либо во Христа верить, либо в «светлый путь» социализма. Много было убиенных новомучеников, пострадавших за Христа. Оборвалась нить старческой преемственности во многих обителях, сейчас с Божией помощью восстанавливаемых. Но *«щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Не до конца гневается, и не вовек негодует»* (Пс. 102, 8—9). Не оставил и нас, христиан «века последнего», без живых свидетелей благоволения Своего.

Об отце Николае с острова Залита я узнал еще в Псково-Печерском монастыре в году

1995, даже пытался попасть к нему, но, видимо, Господь не сподобил. Позже, листая какую-то газету, на снимке я увидел лицо старого священника. Черно-белый снимок плохого качества, но даже на нем, как бы через газету, был виден свет, идущий от лица отца Николая. Позже одна моя верующая знакомая, побывавшая у батюшки, умиленно рассказывала о том, как она привезла батюшке в подарок вязаные шерстяные носки, и как отец Николай, встретив ее у храма, улыбнулся и, не зная о подарке, так как сказать ему о нем не мог никто (так как знать ему было неоткуда), сказал ей:

— А ноженьки-то у меня болят.

Долго откладывалась моя поездка к отцу Николаю в связи с разными обстоятельствами, когда наконец в конце марта мы приехали в село Большая Толба, что под Псковом, откуда надо было добираться по озеру до острова Залита. Идти надо было сначала по болоту, потом — по льду самого озера. По словам местных, пройти по болоту нам было невозможно без резиновых сапог, за машину до острова просили немыслимые деньги, как вдруг мы увидели белую машину, направляющуюся к озеру, а потом и самого водителя, на голове которого, к нашей радости, была камилавка. Иеродиакон Давид посадил нас в машину, перекрестился, и мы поехали, или, вернее, поплыли, так как вся дорога была затоплена водой. Проплыв, пробуксовав, прорвавшись через болото, мы выскочили на озеро. Ослепительно белое поле льда, машина, идущая

на скорости более 100 километров в час (ехать медленнее было опасно — машина могла пойти под лед), постепенно вырисовывающиеся очертания острова, и вот — купол храма, в котором служил отец Николай. Весь двор и крыша кельи были сплошь усеяны голубями, которые садились на руки, когда мы кормили их хлебом. «Кто дал бы мне крылья, как у голубя», — вспомнили мы слова молитвы. На дверях кельи записка о том, что батюшка не принимает, так как болеет. Продрогшие, мы стояли у калитки, как вдруг старушка прибежала к нам и чуть ли не насильно увела пить чай к себе в избу.

«Оставайтесь, оставайтесь у меня, да, да, батюшка болеет, но Бог милостив, может завтра и записочку передать сподобит», — говорила она, наливая нам чай. Отогревшись, мы пошли на службу в храм, где прислуживал уже знакомый нам иеродиакон Давид. Однако главной цели — увидеть батюшку — мы не достигли. Помолившись, легли спать, надеясь на завтрашнее чудо, на то, что увидим и поговорим со старцем. Встав утром, мне что-то стало припоминаться... Сквозь череду сновидений той ночи, мне ясно запомнилось одно — как стою у калитки, надеясь хотя бы передать записку батюшке. Ко мне выходит келейница, отворяет калитку, я вхожу во двор, передаю записку, и вдруг вижу в окошке лицо батюшки. Мгновение — и я стою уже в горнице, перед старцем. Задаю так давно мучающий меня вопрос, краски исчезают, уже ничего не вижу,

просыпаюсь в комнате, где сплю, а в голове — ясный и четкий ответ.

На следующий день весь остров был окутан туманом, как мягким покрывалом. Вокруг келии так же пустынно, только голуби — птицы небесные — все так же безмятежно воркуют, сидя на крыше и ветках дерева. Мы стояли у келии с легким сердцем, улыбаясь новому дню. Уже надо было уезжать. Когда меня сейчас спрашивают, видел ли я старца, я, улыбаясь, отвечаю: «И да, и нет».[20]

ДЕВЯТЬ ВСТРЕЧ
Воспоминания об отце Николае Гурьянове Емилиана Лашина

Встреча первая

Дождь начался еще во Пскове и лил не переставая. Город выглядел каким-то приземистым и невыразительным. Только Завеличье по-прежнему волновало сердце своими белесыми монастырьками, напоминавшими белобрысые детские головки, которые словно высунулись из-за плетня заброшенного деревенского дома, поросшего лопухами и крапивой. Река Великая набухла глухой свинцовой тяжестью и с тихим урчанием переворачивала свои

[20] Газета «Община и XXI век. Православное обозрение». 2000, №2, октябрь; http://www.21v.ru.

волны. Было около семи утра, когда мы добрались до полуразвалившейся пристани, от которой ровно в семь должен был отчалить катер с названием «Заря», доставлявший паломников на остров Залита. Но в этот сумрачный сентябрьский день паломников было только трое — я и мои две спутницы из Петербурга... У каждого из нас были серьезные проблемы и тяжелые жизненные ситуации, с которыми мы и ехали к необыкновенному старцу, отцу Николаю Гурьянову...

Об отце Николае я, прожив в Петербурге всю свою жизнь, как ни странно, узнал вовсе не от своих земляков, а от знакомых из Минска... И это тоже особая история, в которой сегодня уже явно различим промысел Божий.

Я был очень болен, и мне требовалась сложнейшая операция; операции подобного рода, по слухам, удачно и не очень дорого проводились белорусскими врачами. Спросив благословения у своего духовного отца, покойного ныне отца Василия Лесняка, который тоже был родом из Белоруссии, я купил билет на поезд и пришел на службу в родной Шуваловский храм. После Литургии прощался со всеми знакомыми, просил молиться, в том числе и свечницу Галину — это была нежная интеллигентная женщина, в прошлом врач-психотерапевт. Узнав, что я еду в Минск, она обрадовалась и просила, если будет возможность, разыскать там ее племянницу, от которой давно не получала вестей, что я и выполнил. Племянница оказалась студенткой консерватории, прелестной татарской девочкой,

с огромными глазами, тонкими пальцами, при взгляде на которые вспоминались строки Мандельштама:

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Хрустальная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь...
Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поместило сна...
Немного солнечного мая,
Немного красного вина
И тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна...

Мы мгновенно подружились с Розой, которая рассказала мне историю своего крещения, как она стала Марией и как она уверовала так, что сразу захотела уйти в монастырь, но не у кого было спросить совета.

— Это ведь очень серьезный шаг, понимаешь, — доверительно округлив глаза, сказала она, — ну вот, и мне посоветовали к отцу Николаю съездить на Залита, у нас многие к нему ездили. Ты слышал об отце Николае?

Когда я ответил «нет», она изумилась:

— Да что ты! Это же такой батюшка — только в «Житиях святых» такие истории прочесть можно, которые про отца Николая рассказывают... Я бы и усомнилась, но своими глазами видела, со мной все это произошло... Я вот расскажу, как

я к нему поехала впервые. Долго добиралась, три дня, и все три дня постилась, а было это зимой. Ну вот, по льду шла километров пять до острова, нашла избушку старца, смотрю — а на ней замок. Я тогда еще не знала, что монахини, которые за батюшкой ходили, часто его запирали, потому что были и нападения, ну и отдохнул чтобы. Села и сижу, думаю — может, вышел куда, вернется... Час сижу, два, замерзла, есть хочу, и стала плакать. Думаю — куда я пойду? Столько ехала! И вдруг из-за двери голос, тоненький такой, как паутинка: «Что ты, Машенька, плачешь? Ты иди прямо, потом налево, в третьем от реки доме матушка живет, она меня откроет и тебя впустит...». Я так обрадовалась, что даже не удивилась, что он меня по моему крещенному имени назвал...

Пошла, как он велел, вернулась с монахиней, которая батюшке обед в узелке принесла, и он меня в домик позвал — я потом уже узнала, что он это редко делал, обычно в сенцах принимал. Усадил меня, тепло так, глаза у него добрые, я думаю — сейчас покормит меня батюшка, — а он и говорит так хитренько: «Наверное, кушать хочешь? А у меня тут на одного только борща, мало...».

Я устыдилась, что он мои мысли жалкие прочел, и говорю: «Простите меня, батюшка!»

А он в ответ: «Ишь, смиренница какая! Ну, налью тебе супчика, поешь...».

И вот ем я, все такое вкусное, а отец Николай и говорит из своего уголка: «В монастырь собралась? А кто маму с папой крестить будет,

кто их повенчает? Кто институт заканчивать будет? В монастыре нужны теперь грамотные...».

Я так удивилась — откуда он знает, что у меня папа и мама некрещеные и что я в институте? Слышала, что батюшка прозорливый, что про каждого знает — дар ему такой дан от Господа, но не каждому открывает свое знание — а мне, значит, вот так надо было. А он и продолжает: «В монастыре послушание важнее всего, вот и готовься выполнять — это мое тебе послушание... А сделаешь — приедешь... Ступай с Богом, заночуешь у Валентины...» — это монахиня была.

Ну вот, я когда домой вернулась и рассказала про такие чудеса родителям, они сразу крестились, а вскоре и обвенчались, и год спустя поехали мы к отцу Николаю все вместе. Он меня поцеловал сразу и к маме моей подошел. «Ой, — говорит, — матушка, ты и не знаешь, какое чудо в тебе — через два года понесешь и родишь мальчика, назовешь его Серафимом, он вас всех спасет!» А мама моя засмущалась. «Ну что вы, отец Николай, мы, — говорит, — уж и с мужем-то не живем, и у меня женские дела не в порядке, как это?!» «Ишь, — отец Николай ей отвечает строго. — Как это не живешь? Мужа надо любить, а что человеку невозможно — так Господу возможно все, только веруй!»

И что же, — ровно через два года мама моя, а ей уже к пятидесяти было, забеременела и в положенный срок родила нам брата, которого и назвали Серафимом. Ему уже пятый год пошел,

и вот, знаешь, только тебе скажу — мы когда его к батюшке привезли, то отец Николай сказал: «Дай-ка я поклонюсь тебе, Владыко!» — и поклонился до земли... Вот какое наш Серафимушка благословение от старца принял...

Когда я слушал эту историю, то плакал. Плакал от того, что есть еще на земле такие люди, и от своего горького неведения, что вот сколько лет прожил, а можно сказать — впустую, без руководства и духовного утешения... Потому принял решение после операции, по возвращении, сразу поехать на остров...

И вот настал этот сентябрьский день, когда мы прибыли во Псков — земли, из которых родом была моя бабушка. И через полчаса уже плыли на катере «Заря», предвкушая первую встречу со старцем.

Остров Залита — в Псковском озере, которое больше походит на маленькое море. Сюда раньше ссылали политзаключенных. А белокаменный храм во имя святителя Николая Чудотворца, выстроенный еще во времена Екатерины II, был возвращен Церкви в 1947 году.

Пристань была каменистая, из-за проливного дождя камни стали черными, и было темно и скользко. Вокруг — ни души, но из рассказов Розы-Марии я помнил, как добраться до батюшкиного дома, и довольно быстро мы нашли маленькое сельское кладбище и домик напротив, во дворе которого было несметное количество диких птиц — голубей, воробьев, галок — они жались под кровлей, прячась от дождя, и каза-

лось, что это глиняные скульптурки. По дороге за нами увязалась лохматая дворняжка и бежала до самого дома.

Батюшка вышел сразу — помазал каждого иерусалимским маслицем и сказал: «Отдохнете и придете на вечерню, тогда и поговорим...» — «А где же мы отдохнем, батюшка? Мы здесь никого не знаем...» — «А вон, Мухтарушка покажет, — батюшка ласково посмотрел на бежавшую за нами дворняжку. — Мухтарушка, веди гостей к матушке!» Все это было похоже на сказку, но собака и правда побежала со двора, время от времени оглядываясь и поджидая нас. Спустя минут пятнадцать мы оказались у ладно срубленного дома, откуда на лай Мухтара вышла старушка. «Гостей привел? — спросила она собаку, — от батюшки?» Казалось, что это не было для нее необычным. Она повела нас в соседнюю избушку, внутри которой помещалась просторная комната, разделенная надвое занавеской, — для мужчин и женщин. Печка была натоплена, словно нас тут ждали. Нина, певчая из храма, накормила нас картошкой с огурцами и рыбой, которой здесь на острове вдоволь. «А уж мясо завтра, после Воскресной службы, — сказала она, — а после вечерни чай с самопечным хлебом и — спать. Отдыхайте!»

Мы просушили одежду на печке, поспали и отправились на службу. Храм изнутри оказался просторным, иконы — старинные, но больше всего потрясла одна чудотворная Песчанская икона Божией Матери. В человеческий рост, в

серебряном окладе, в одеянии, расшитом жемчугами, Богородица покоряла Своим величественным спокойствием и умиротворенностью. В церкви было мало народу. Хор состоял из трех-четырех старушек, они пели несколько скрипучими голосами, но чисто и звонко. Во время службы, которую я не забуду никогда, меня одолевали какие-то посторонние помыслы, навязчивые, как мухи, от которых не было спасения. Я так устал от борьбы с ними, что отчаялся сосредоточиться на молитве. В этот момент батюшка кадил иконы и, проходя мимо, стукнул меня, склоненного, кадилом по голове, легонько, но ощутимо — мгновенно моя голова стала чистой и свободной, точно меня кто-то омыл изнутри. Я поднял глаза и увидел, как батюшка мне улыбнулся ободряюще. Потом была исповедь, после которой я задал самый главный мучивший меня вопрос — уходить ли мне в монастырь или жить с той женщиной, которую я любил, но с которой в духовном отношении мне было очень трудно. Батюшка сказал: «Лучше в монастырь...»

Как будто все было решено, но всю ночь я не мог уснуть. Я вспоминал свою жизнь и плакал, душа моя, вопреки, казалось бы, желаемому, была не только не спокойна, а просто изнемогала, и я решил с утра еще раз подойти к отцу Николаю и рассказать ему о своих муках. Когда, уже утром, после службы, мы подходили к Кресту, я встал последним и, схватив батюшку за ряску, сказал: «Не могу я, так мне ее жалко, батюшка!» И тут я увидел, как глаза отца Николая наполнились

слезами, словно откуда-то из другого, Высшего мира, на меня смотрел Ангел-Хранитель моей возлюбленной, и услышал тихий умоляющий голос: «И правильно, кто же пожалеет деточку... Ступай с Богом!»

Когда мы вышли из храма, непогоды как будто и не бывало, остров был залит солнцем, и его свет проникал прямо в душу и согревал ее. Мы покидали это святое место обновленные, и даже то, что на моих ногах были старенькие ботики, подаренные матушкой Ниной, потому что мои итальянские ботинки сгорели на печке, ничуть не огорчало меня. С ними как будто сгорели мои сомнения и душевное смятение... А еще я знал, что непременно вернусь сюда — и не раз.

Встреча вторая

В продолжение всего времени, что протянулось от первой до второй встречи с отцом Николаем, мне непрестанно хотелось снова увидеть батюшку, услышать тихий голос, напоминающий созерцание тоненькой струйки меда, когда в детстве я часами сидел на папиной пасеке под мирное жужжание пчел, наблюдая за карусельным вращением ручной медогонки, и голубенькие прозрачные бабочки садились на руки, щекоча мне ладони своими хоботками...

Папа и мама всю жизнь, помимо основной работы, занимались пчеловодством, и в тяжелые девяностые устроились в кооператив на границе Новгородской и Ленинградской областей. Это была заброшенная деревенька из едва ли десятка

покосившихся домов с красивым названием Заречье. А чтобы добраться до нее, надо было сперва ехать на электричке до станции Будогощь, потом на автобусе до деревни Радостино, а оттуда пять километров пешком по грунтовой дороге через лес. Сама деревенька и впрямь находилась за речкой, в которой, несмотря на мелководье, водились раки. Моя мамочка так любила всякую красоту, что в первый же год насадила целое поле разноцветных васильков. Оно и сейчас есть, это поле...

Жить приходилось без всяких удобств, в вагончике. Был еще один, поменьше, с жесткими деревянными нарами, где я провел отпуск в июле 1992 года, набираясь сил перед предстоящей очередной операцией. И вот тогда со мной произошла странная вещь, из разряда того, что в миру называют мистикой. Надо сказать, что в самом этом слове нет ничего плохого. Словарь иностранных слов дает определение мистики (от греческого mystika — таинство) как веры в таинственное, сверхъестественное, божественное, сверхчувственное, веры в возможность непосредственного общения человека со сверхъестественными силами. Святые отцы называют подобные явления духовными прозрениями и предостерегают людей, переживающих такие моменты в своей жизни, от возможных искушений, указывая, что божественные явления приносят душе мир и покой, в то время как ангелы тьмы, могущие преобразовываться в ангелов света, приносят душевное расстройство, впадение в

высокоумие, гордыню, вплоть до психических расстройств. Но на все есть Воля Божия!

Со мной же произошло следующее — в теплый солнечный день, сидя на крылечке своего вагончика, я смотрел, как мама с папой вдалеке, в своих чистеньких белых халатиках и пчеловодных сетках, склонялись над ульем, аккуратно доставая рамку с медом. И вдруг эта картинка словно отделилась от меня и от всего мира и предстала передо мной как бы навсегда записанной в вечности, и в тот же миг я услышал одновременно — и снаружи и внутри себя — тихий голос: «Смотри, этого больше не будет никогда». И пронзительная нежность омыла мое сердце, и я заплакал...

А спустя год и три месяца моя мама погибла.

Мама была по-настоящему верующим человеком, она обладала тем редким духовным даром, который святые отцы называют сердечной, умной молитвой. Молитвенным был весь ее облик, весь строй ее жизни, в которой она никогда ни разу никого не осудила, ни на кого не повысила голоса, и не было человека, даже преступника, для которого она не нашла бы оправдания. Она плакала над каждой смертью и радовалась каждой новой жизни, будь то человек или любая Божья тварь — от котенка до малой букашки. И своим бесконечным лепетом она заполняла наше детство так, что и по сей день я слышу мамин голос: «А у нашей Березки теленочек родился, такой маленький, с рукавичку».

Ее воцерковление произошло так естественно, как будто она все знала и раньше. Оказавшись впервые со мной в Шуваловском храме, она сказала: «А я бы тут и стояла, и стояла, всю жизнь». Но жизни оставалось три года... Мамина гибель пришлась на Покров Пресвятой Богородицы — она попала под машину, развозившую хлеб — нагнулась под колеса, чтобы вытащить забившуюся туда собачонку. Это было на пешеходной части. Три дня в храме служили молебны о здравии, и в воскресенье, 17 октября, после Литургии моя мамочка отошла ко Господу...

Мы не подали в суд на водителя, но в молитвах я просил, чтобы Господь дал мне узнать, как это произошло. И мне приснилась мама и сказала: «Ты увидишь этого человека, но не обижай его, он не виноват — у него трое деточек, и он не спал».

Я был очень смущен. Но 31 декабря, перед Новым Годом, когда я отправился за хлебом, я увидел эту машину и подошел к водителю, который сразу вспомнил произошедшее в октябре и поначалу был так напуган моим вопросом, что стал оправдываться и просить не возбуждать дело, и он сказал: «У меня трое детей, и я много работаю, и я не спал в тот день больше суток».

Но моя вера была так слаба! Она была так слаба, что я усомнился в Божьем Промысле и в Милосердии, и в Справедливости Его Путей, и в самой Его Святой Воле, которая, так я думал, лишила меня самого для меня бесценного человека. И моя душа была истерзана этими сомнени-

ями, подточившими мою едва родившуюся веру. Никто не мог мне их разрешить, да и трудно мне было кому бы то ни было о них рассказать.

Будучи совершенно измученным, я принял решение поехать к отцу Николаю. Кроме того, мне предстояла еще одна операция, после которой хотелось, если останусь в живых, в память о маме создать в нашем поселке церковь. Но это была даже не мысль, а как бы слабый проблеск, о котором мне было и думать-то страшно.

Наступил май девяносто четвертого, и с открытием навигации на реке Великой я отправился в Псков. Остров Залита встретил меня весенним бездорожьем, но с приближением к батюшкиному домику в душе постепенно что-то оттаивало, заполняя сердечным теплом и умиротворением. Паломников в столь раннее время было мало, но я встал в очередь последним, когда все, уже получив благословение, разошлись. Приложившись к батюшкиной ручке, я горько заплакал, сквозь слезы высказывая все свои сомнения, все горе, которое так долго удерживал в себе.

— А ты не плачь, — сказал батюшка, — мамочка-то была святая, у нее только один грех был, и то не в ее воле разрешить было.

— Какой, батюшка?

— Что невенчанным браком жила. Вот за то три дня мучений приняла, а теперь — с Богом, в Раю мамочка твоя!

— Как узнать, батюшка?

— Узнаешь, — сказал батюшка тихо, — дастся тебе. Иди с миром! А в мамину память церковь построишь, потом... — ответил батюшка на еще не заданный мною вопрос. — Бог благословит!

И он долго крестил меня вослед. И я кланялся ему до земли, уходя, и с каждым поклоном уходили горечь, смятение, все, что так смущало мою беспомощную душу, так что когда я сел на паром, то почувствовал себя не брошенным ребенком, а почти мужем, готовым принять и удары и милости судьбы с равным благодарением.

Слова отца Николая о том, что мне дастся узнать о маминой участи, сбылись неожиданно скоро. Я лежал все в той же минской больницей после операции. Несмотря на то, что сама операция прошла благополучно, меня мучили столь сильные боли, что врачи вынуждены были прибегнуть к морфию. На пятый день я почувствовал, что впадаю в зависимость от этих инъекций, и мне уже хочется, чтобы меня кололи снова и снова. Тогда я, собрав, насколько было возможно, волю в кулак, отказался от лекарственной помощи и стал молиться. Боль возрастала и наконец стала такой нестерпимой, что я взмолился в сердце своем: «Мама, если ты хоть сколько-то предстательствуешь перед Богом, скажи мне, что делать!»

Так молясь и плача, я внезапно почувствовал облегчение и уснул. И увидел мою мамочку, такую молодую и красивую, и она склонилась надо мной с улыбкой и сказала: «Ты потерпи

еще немного, а когда выпишешься, приедешь домой, то открой шкафчик на кухне, и там, на верхней полочке пакетик с ромашкой — я собирала, — ты ромашечку позаваривай и попей, так и поправишься!»

Через две недели я вернулся в поселок, где жили мои родители и где мне предстояло провести еще четыре года, выполняя батюшкино благословение на постройку церкви, открыл кухонный шкаф и нашел пакетик, на котором мамочкиным по-детски круглым почерком было написано: «аптечная ромашка». И я внутренним взором увидел отца Николая и услышал его тихие, как шелест листвы на ветру, слова: «Узнаешь... дастся тебе». И тогда я понял, что мир — един, мир видимый и невидимый, и ежедневно повторяемые строки Символа Веры — «во Единого Бога Отца, Творца Неба и Земли, видимым же всем и невидимым» обрели для меня совершенно новый — живой и осязаемый — смысл.

Встреча третья

Так трудно, почти невозможно, словами передать то необъяснимое чувство защиты и покровительства, которое ощущаешь после общения с человеком, имеющим дар молитвы и духовного рассуждения. Быть может, это самые ценные дары, коими Господь награждает Избранных Своих ради нас, немощных и грешных, грешащих непрестанно даже в мыслях своих, когда почитаем прожить без греха. Ведь куда ни повернись — все грех! Что ни скажи — грех,

да и только! И кого спросить, как поступить? С кем сверить свои мысли и намерения? Трудно в современном мире без руководства! И прежде тяжело было, а в наши дни — просто страшно, ведь искушения все тоньше, и под видом благих деяний и благих устремлений столько впоследствии стяжалось пустоты, словно кто посмеялся над тобой! И как важно, чтобы тебя, унылого, ободрили, обвязали твои душевные раны чистыми тряпицами сочувствия, помазали их елеем молитвенного заступничества...

По слову отца Николая, в котором открылось сокровенное Божье произволение, была создана в нашем поселке Православная община, что засвидетельствовано было и документально благословением митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Не стану подробно перечислять все трудности, возникающие на тернистом пути тех, кто желает создать церковь Божию на пустом месте, — это история для других воспоминаний. Многие наши современники из тех, что предавали свои жизни Господу, становясь первыми насельниками разрушенных и поруганных обителей или священниками, восстанавливающими храмы, прошли через бесовские нападения и страхования, совершаемые на подвижников темными силами, что действуют, как правило, посредством обычных людей. Не смею себя и на секунду сравнить с этими необыкновенными людьми, из которых многие сподобились мученической кончины, а у иных не выдерживало сердце, — несть досто-

ин и мало потерпел, потому — сосуд слабый. И то, о чем хочется рассказать, рассказываю лишь постольку, поскольку понимаю, что по недостоинству моему, если и имел такую великую благодать, как общение со старцем Николаем, то, может, лишь затем, чтобы передать это миру по возможности наиболее полно и тем сохранить в памяти его великое стояние Богу и служение всякому Его Творению, и те смирение и милость, что осеняли всякого, прикасающегося к этому праведнику.

Мы строили деревянную крохотную церковку во имя святителя Николая Чудотворца всей общиной, в которой довелось мне по причине отсутствия священника исполнять обязанности старосты. Это было для меня трудно, потому что никогда до того в жизни подобными делами заниматься не приходилось. А всего труднее было то, что у меня не было работы, которая давала бы хоть малый доход и средства к существованию. В сущности, все, что касалось храма, делалось на пожертвования, из которых я не смел взять для себя ни копейки за исключением расходов, связанных с передвижением по церковным нуждам и делам.

По этому поводу возникало много неприятностей дома, ведь я жил в квартире своего отца, не будучи в состоянии взять на себя хотя бы малую часть семейных расходов. Спаси, Господи, милосердных моих матушек, что кормили и одевали меня в те годы! Но долго так продолжаться не могло, и я понимал, что кроме этих,

столь естественных и важных для меня забот, живя и пребывая в миру, я должен зарабатывать себе на хлеб. Но как, где и когда?

Наступала зима 1995 года. Мой духовный отец протоиерей Василий Лесняк в то время был уже очень болен, и я не мог попасть к нему за советом, оставался только один путь — на Залита.

Мне рассказывали, что к батюшке и зимою ходили по льду другою дорогой — от Пскова до Большой Толбы на автобусе, а там — мимо кладбища с Духовым Собором да и через озеро — Господь выведет!

Я очень плохо себя чувствовал, еще не зная, что у меня развивается диабет, но хуже было не увидеть батюшку — только этого я и боялся, а больше ничего!

И вот снова Псков, автостанция, кургузый автобусик, усердно кряхтящий и вздрагивающий на кочках и колдобинах пригородного бездорожья. Большая Толба, где, как я слышал, принимал лежа странников другой, уже немощный, старец — отец Борис (Николаев), издавший замечательное исследование по знаменному пению (о встрече с ним хочется рассказать в другой раз). Перекресток и дорога, ведущая к Псковскому озеру, — здесь вышли кроме меня еще две матушки, обе в монашеском одеянии. Одна молодая, сухопарая, с лицом, которое мне показалось неприятным, хотя я и смирил себя — мол, кто я, чтобы судить! А вторая — кругленькая, маленькая, с такими румяными щечками, точно

булочки из печи вынули, и веселыми глазками, голубенькими или серыми — уж не разобрал, а помню, что весело было на нее смотреть! И вот она, узнав, что и я к отцу Николаю иду, говорит: «Хорошо! Вместе пойдем, вместе легче!» А к другой как-то сурово обращается, и все с ней как бы спорит: что длинная ни скажет, маленькая ее перебивает и так, как мне показалось, как-то невежливо. Помню, еще подумал — монахини, а ссорятся, нехорошо как-то! И даже урезонить их пытался, глупец! Не видел и не слышал, что не спор это был, а духовная борьба, что эта маленькая как оттоняла кого-то невидимого. Она и не злилась вовсе, а рослая — злилась и сильно, аж пожелтела вся, и говорит мне:

— Ты что-то бледненький, поешь-ка моего хлеба!

А маленькая мне:

— Не ешь!

Ну и замучился я — что, думаю, за напасть-то такая, что мне делать-то, кого слушать? Взял булку, а маленькая говорит:

— Мне дай, я перекрещу!

А худая:

— Не порченое, — говорит, — чего крестить!

Но я отдал маленькой — пусть покрестит! Тогда худая вдруг еще больше побледнела и как крикнула:

— Ну вас всех!

Да как побежит! А до этого все жаловалась, что еле ходит, ноги, мол, болят и все такое. Не

успел я моргнуть глазом, буквально в минуту она уже на том конце озера была, где берег острова виднелся, а там, считай, не меньше пяти километров было. Я глазам не верил — как в сказке про ковры-самолеты! Повернулся к маленькой матушке и говорю:

— Как это она так, матушка, сумела?

А она в ответ:

— Так ить, известно, кто по воздуху-то носит!

Осмелился я, и другой вопрос задал:

— А чего Вы с ней так разговаривали, матушка, резко?

— А я не с ней.

— А с кем же?

— А с тем вот, который ее унес!

Боязно мне стало, но спросил:

— Как это Вы достигли?

Она же в ответ:

— А я ничего и не достигала, а Божьей силой да молитвой...

— Какой же?

— Есть одна — всякий знает да не каждый помнит.

— Скажите, матушка!

— И скажу, чего же, секрета нет — выходя из дому и заходя куда, и в дороге читай всегда, осенив себя крестным знамением: «Отрицаюся тебе, сатано, гордыни твоей и служения твоего и сочетаюся Тебе, Христе, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!» А тебя как звать-то?

— Емилиан.

— Красивое имя, старинное, — похвалила она. — А меня мать Александра... Что ж ты болеешь?

— Не знаю, матушка, плохо чувствую себя...

И я неожиданно для себя стал рассказывать матушке Александре все то, с чем шел к батюшке. Так мы шли медленно по озеру, дорожкою, утыканной заботливыми островчанами по двум сторонам молоденькими елочками, чтобы паломники не заблудились — озеро-то не маленькое!

Я уже совершенно выбился из сил, но неловко мне было это показать, как вдруг матушка сказала:

— Ой, не могу, давай посидим или полежим!

— Где же, матушка?

— На снежку, снежок мяконький, чистенький, пушистый, хорошо на нем!

Никогда, никогда я не забуду этого лежания! Во всю жизнь и по сей день, если мне тяжело, я возвращаюсь сердцем в этот зимний день, где мне, маломощному, за молитвы отца Николая, Господь даровал эту предивную старицу, напоминавшую мне и мою мамочку, и бабушку, и отца Василия, и отца Федора из Сергиевого Посада, и блаженную Любушку из Сусанино, и самого батюшку... И только много лет спустя я смог осознать эти великие милости Божьи, увидеть Его крепкую Руку, которая не оставит ни одного, даже того, кто не видит и не

ищет Его... Яко Благ Господь! Долготерпелив и Многомилостив, как и те, на ком почивает Дух Его!

Так лежали мы и разговаривали, и матушка спрашивала:

— Ты ведь вот ученый и языки знаешь, верно?

— Знаю.

— А какие ж?

— Немецкий, матушка.

Я тогда как раз особенно занимался немецким. Матушка Александра на это смешно покривила личиком и, вытянув губки, зафукала:

— Нет-нет-нет, фу-фу-фу, немецкий, как собаки это — «хайль» да «шнель», это фу, не люблю я. А еще какие?

— Английский, — уже робко ответил я.

— О-о-о! — личико матушки приобрело сразу благостное и почтительное выражение. — Англи-и-и-йский, — мечтательно протянула она, — это да-а! Язык джентльменов и денди, какая красота! Так ты его и преподавай, учи ребятишек, у тебя много будет!

— Благословите, матушка!

— Благословит-то батюшка, я-то кто! Ты скажи ему только, можно ли мне, мол, английский преподавать детям? Ну пошли, а то опоздаем...

И мы скоро, я не заметил, как, дошли до берега, а там матушка сказала:

— Я к монахине одной загляну, а ты к батюшке беги скорее, а меня не жди, увидимся еще.

— А где найти мне вас, матушка?

— А в Печорах Псковских, там меня знают... Ступай с Богом!

Батюшка встретил меня с масличком, как обычно, помазал, спросил, как это добрался я зимою и не испугался.

— Матушка довела, Александра.

— Ах, вот оно как! Александра-заступница, значит... Хорошо, — батюшка улыбнулся в бородку. — Ну и что же ты, Емельянушка, хотел-то спросить?

— Работать хочу, батюшка, английский преподавать. Можно?

— Можно, что ж нельзя, английский язык красивый, язык джентльменов и денди, — повторил батюшка слова монахини. — Хорошо будет... Ну, ступай домой, Емельянушка, холодно.

Я, было, подумал, что отец Николай в домик свой меня зовет, и сделал шаг навстречу неуверенно, а батюшка показал мне глазами на полосатого упитанного котика, что терся о его ноги, и ласково так и хитренько добавил:

— Да нет, это я котку говорю, это коток у меня такой, Емельянушка! Иди, Емельянушка, домой, в хатку, а то замерзнешь...

И так мне тепло стало и легко от такой ласки — как будто я на печке лежу, а мне сказку рассказывают, а я засыпаю, — что обратный путь мне легче перышка показался, словно я и сам перышко, что летит, как ветер подует. И машина попутная подоспела прямо к поезду, и не помню, как дома оказался. В три дня развесил

объявления об уроках английского, и как пошли ко мне ученики, так что и одного дня не отдыхал, кроме воскресенья. И все радовались: дети и их родители — тому, что успевать стали, родные мои — что я на ноги встал как-то, а я — что мог помогать и давать еще нуждающимся, что оставалось. Так и в третий раз услышанное от батюшки не замедлило сбыться.

А матушку Александру встретил я вновь только десять лет спустя. Но об этом — позднее.

Встреча четвертая

В 1996 году, на празднование дня памяти Георгия Победоносца, отошел ко Господу мой духовный отец протоиерей Василий Лесняк. Это была огромная, невосполнимая потеря, как будто я осиротел во второй раз. А ведь я так мало лет еще был воцерковлен и, несмотря на все свое усердие к службам и молитвенные старания, на долгое время, проведенное в монастыре, и чтение духовной литературы, едва только начал понимать какие-то внутренние существенные (или правильнее сказать — сущностные) вещи столь таинственного явления, как ВЕРА.

Я непрестанно нуждался в откровении помыслов и сомнений, в руководстве, в выслушивании, в совете, и прискорбно мне было сносить их отсутствие в нашей столь суетной жизни, скоростные темпы которой, к сожалению, коснулись и современной церкви. Порой бывает совестно оторвать время у священника, которого осаждают десятки, а то и сотни людей, так что

и не поесть ему, и не отойти. Да и как это быть уверенным, что твои нужды важнее нужд других страждущих? Стало быть, молитва слаба? Подумаешь, так и стыдно станет, и терпишь все.

И только когда рассказываешь о праведниках, с которыми довелось общаться, то вроде и новые подробности вспоминаешь, и лучше понимаешь услышанное прежде, а тогда вроде и легче станет.

Так, я непрестанно говорил и матушкам своим, и всем, кто готов был и хотел услышать об отце Николае, все, что слышал о нем и от него сам. Историй ходило великое множество! Например, как две матушки из Петербурга собрались на остров — одна уже такая крепкая в вере была, едва ли не каждый день и в церковь ходила, и вот уже никаких у нее вопросов не было, кроме одного — попадет ли она по смерти в рай или, может, какой забытый грех ей помешает? А вторая измучилась со своим пьяницей-мужем и хотела его оставить, а у них двое детей было, и вот она думала, как ей это сделать, куда пойти и на что жить?

Прибыли они на остров, пришли к домику заветному, а там — замок. Расстроились, конечно, ведь у них только день был на это путешествие, думают — недостойны, значит. Ну ладно, делать нечего, хоть по острову святому погулять, в церковь заглянуть. Пошли, помолились, сели на бережку, на водицу смотрят, катера дожидаются. Вдруг из кусточков — старчик в серенькой ряске залатанной такой возник и говорит так

сладко: «А ко мне тут две птички из Петербурга прилетали. Одна все в рай попасть хочет — попадет, пусть не торопится! А вторая — та гнездо хочет бросить, а хорошо ли? Нехорошо-о-о это — кто же супруга поддержит? Вылетишь — а он и помрет, и дети сиротки, а потерпишь — исправится». Сказал так — и исчез...

Матушки так и обомлели, а после как ринулись к домику, а там замок — как висел, так и висит, и только пение молитвенное раздается.

А то, что это, без сомнения, отец Николай был, то они наверняка знали, потому что много фотографий батюшкиных видели. Вот она Божия Сила, та, что через немощь совершается, как и написано!

Другой случай брат один рассказывал. Он с товарищем приехал к батюшке, отстояли службу и после нее пошли за батюшкой, чтобы первыми успеть вопросы свои задать. А батюшка от них как бы убегает, бежит, бежит, потом падает, опять посеменит и опять — упал. Они нагнали, помогают подняться, а батюшка сердито так на них смотрит: «Ты меня толкнул!», и второму: «И ты меня толкнул! Ай, как мне больно!»

Этот брат рассказывал — были мы в большом смущении — как это мы толкнули, если мы далеко были позади и, напротив, поспешили помочь подняться? И только потом поняли, о чем батюшка говорил — что это он о грехах говорил, как ему тяжело грехи чужие нести, и как бы телесно показал, как он от грехов падает и как ему больно.

Отец Николай часто иносказательно выражался или шутил, чтобы человека немощного (а уж он всякого насквозь видел!) не обидеть. Так, одна женщина ему жаловалась хлопотливо:

— Ой, батюшка, заболел мой Василий, ой, заболел!

— Сильно ли, матушка?

— Ой, сильно, батюшка, сил уж нет!

— Чем же это, матушка, он так заболел?

— Гордыней, батюшка! Ему что ни скажешь — а он все поперек норовит! И все-то ему не так и не эдак!

— А ты матушку-то его знаешь, родненькая, что с ним живет уж лет сорок?

— Энто хто ж, батюшка, родненький, такая? Никак блудит?

— Никак не блудит, — говорит батюшка, — а ту, что под одной крышей с ним живет? Она ж такая же! Какова матушка — таков и батюшка... Ступай с Богом!

Вот так мягко и наставил, что на себя смотреть-то полезней, чем на ближнего своего.

Сказывали, что будто однажды прогнал священника одного и дверь ему не открыл, а так прямо и выгнал: «Уйди, — говорит, — ты плохой священник!» Слушать это было страшно, представляя себя на месте этого человека. Но, думаю, что более чем такие слова старца, ничто вразумить не могло. Он ведь гнал не человека, а его заблуждения, душу его отчищая от греховных пятен. Да и другого такого случая не припомню,

чтобы кого-то прогнал батюшка. Всех принимал безропотно, иногда по нескольку часов на ножках выстаивая, ведь люди шли не только со своими горестями, а сколько еще несли писем, записочек, сколько вопросов задавали от имени тех страждущих, что не в состоянии были сами добраться до острова.

Все это я передавал своим знакомым прихожанам, и все хотели поехать к отцу Николаю. Наметили, но сам я до лета ждать не мог и засобирался осенью, как в первый раз.

Осень выдалась теплая, однако я решил не «Зарею» добираться, а через Толбу, и там — на рыболовецком паромчике (благо, их много ходило тогда и денег брали сколько дашь, и путь — короче). Попутчиками моими оказались трое — муж и жена из Новосибирска и их больной мальчик Илюшенька. Мальчик был недвижен абсолютно, мог только пить через трубочку. На вид ему было лет пять. Пока мы ехали, его мама рассказала мне свою историю, что они верующие и как поженились, то сразу и повенчались. Вскоре и сынок родился, абсолютно здоровенький, смышленый, не могли нарадоваться. Но когда было ему годика полтора, в песочнице один малыш сыпанул в глазки Илье песку, тот упал и все — так и парализовало. Врачи ничего не понимали и что не делали — ничего не помогало. Вот и решили ехать к батюшке, другого пути уж нет.

Так за беседой и добрались мы раньше катера, и эти люди повторили мне рассказанное батюшке, и спрашивают:

— Батюшка, откройте, может, грех на нас какой? Или это за то, что прежде в роду было? За что нам такое?

А батюшка, как и всегда, масличком помазал, благословил и говорит:

— Нету греха. А это для совершения Божией милости и чуда великого! Встанет он, потерпите еще!

— Сколько, батюшка?

— Еще пять... — тихо сказал старец. Подошел к мальчику, склонился над ним, поцеловал в лобик, перекрестил.

— Совсем не двигается? — спросил.

— Совсем — ответили родители хором.

— Посмотри, Илюшенька, на батюшку, посмотри! — и мальчик вдруг явственно повел глазками.

— А на котка, — ласково продолжал батюшка. — Вон у меня какой коток ходит, он просит, чтобы Илюшенька посмотрел!

И мальчик второй раз перевел глазки и едва заметно склонил головку набок. От этого, на глазах совершающегося чуда, у меня, стоявшего позади отца Николая, перехватило дыхание, и я даже забыл, что хотел спросить.

А батюшка уже выпрямился и повторил уверенно:

— Встанет он. Он и ручкой мне еще помашет, правда ведь, ангельчик?

Ребенок косенько улыбнулся. Его унесли. Я попросил у отца Николая благословения на приезд нашего прихода летом. Ах, да, еще мне

учиться хотелось — может, в семинарии? Но батюшка сказал:

— Не надо тебе, так оставайся! А что задумал, Бог благословит!

Так мы и расстались, я пошел к берегу и снова на лодочке вместе с прежними попутчиками оказался. Поплыли мы, ободренные, и вдруг мальчик Илья ручкой как замахал в сторону острова и как заулыбался!

— Это он батюшке машет, — сказал отец, — ведь батюшка предсказал!

И паромщик наш, казавшийся мрачным и неразговорчивым, повернулся к нам лицом и укоризненно заметил:

— А что ж вы, усомнились? Через отца-то Николу нашего сам Никола-Угодник говорит, а ему Бог все сообщает — так-то! Мы без отца Николая — никуда! Заутра к нему бегаем, и вечером без его слова не ложимся, а у кого беда, того и ночью примет. Мы здесь по его молитвам уродились и с его молитвой отходим. Батюшка наш святой!

И подумалось — какие несчастья привели на этот остров первых насельников, какие скорби пришлось пережить им, сколько гонений, но воистину милость Божия превзошла все испытания и покрыла их стократ, не оставив худое место без праведника, и сбылись над сим местом заповеди Блаженства еще в этой земной юдоли — Блаженны плачущие, яко тии утешатся. Блаженны жаждущие и алчущие правды, яко тии Сынами Божьими нарекутся.

Блаженны нищие, яко тех Есть Царство Небесное.

Встреча пятая

Летом 1997 года, как и собирались, поехали мы к отцу Николаю всем приходом. Было нас человек около тридцати. И люди все самые разные — одни из духовно крепких, как наша старенькая мать Ираида, что, слава Богу, по сей день жива и в алтаре прислуживает, поскольку более полувека вдовица. А другие (и таких было большинство) пришли к церкви недавно, иные же и причащались всего несколько раз. Но всех объединяло искреннее и горячее желание получить благословение у старца.

Вот такою дружиною добрались мы до острова вполне благополучно. Помню, как все с благоговением ожидали появления батюшки на пороге, и как он появился, как обычно, с иерусалимским маслицем и кисточкой в руках. Каждого благословил, каждого выслушал, каждому ответил на наболевшее. Одной же веселой и благодушной матушке, бывшей до пенсии учителем русского языка и литературы, прочел стихи, которые, как я позднее узнал, слышали от него многие:

Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя.
И двери смерти страшно тяжки
Уже открылись для меня.

Матушке той года близились к восьмидесяти, но она была полна сил и абсолютно здорова, да и дух имела бодрый и неунывающий, а жила со своим уже очень немощным мужем, хотя они и состояли в разводе, лет около двадцати из-за квартирного вопроса. Выслушав батюшку, она в недоумении подбежала ко мне:

— Что это мне отец Николай сказал, я что-то не поняла, я ему про квартиру, про мужа, а он мне про дым какой-то?

Я говорю:

— Не знаю, матушка, еще раз встаньте.

Встала она, и в другой раз то же услышала, только добавил батюшка:

— С мужем венчайся! Всю жизнь прожили — повенчаться надо, другого не будет.

И какое это было счастье — первое венчание в нашей, только год как освященной, церкви той самой матушки с ее стареньким другом жизни! Через год пришлось ей уехать далеко на родину, в деревню, а супруг ее умер — она же и на похороны не могла выбраться, потому что уже болела, и эта болезнь привела ее к скорой кончине.

Я в тот раз особых вопросов не имел, кроме тех, что меня просили задать батюшке люди, не могущие до него добраться. Таковых было два: первый очень просила задать одна знакомая от своих друзей — отчего они лишились единственного сыночка, что умер внезапной смертью. А было так: люди эти, оба глубоко верующие, встретили друг друга довольно поздно, и когда

поженились и обвенчались, долгое время у них не было детей. После же многих молитв и поездок по монастырям зачала эта женщина и родила мальчика, на которого родители не могли нарадоваться — был он и благонравный, и помощник, и умница, и здоровенький. И вот накануне своего семнадцатилетия, перед последним выпускным экзаменом — а учился он на одни пятерки — лег он отдыхать, а утром не встал. Мать, обеспокоенная тем, что сын, который никогда никуда не опаздывал, не выходит из комнаты, заглянула к нему — и что же? — увидела свое дитя бездыханным! Врачи в недоумении констатировали смерть от внезапной остановки сердца, объясняя это психическим перенапряжением. Но разве это могло утешить или объяснить что-либо людям верующим и всегда предающим себя в волю Божию? Они плакали и горевали непрестанно, почитая, что в неведении совершили какой-то ужасный грех, за что Господь и отнял у них единственное Им же дарованное чадо...

Эту просьбу — открыть грех, за который так покарал их Господь, я и был уполномочен передать отцу Николаю, что и сделал, дождавшись своей очереди. А батюшка вдруг поманил меня пальчиком — в сенцы зайти — и показывает в уголок: «Смотри, — говорит, — какие у меня кабачки хорошие есть! Два побольше, зелененькие, а вот этот, маленький — самый лучший, поспел уже. Видишь, бочки желтенькие, как солнышко. Я его вон туда наверх положу, хорошо ему там... А эти пусть еще в опилочках полежат, позреют!»

Надо ли говорить, что я, даже читавший прежде об иносказаниях, которыми так изобилуют книги про святых подвижников и старцев, ничегошеньки не понял. Только поклонился и в другой раз встал в очередь, поскольку у меня еще вопрос был о маленькой внучке моей знакомой. Девочка родилась очень больной, с циррозом печени, потому что мама ее, дочь этой моей приятельницы, попала в дурную компанию и употребляла наркотики. И вот предлагали ребеночку операцию сделать, чтобы жизнь не спасти, но хотя бы продлить. «Нет, — сказал батюшка, — не надо ей операцию, так поживет».

Скажу, забегая вперед, что это маленькое дитя с богомудрым взглядом и глазами старицы прожило на свете три года вопреки прогнозам врачей, и бабушка причащала ее так часто, как только было возможно. И когда ребеночек отошел к Богу, то тельце ее сохраняло теплоту и мягкость все пять дней вплоть до похорон. А мать ее эти страдания вразумили настолько, что она оставила прежнюю жизнь навсегда и впоследствии вышла замуж и родила уже совершенно здорового ребенка. Так Господь, не видя покаяния, смыл этот грех с ее души ангельским терпением невинного младенца.

Но тогда, спросив об операции, я опять вернулся к первому вопросу, на что отец Николай ответил: «А я уже сказал тебе все». — «Так что же, батюшка, так и передать, как вы сказали?» — «Так и передай, — сказал батюшка, — они поймут».

Все я и сделал так, как велел отец Николай, и вот каким чудным образом истолковали после молитв показанное отцом Николаем эти люди. «Спаси Господи! — сказал отец мальчика. — Мальчик-то наш, выходит, созрел для жизни Вечной и угодил Богу своим послушанием, а мы, мать, с тобой еще не готовы. Мы с тобой и есть те два зеленых кабачка, что в опилках лежат... Слава Тебе, Боже, что через праведника Своего дал нам такой чудный ответ! Успокоил душу, Господи! Слава Тебе!»

Я же, маловерный, об одном недоумевал: как это так заранее у батюшки именно три кабачка в сенцах лежали и два из них — зеленые, большие, а один — маленький и желтый? Выходит, он и вопрос этот Духом прозрел? Выходит, нет ничего от Духа сокровенного, а Сам Дух Святый сокровенен и, как сказано, дышит, где хочет, и откуда приходит — не знаем, и куда уходит — не вемы. И величайший трепет объял мою душу при этих размышлениях, ибо чувствовал я, что прикоснулся к Тайне, которой, сколько ни постараюсь, не смогу быть достоин никак, а только за Милость Божию, которая одаривает всех и каждого каждодневно, и ни за что. Потому что нет границ этой Божественной любви и Благодати, кроме тех, что воздвигаем мы сами в своем упорном ослеплении и нежелании ее видеть и замечать, в своей неблагодарности и уверенности, что можем мы сами что-то в этой жизни достойное произвести. Или что-то здесь покорно нашей воле без воли Творца? Или будто мы что-

то можем изменить на этой земле, которая была, есть и будет сотворенная до века Предвечным? И кто мы? И какая Воля о нас? Воистину приходишь к Богодухновенным Писаниям Царя Давида, и нет иных слов, кроме слов Псалмопевца: *что есть человек, яко помниши его? Или сын человечь, яко посещаеши его? Умалил его малым чим от ангел, славою и честию венчал еси его. И поставил еси его над делы руку Твоею, вся покорил еси под нозе его. Овцы и волы вся, еще же и скоты польския, птицы небесныя, и рыбы морския, преходящыя стези морския. Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли!*[21]

И удивляешься доверенному тебе безмездно и видишь в каждом рождении Надежду Бога, что возлагает Он при продолжении рода человеческого, и Веру Его в Человека, и Любовь Его, а из трех этих составляющих Мудрости последняя воистину есть Первая, которая, по слову Апостольскому, *не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит!*[22]

И слабым нам, без конца теряющим из вида очей духовных послания и знаки мира невидимого, Господь посылает утешение через видимый мир в лице стяжающих благодать праведников своих и не оставляет мир этот без ис-

---

[21] Пс. 8, 5—10.

[22] Ср. 1 Кор. 13, 5—7.

тинного двигателя его, а сей есть — Подвижническая Молитва.

Встречи шестая и седьмая

Так случилось, что в 1996 году мне еще дважды выпало побывать на острове у батюшки.

Когда ты работаешь в церкви и волею судьбы являешься старостой прихода, в котором нет ни настоятеля, ни постоянного священника, ты вынужден многие решения принимать самостоятельно и брать на себя ответственность за них. Это трудно. Приходится непосредственно сталкиваться с проблемами и горем людей, которые тянутся к церкви, будучи совершенно невоцерковленными. Грех оттолкнуть их, страшно стать даже нечаянной причиной или свидетелем гибели бессмертной человеческой души! В то же время чувствуешь, что и твои собственные силы так малы и так ничтожны, что опасаешься взять на себя нечто сверх меры, чтобы не впасть в самомнение или гордыню, помыслив, будто ты можешь кого-то спасти. Мне просто хотелось по мере сил не оттолкнуть никого из обращавшихся, а таких было немало.

Так попал ко мне мальчик из многодетной семьи, где все дети были от разных отцов, а мать не работала и занималась попрошайничеством. Детей было трое — два мальчика и больная девочка, которая даже не ходила в школу. Все они крутились около церкви, старались угодить, помочь — прокладывали дорожки, вскапывали

клумбы, старший даже мастерил рамочки для икон. Все вместе мы и обедали, и ужинали. Средний же мальчик, Андрюшенька, десяти с небольшим лет, особенно ко мне привязался и слушал все, о чем я рассказывал, с огромным вниманием. Он быстро выучил многие молитвы и молился с таким усердием и такой чистотой и верой, на которую только дети и способны. Я читал ему «Жития святых», говорил с ним о старцах, о монашестве и в том числе об отце Серафиме из села Котельничи Вятской области, том самом, который написал акафист иконе Пресвятой Богородицы «Всемилостивная». И о том, каким чудом побывал батюшка Серафим с детишками из своего приюта в Иерусалиме. И вот этот мальчик робко сказал однажды: «Как бы мне хотелось к этому отцу Серафиму!»

А надо заметить, что попасть в приют к отцу Серафиму можно было только через один детский дом в Петербурге, но тогда я этого не знал. Да и вообще не знал, как это — забрать ребенка от матери, отвезти в монастырь. И денег на дорогу не было — даже просто так съездить, посмотреть. И у кого спросить благословения...

Так мы решили поехать вместе к батюшке Николаю на остров, о котором Андрюшенька тоже много от меня слышал.

И вот, помню, зашли мы уже во дворик батюшкиного дома, постучали в дверцу, и батюшка сразу вышел и так ласково-ласково к мальчику наклонился, выслушал его и говорит:

— Непременно поезжай! Да-да, поезжай!

Тут я говорю:

— У нас же денег нет, батюшка.

— Будут, — сказал отец Николай. — Все хорошо будет. Езжайте с Богом!

И когда мы уходили, оглядываясь, батюшка долго-долго крестил нас вослед.

Поехали мы скоро, но денег хватило только до Москвы, и уже в столице у нас оставалось то ли десять, не помню точно, то ли двадцать рублей. Но мы пошли к поезду на Киров, и проводница, к которой мы просились, почему-то сказала:

— А я всегда монахов беру бесплатно.

Посадила нас в свое купе, еще и накормила и чаем напоила, а потом выдала по два одеяла и устроила на хорошие места. И так мы ехали сутки. А на вторые сутки к нам в купе вдруг ввалился какой-то сильно нетрезвый человек и стал приставать к мальчику, не женится ли он на его дочке, когда вырастет, и все такое. В первый момент я испытал крепкое искушение выгнать его, и только молитва Оптинских старцев, которую я всегда читаю про себя в пути, заставила меня сдержаться. Андрюшенька же отвечал смиренно:

— Я не хочу жениться, я хочу стать монахом.

И вдруг этот человек говорит:

— Преклоняюсь.

И уже обращаясь ко мне:

— Возьмите деньги на этого ребенка, это не вам, а ребенку.

Дал нам несколько тысяч рублей и исчез. Я возблагодарил Господа и отца Николая за его молитвы. Эти деньги нам очень пригодились, потому что, когда мы прибыли в Котельничи, отца Серафима не оказалось на месте, он уехал в Петербург, а нам объяснили, через какой приют можно попасть к батюшке и какие для этого надо собрать документы. Обратно мы вернулись быстро на пожертвованную нашим странным спутником сумму, сделали все, как нам благословили, и через три месяца отец Серафим увез Андрюшеньку к себе.

Я знаю, что потом этот мальчик вернулся, хотя ему предлагали учебу в семинарии Троице-Сергиевой Лавры, постриг и рукоположение, — он пожалел свою маму. Я не знаю, где они живут сегодня, но уверен, что благословение отца Николая и годы, проведенные с отцом Серафимом, он не забудет никогда, и что за молитвы этих двух праведников эта семья непременно спасется...

* * *

Другой человек, с которым в том же году мне пришлось отправиться на остров Залита, недавно вышел из тюрьмы. Я знал о его жизни от его родственников, что он рано потерял мать, что отец женился вторично, а мачеха плохо обращалась с ним и его сестрой, и оба они начали воровать, и так продолжалось, пока его не посадили. Сидел он два или три раза и когда вышел, уже был очень болен туберкулезом. У него не было ни работы, ни денег, ни прописки, ни жилья (он не

мог жить в одной квартире с мачехой и сводным братом, поскольку там были маленькие дети), а в больницу было не устроиться.

Его сводный брат и жена брата — оба люди верующие и церковные — пришли за него просить. Но что я мог? Разве что пустить его пожить в церкви на правах сторожа за горячую пищу. Он чах прямо на глазах, и больно было на него смотреть. Ему необходимо было настоящее лечение. Мы собрали все нужные документы, но никто и нигде не хотел его принимать. Тогда решили поехать к отцу Николаю. Это было в сентябре, в конце месяца — тяжелое для чахоточников время.

Когда мы сели в ночной поезд на Псков, у этого человека поднялась температура под сорок, и я, признаюсь, опасался, что он умрет в пути. Растирал и отпаивал его водкой и горячим чаем — так мы полуживые добрались до острова.

Помню, в тот день у батюшки было много самого разнообразного народа... А мой «подопечный» стоял за воротами у большого камня и не решался (или уже не был в силах) войти. Батюшка едва взглянул на него и сразу окликнул по имени (которого я не хочу здесь называть). Все вздрогнули и расступились, и отец Николай сам вышел за калитку и долго-долго о чем-то разговаривал с этим человеком. А потом благословил его трижды и сказал громко: «Все будет хорошо».

Я не мог удержаться от слез — словно сам Господь явил Свое Неизреченное Милосердие к

этому человеку через батюшку, словно во плоти явились слова — *«Не жертвы хочу, но милости»*, и — *«Любовь покрывает множество грехов»*[23].

Надо ли говорить, что сразу по нашем возвращении этого человека взяли в самую лучшую клинику, будто внезапно забыв обо всех препонах и доводах, которые те же самые люди находили всего несколько дней тому назад. В этой клинике он пролежал более полугода, совершенно излечившись от страшного недуга. За это время оформили и прописку, и постоянно каким-то чудным образом находились средства на лекарства, стоившие немалых денег.

В который раз я, вспоминая батюшку, увидел и понял, что такое есть настоящее, подлинное служение Богу, проявляющееся в бесконечной любви к каждому приходящему человеку, и особенно — ко всеми попираемому, всеми осуждаемому и всеми отринутому.

Встреча восьмая

Эта встреча с отцом Николаем навсегда связана в моей памяти с моим ужасным падением, через которое я только еще раз убедился, *«яко опасно ходим»* мы все, и как через наши страсти, как бы долго и трудно мы их ни бороли, непрестанно докучает нам враг и веселится, едва не устоишь.

---

[23] Ср. Ос. 6, 6; Мф. 9, 13; 12, 7; 1 Пет. 4, 8.

Имел я благословение, как уже много лет живший одиноко при церкви, принимать в своей квартире всех нуждающихся и давать им по силам пищу и ночлег, без различения возраста, пола и состояния. Много людей живало у меня в комнате за эти годы. Были и матушки (я называю так всех женщин старше себя), и молодые люди, и девицы, и всякий народ.

Казалось мне, что плотское миновало. Но вот однажды поселилась у меня одна женщина с двумя детьми — не помню уже, почему, но ей временно негде было жить. И такие мальчики были хорошие, как-то привязались ко мне, и я — к ним. Прожили, считай, лето. И спали в одной комнате. Дети на кровати, а мы на огромном матраце, под разными одеялами, на полу.

Так вот и случилось мое внезапное падение... Как человек верующий, на другое утро я замучился угрызениями совести, полагая, что мне и в церкви теперь уже невозможно появляться. Все, что так усердно и с таким трудом столь долгое время собирал, в один час исчезло, оставив ощущение уныния, нечистоты и какого-то брезгливого отвращения к самому себе, будто кто посмеялся надо мною, будто и не я это был. Настроение было препаршивое. «По чести, — думал я, — мне надо теперь на ней жениться и детей этих усыновлять...» Даже вроде и такая мысль шевельнулась не без гордости: «А что, дело-то хорошее, Емилиан!» Но что-то глубоко внутри меня сопротивлялось этим помыслам, и некий тайный голос говорил:

«Не делай этого, не делай! Езжай к отцу Николаю!»

Так промучился я недели две, и все дела валились из рук, пока, наконец, не объявил этой женщине, что готов и жениться на ней, но без благословения старца на это не пойду.

И мы поехали на остров вместе. Пошли к батюшке, а он закрыт. Тогда пошли к монахиням. Жили при батюшке Нина Тимофеевна (в тайном постриге монахиня Нила, большая почитательница Нила Столбенского) и мать Валентина, сурового весьма нрава. Она ухаживала за Ниной Тимофеевной, которая не могла ходить из-за болезни ног.

Я вообще-то в их домике часто бывал и раньше, и особенно матушку Нину любил — она, бывало, все растолкует, что батюшка сказал, и так все складно, хорошо и благостно, и наставит, или историю расскажет как раз по поводу. Историй духовных и из жизни духовных лиц знала великое множество, и как начнет рассказывать — невозможно оторваться, так бы все сидел и слушал, слушал. А то вдруг посмотрит как бы в себя и скажет: «Беги-ка уже на берег, налево, там Петр лодку правит, он тебя перевезет, скажи — мать Нина благословила» — и так и было. Прозорливая она была от своей праведной жизни, но тоже прямо все не говорила, да и говорила не всем и не всегда. В келейке ее была такая благодать от непрестанной молитвы и множества икон, коими все стены сплошь были увешаны и окле-

ены. Дышалось рядом с нею так, словно чистую колодезную воду пил.

А при монахинях жила еще одна бесноватая, батюшка ее жалел. Эту бесноватую держали монахини при себе, потому что она была одержима бесом обличения. Вот приблизится кто к домику, и вдруг эта тщедушная, с виду ничем не примечательная женщина, почти и рта не раскрывая, совершенно не человеческим, а звериным, жутким, утробным голосом начинала выкрикивать все грехи, этому человеку присущие (разумеется, если он в них не покаялся). И так всем польза получалась — иной раз человек от ужаса или от гордыни и осуждения бежал сразу, а если уж порог переступал, то в таком покаянии, что в момент очищает душу, и монахини уже знали, как и что ему говорить полезного.

Мне не приходилось прежде слышать эту бесноватую: проходил беспрепятственно и ночевал у матушек зачастую, на нарах таких, двухъярусных. Ну и тут прошел, стал благословения просить к батюшке попасть и на ночлег остаться. Вдруг как захохочет утробно бесноватая: «Заночуют они! Ух, как они ночуют-то, ух, как!!!»

Не могу передать, что со мною сталось, — чуть сознание я не потерял от ужаса, стыда и раскаяния. Вмиг мне ясно стало, ЧЬЕ это было дело, у КОГО я пошел на поводу...

Мать Нина велела той женщине, что со мною приехала, выйти, а меня отчитала по полной программе: «Жениться вздумал? Женись!

Всю кровушку повыпьют, и трех лет не наживешь, если свяжешься».

Пытался я, было, слабо оправдаться — мол, детей жалко... Да и здесь отпор получил: «У детей этих отец есть, не твое это дело! А от баб как можно дальше держись и не води к себе никого отныне. И покайся... Они тебе еще покажут чудеса чудесатые!»

Затем и с женщиной той долго разговаривала мать Нина отдельно. А батюшка в тот приезд только масличком помазал и больным сказался. Когда же ему свою слабость открыл я и спросил о Марии, он ответил: «Чуток еще потерпи, недолго осталось, вернешься к ней... скоро...»

И грустно мне вспоминать эту встречу. Может, еще и потому, что тогда впервые увидел, как ослабел отец Николай телом, услышал, какой у него голосок стал невесомый, как листочек на ветру осенний, последний, шуршит тихонько, еле слышно, так и голос у батюшки дрожал и как бы обрывался, и ручки его похудели и стали почти прозрачные. Но еще не казалось тогда, что так скоро уже не станет батюшки с нами, не представлял я тогда, что увидеть его на земле мне оставалось всего еще один раз и что эта предстоящая девятая встреча станет последней.

Встреча девятая

Наступила Пасха 1998 года. В нашу церковь, которая уже два года как была освящена, прислали настоятеля.

Наши отношения, можно сказать, не сложились сразу. И что бы я ни делал, ситуация только ухудшалась. Сегодня, с высоты прожитых лет, я понимаю, что это был явный Божий промысел, лучше которого для нас, немощных и недальновидных, ничего и не может быть. Но тогда мне было невыносимо горько и больно, и эти отношения я воспринимал как несправедливое гонение, страшное непонимание и даже как бездуховные, мелкие и жестокие дрязги, что совершенно не укладывалось в мои представления о внутрицерковной жизни.

Я пребывал в смятении — уйти или терпеть? Что правильно? С этим злосчастным вопросом я и поехал к отцу Николаю летом 1998 года...

Много сказал мне тогда батюшка в нашу последнюю встречу. Каждое его слово сложил я в копилку своего измученного сердца. О том, что предстоит и будет (а в том, что совершится им сказанное, я не сомневаюсь, как если бы я услышал это от Самого Господа, как совершилось и все сказанное им прежде), распространяться не стану, а скажу только, что уйти отец Николай благословил сразу. И бесповоротно. И еще сказал: «Прости всех и за все. И всегда прощай. Испытывай себя в этом... Помни Мо-

литву Господню, это слова непростые: "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим"».

Когда же я пожаловался на то, как это трудно и что кажется, что уже сверх всяких сил испытания, он ответил: «А ты мамочку вспомни свою и ради нее, ради ее памяти и прощай». И настолько точными были эти слова, что мне сразу стало легко на душе...

Не скажу, что эту легкость я сумел пронести сквозь годы. Прошло еще много лет, пока я смог по-настоящему осознать, а главное, прожить и прочувствовать такие, казалось бы, простые слова, сказанные отцом Николаем на прощание.

Я ушел из нашего прихода, где сегодня служит настоятелем уже другой человек, что был мальчиком, когда все начиналось. И помню, я рассказывал ему об отце Николае, и он тоже загорелся поехать на остров, а вернулся оттуда совсем другой, с некой затаенной мыслью в глазах, и я понял, что он будет священником, такое он получил благословение от батюшки. Так оно и вышло. А я вернулся к своей Марии. Началась как будто старая, но на самом деле совершенно другая, наполненная иным смыслом, наша совместная жизнь...

Наступил Новый, 1999 год. Пришла весна, за нею наступило лето. Мне хотелось поехать на Залита, но от людей, что держали, как и я прежде, связь с отцом Николаем, я слышал, что батюшка ушел в затвор и никого более не принимает. С грустью я думал о батюшке, пото-

му что знал, что обычно люди подвижнической жизни уходят в затвор за несколько лет до своей кончины. Утешало и внушало надежду только не раз слышанное от батюшки: «А мне 103 года жить»...

Я приобрел видеофильм об отце Николае, чтобы хоть иногда посмотреть на него живого, услышать его голос. В церковных лавках появилось много батюшкиных фотографий, и я выбрал себе одну, где отец Николай в фиолетовой скуфейке и, кажется, смотрит прямо на тебя. И во всех трудных случаях все ему рассказывал мысленно, как если бы наяву. И скоро стал замечать, что помощь не медлит, как скоро я вот так обращусь к батюшке за его молитвой...

Мне бы только очень хотелось, чтобы то, о чем я сейчас пишу, было правильно понято, в том смысле, что все это далеко от страсти и экзальтации, которой я боюсь как огня. Так же опасаюсь я и людей, склонных к культу личности, к какой бы сфере эта личность (может, и весьма достойная) не имела чести принадлежать. А те чувства, которые мне хотелось бы здесь передать, те чувства, что я питал к батюшке, — скорее были чувствами слабого плотского человека, в том смысле плотского, что познает Божий мир и Божью Волю осязательно и потому нуждается в видимом выражении святости и евангельских истин, в действительном видимом воплощении Бога в Своем Творении. Потому, полагаю, Божьей милостью мне за мою такую слабость (или такую особенность моего

душевного устроения) такой человек и был послан в образе старца Николая...

Но проходит образ мира сего...

Эти слова любил повторять и батюшка. И как странно, что о его кончине я узнал не от духовных лиц, а из газеты «Известия», в то время, как я и газет-то почти не читаю. А вот в этот день, 25 августа 2002 года, почему-то купил... Со второй полосы на меня смотрели грустные, глубоко посаженные глаза отца Николая... Статья же сама по себе была вполне светской и весьма поверхностной. Называлась она, кажется, «Ушел из жизни последний святой». «Если бы батюшка это прочел, — подумал я, — то он, наверное бы сказал: "Какой же я святой, я человек грешный!"» И что такое — последний святой? Кто же их сосчитал? Да если бы это последний святой был, то можно уже всем тогда было бы лечь и помереть, потому что мир видимый одним только невидимым подвигом молитвенников и живет, и движется, и существует, хотя бы он сам об этом вообще ничего не знал, никогда ничего не слышал и даже не догадывался. И куда же он ушел? Да никуда он не ушел! Телесно ушел — вот и все! Это нам тяжело, а батюшка освободился от своего бремени, которое и нес исключительно за послушание Воле Божьей, потому она и была для него открыта! И он с Господом, и никто уже у него этой радости не отнимет...

Еще вспомнил я, как говорил отец Николай: «А вы ко мне на могилку приходите, как к живому ходили, и как живому все говорите, и я

не оставлю вас — никого: и тех, кого видел, и тех, о ком просили вы... Молитесь с верою, и по вере вашей да будет вам!»

Не собрался я пока съездить на остров без батюшки, думаю, время не пришло. Потому что когда сроки подходят, то чувствуешь это явно, и уже никаких тогда препятствий нет, и ничто тебя не удерживает.

А разговариваю с батюшкой в сердце каждый день, как и с отцом своим духовным Василием, как и с мамочкой своею Людмилой... И бывает, что вот так говоришь, говоришь, и вдруг такая теплота в сердце изольется и такой покой неизреченный, будто мне и вообще ни о чем ни думать не надо, ни беспокоиться, а кто-то обо мне уже позаботился. Так и уснешь...

И стал я на экскурсиях паломнических рассказывать об отце Николае, и так мне от этого радостно, что люди, не сумевшие попасть к батюшке, могут через мои, грешного человека, рассказы получить какое-то утешение! Словно бы батюшка и впрямь все еще в своем домике, и только постучи или пропой тихонько — «Богородице, Дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с Тобою!» — он и выйдет, легкий, с серебряной сединой, светящейся в лучах теплого солнышка, с иерусалимским масличком в руках, и скажет: «Все будет хорошо, деточка. Все будет хорошо!»...

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА
Алексей Белов

Мой рассказ о старце Николае я должен начать с рассказа о себе, чтобы стало понятно, что для меня значила встреча с ним.

Я родился в семье, не отрицающей веру. Мои родители были повенчаны, меня крестили в младенчестве, но духовного воспитания в семье не было. Однако каждый вечер я видел, как моя прабабушка крестится перед сном, и я, подражая ей, тоже крестился.

В детстве у меня был свой опыт посещения церкви. Из центра Москвы мы переехали в район Медведково, и там, на берегу маленького пруда, куда мы ходили купаться, стоял красивый старинный храм. Мы, мальчишки, иногда из любопытства туда заходили. И я до сих пор помню тогдашнее детское ощущение чего-то таинственного и даже страшного. Но это не такой был страх, как, например, на аттракционах Диснейленда, а трепетный. Веяло вечностью, это было совершенно незнакомое чувство.

Детство и юность мои (я родился в 1958 году) пришлись на хрущевское и брежневское время, тогда о вечном никто и не напоминал. Реакцией на ложь системы стало диссидентство, к духу которого я приобщился в юности. После школы я поступил в архитектурно-строительный техникум, но главным делом там стало занятие

музыкой. Мы собрали довольно-таки неплохую группу, и в 19 лет я уже попал на эстраду. Тогда я встретил музыкантов старшего поколения, которые и приобщили меня к диссидентским настроениям. Но, пожалуй, это было не главное. Главным стало увлечение психоделической и философской современной музыкой, прежде всего группами «Pink Floyd», «King Crimson» и т. д. На их фоне вся советская эстрада стала восприниматься как бессмысленная и бесполезная. Так же как та идеология, которой нас пичкали, — пустые слоганы и портреты вождей.

Через несколько лет, когда я стал играть музыку в стиле арт-рока, мне самому пришлось столкнуться с тем, как система перемалывает всякие творческие поиски. Все, что мы делали, воспринималось в штыки. Нашу группу «Москва» сделали «невыездной» (то есть запретили нам выступать) и включили в черные списки. Был период, когда мне пришлось играть в ночных ресторанах. Потом началась перестройка, и в 1987 году мы смогли создать новую группу «Парк Горького». Выступали мы успешно.

В это время я всерьез столкнулся с темной духовностью. Нас стали осаждать всякие экстрасенсы, колдуны. Один такой экстрасенс меня за несколько минут вылечил от тяжелейшего гриппа. Но за все это потом пришлось расплачиваться — несколько раз я попадал в автокатастрофы, навалились жуткие страсти. А однажды я чуть не ушел из жизни. Это был первый серьезный «звонок». Один «продвинутый» парень принес нам

попробовать наркотики. Мы тогда не знали, что это такое, а он уверял, что это страшно интересно. И, видимо, он мне «вкатил» такую дозу, что я потерял сознание. А дальше все было как во всех описаниях клинической смерти. Я увидел себя летящим по темному длинному туннелю. А потом летел над каким-то большим городом (потом, когда я приехал в Лос-Анджелес, то узнал этот город). И вот на мрачном темно-сером небе зажглась надпись: «Ты играешь в игры со своей жизнью». И я очнулся.

Мои духовные поиски в то время (что вообще было характерно для нашего поколения) обратились к Востоку. Я с интересом читал книги об аскетическом опыте тибетских монахов. Но, правда, в конце концов разочаровался в итогах этих опытов — человек превращается в стук или в свист... Я думал: «И это все?! Столько усилий, достижений, и все ради того, чтобы просто исчезнуть в конце?»

Потом были годы жизни и довольно-таки успешной музыкальной работы в Америке, в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Более десяти лет я жил в США. С 1997 года я стал часто бывать в России. Гастроли «Парка Горького» организовывал в то время наш новый российский менеджер Андрей Большаков, в прошлом — руководитель и гитарист известной рок-группы «Мастер». Он был верующим, воцерковленным человеком, и его пример очень на меня повлиял. Через него я получил свой первый молитвослов и попал на свою первую исповедь. После того, как я стал ре-

гулярно прочитывать молитвенное правило, я почувствовал, что мои грехи, которые я всю жизнь таскал на себе, словно огромную гору камней, совсем меня придавили, что дальше так жить невыносимо и нужно сбросить с себя эту ужасную тяжесть. Я не хотел, как мне в то время казалось, «исповедоваться на виду у всех» — а вдруг меня кто-нибудь узнает и услышит — и попросил подыскать мне храм подальше от Москвы. Андрей отвез меня в сельский храм неподалеку от города Дмитрова, где меня исповедовал опытный священник, отец Анатолий. Это был настоящий водораздел в моей жизни. Когда батюшка после моей часовой исповеди накрыл меня епитрахилью, я почувствовал, что меня как огнем всего насквозь прожгло и не стало той горы грехов, которая меня так давила. Батюшка благословил меня причаститься. Я тогда совсем не понимал, что это такое. Думал, что это обряд какой-то. Но вот после того, как я, причастившись, вышел из храма на улицу, я почувствовал, что весь мир переменился и я все вижу по-новому. Вернулось то ощущение праздника, которое я знал только в детстве. Мне тогда было уже сорок лет, а я чувствовал себя младенцем и только повторял: «Это правда, это не ложь».

Для меня началась совершенно новая жизнь. Я стал постоянно ходить в храм, причащался каждую неделю, постился, очень много молился. И, конечно, очень много читал. Потрясающее впечатление на меня произвела книга о Серафиме Саровском. Это было первое прочи-

танное мною житие, и оно меня буквально поразило, я очень полюбил этого святого. Потом я прочел жития Оптинских старцев, жизнеописание Серафима Вырицкого, который подвизался уже в двадцатом веке... И сам собой возник вопрос: а есть ли в наши дни такие люди? Есть ли старцы?

Это не было праздным любопытством. Просто мне хотелось увидеть плод духовный. Я, например, встречал плоды трудов и таланта в музыкальном мире — общался с великими музыкантами. Глядя на них, я знал, куда идти, на что ориентироваться. Так и тут, в духовной жизни, — мне нужна была путеводная звезда, спасательный круг, маяк, ориентир. Я понимал, что самому в себе мне не разобраться, необходим человек, который бы увидел меня насквозь, сказал бы, что делать. Тогда меня уже стал мучить вопрос: а тем ли я занимаюсь, угодно ли Господу мое творчество? И я стал просить в молитве встречи с таким человеком, со старцем.

Но каким-то странным образом все уже условленные встречи и поездки расстраивались. Люди, которые обещали меня отвезти на остров к отцу Николаю, о котором я тогда уже слышал, как-то вдруг исчезали. У Господа были свои планы. Дело в том, что, когда я молился и просил послать мне духовника, я просил еще и о том, чтобы Бог послал мне суженую. Мне было уже сорок лет, семьи у меня никогда не было, и я даже не представлял, что это такое. Один из исповедовавших меня священников однажды ска-

зал мне: «Ты еще не готов. Вот когда придешь в нормальное состояние, тогда ты ее и встретишь. А сейчас ты ее даже узнать не сможешь».

Прошло несколько месяцев после этого разговора, и вот звонит мне Андрей Большаков и предлагает на следующий день сходить в Данилов монастырь, где должно было состояться перенесение мощей Саввы Сторожевского. Я согласился. Утром просыпаюсь — ну никуда мне неохота идти вообще. Времени — половина восьмого, спать хочется безумно — музыканты ведь народ поздний. Какой уж тут монастырь... К тому же я и не знаю вовсе, кто он такой, этот Савва Сторожевский. Андрей сказал лишь, что это ученик Сергия Радонежского, и все. Так зачем мне это дело? Может, лучше выспаться, отдохнуть?

Но тут я вспомнил один случай, который у нас был на, казалось бы, безнадежных гастролях, когда мы приехали в один город и там нам сказали: «Народ вы не соберете. К нам тут иностранные знаменитости приезжали и то не могли собрать народ». А мы везли с собой трейлеры с дорогой аппаратурой, за перевоз, за аренду нужно было расплачиваться. Так что можно было здорово прогореть. И я решил: утром встану рано и пойду в храм. Помолюсь Николаю Чудотворцу. А утром мне тоже ужасно вставать не хотелось. И я уже стал засыпать после звонка будильника, как вдруг почувствовал, что кто-то меня как будто острыми пиками в пятки тычет. Я встал, побежал в храм. И тогда все устроилось чудесно — и

промокшая под дождем аппаратура заработала, и народа целый стадион собрался.

Я все это вспомнил и решил: «Не хочу опять пиками в пятки». А потом вдруг словно какой-то голос внутри говорит: «Надо идти». И я отправился в Данилов монастырь.

Три часа простоял на службе, которую совершал сам Святейший Патриарх. Когда служба закончилась, я приложился к мощам преподобного Саввы Сторожевского, вышел из собора и отправился в маленький храм на территории монастыря, чтобы заказать поминовение о здравии. У меня папа тогда умирал от рака легких, совсем уже плохо себя чувствовал. И пока я писал записки, процессия с мощами торжественно проследовала мимо, вышла за ворота, потом все уселись в автобус и отправились в Звенигород. Праздник кончился, а со мной так и не произошло ничего особенного.

Я подал свои записки, вышел из церкви и собрался идти домой. Вдруг тот же внутренний голос говорит: «Иди в главный храм». Я думаю: «Зачем, ведь я же только что простоял там три часа, что мне еще там делать?» Вернулся в собор. Там, конечно, уже все разошлись, только две бабушки сидели на лавке, да монах чистил подсвечники. Я походил от иконы к иконе, помолился, приложился к мощам святого благоверного князя Даниила и решил, что пора уходить. Вышел из храма, стал спускаться по лестнице, и в это время меня окликнул женский голос:

— Алексей? — я посмотрел налево и увидел двух девушек.

— Алексей, — говорю. А сам думаю: «Это, наверное, мои какие-то подмосковные родственники, которых я забыл».

А одна вдруг говорит:

— Белов? Из «Парка Горького»?

— Да.

— Ну, здравствуйте! А меня Оля Кормухина зовут.

— Очень приятно, — отвечаю.

Я это имя слышал однажды, лет за десять до нашей встречи. Когда в конце восьмидесятых блеснули самые первые Олины записи, наш вокалист Коля Носков восхищался: послушай, какая певица интересная появилась, голос такой мощный, прямо как у Тины Тернер. Я послушал — действительно здорово. Не помню уже, что это была за песня, какие слова, музыка. Осталось лишь общее впечатление — очень сильный, профессиональный вокал...

Мы вышли из Данилова монастыря, и я предложил вместе попить кофе. И пока мы разговаривали, я почувствовал, что встретил очень близкого мне человека. Как-то тепло внутри стало. Я сказал, что очень хочу попасть на остров Залит к Николаю Гурьянову. На что Оля ответила:

— Так это мой духовный отец.

Я обрадовался, говорю:

— Слушай, отвези меня к нему!

А она:

— Хорошо, но нужно сначала взять благословение.

Тут же Оля стала звонить на остров к тете Нине, которая была как бы связной с батюшкой. И просит ее:

— Тетя Нина? Сходи, пожалуйста, к батюшке, возьми благословение нам с рабом Божиим Алексеем приехать. И попроси погоды.

Через некоторое время позвонила эта самая тетя Нина и говорит:

— Все в порядке, батюшка благословил, приезжайте. И погода тоже, сказал, будет.

Ехать на Залит мы собрались только через две недели. Небо было затянуто тучами, температура около +10°. Но когда добрались до острова, внезапно потеплело до +25°. И все пять дней, что мы провели у отца Николая, погода просто радовала — солнышко светило, тепло было как летом, хотя на дворе уже стоял сентябрь и из Москвы мы выезжали под проливным дождем. Я тогда понял, что значит «попроси погоды».

Нужно еще сказать о том, что произошло за те две недели до нашего отъезда к батюшке. Я отправился на гастроли и попал в Нижний Новгород. Ходил там по храмам и монастырям. Зашел в один монастырь на берегу Волги. Хотел купить икону, но в лавке того, что я искал, не оказалось. Меня послали в иконописную мастерскую. Прихожу, а там такая девушка сидит и икону Спасителя пишет — глаз не отвести! Настоящая Аленушка — голубоглазая, с русой косой, молитвенная. Я спросил, можно ли эту икону купить. Она

сказала, что икона готова будет через несколько часов. Я сказал: «Ну, вот и хорошо. Я тогда после концерта зайду». С концертом были искушения, я опаздывал и застал ее, когда она уже уходила. Купил икону, рассказал о том, что к старцу Николаю собираюсь, ее пригласил.

Ну, в общем влюбился. Так с ее образом в душе и уехал. В Москве Ольге об этом рассказал. А она как раз родом из Нижнего и говорит мне: «Не волнуйся, будет наша. Настоятель монастыря — мой кум». С этим мы и поехали на остров.

Еще в поезде, когда мы только подъезжали к Пскову, Ольга спросила:

— Слушай, а ты вообще-то понимаешь, к кому собрался? Ведь старец не просто так говорит, через него Господь может открыть Свою волю о тебе. Готов ли ты исполнить то, что услышишь?

Я подумал и говорю:

— Да, готов.

— А если отец Николай скажет идти в монастырь, пойдешь?

— Пойду.

— И музыкой заниматься бросишь?

— Брошу.

Этот Олин вопрос был из тех, что меня давно мучил. Я хотел точно знать — не повредит ли моей душе ремесло, которым я занимаюсь?

...Мы вышли из лодки на остров и тут же увидели старца, который стоял у храма на берегу, беседовал в церковном дворе с людьми, приехавшими раньше нас. И когда мы наконец подошли

к батюшке... Помню, что я не смог смотреть ему в глаза. Это была вся Вселенная, яркое-яркое, ослепительно синее небо. А еще старец смотрел на меня, как на человека, изрезанного на куски, видимо, он увидел в этот момент всю мою жизнь...

Я спросил старца: угодно ли Богу мое ремесло? И услышал в ответ: «Угодно, угодно». И не было в его ответе никакой оценки рок-музыки в целом. Просто он видел мою душу, мое отношение к творчеству, стремление не согрешить, сочиняя... Это был ответ мне, и только мне. Потому что я знал людей, которые погубили себя, занимаясь рок-музыкой. Но ведь погибнуть можно на разных путях, гибнут и альпинисты, и художники, и моряки... Даже простой рабочий может пойти вразнос, спиться и умереть от водки. Не в профессии тут дело, а в нашем отношении к ней, к ближним, к Господу, да и к себе тоже. Уже потом я часто слышал от батюшки, что любой труд может быть благодатным, если заниматься им честно и с любовью к людям. А тогда, в первую встречу, он лишь сказал с улыбкой: «Угодно». Но в этом коротком слове я увидел всю свою жизнь.

Ольга спросила, кто ее небесные покровители. Решил спросить и я. И тут впервые встретился с прозорливостью батюшки и понял, что он видит меня насквозь.

В Житии преподобного Серафима Саровского я прочитал о том, что тот, кто будет постоянно читать Богородичное правило, будет находиться под Ее покровом и защитой. И стал читать его про себя.

Об этом я никогда никому не говорил и ни разу в жизни не произнес молитву вслух. Это была тайна, которой я не делился даже с самыми близкими людьми. И вот когда я задал ему вопрос о небесных покровителях, он поднял глаза к небу и запел: «Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» У меня слезы к глазам подступили — для батюшки тайн не было.

Когда я стоял перед батюшкой, в душе моей по-прежнему был образ той голубоглазой Аленушки. И я хотел старца спросить о ней, но молчал. И вдруг батюшка на меня показывает и спрашивает у Оли:

— Слушай, а это не твой муж?

Она отвечает:

— Нет.

Тогда он ко мне повернулся и указал на нее:

— А это не твоя ли жена?

Я растерялся, говорю:

— Нет, батюшка, не моя.

Тут он и сказал:

— Венчайтесь.

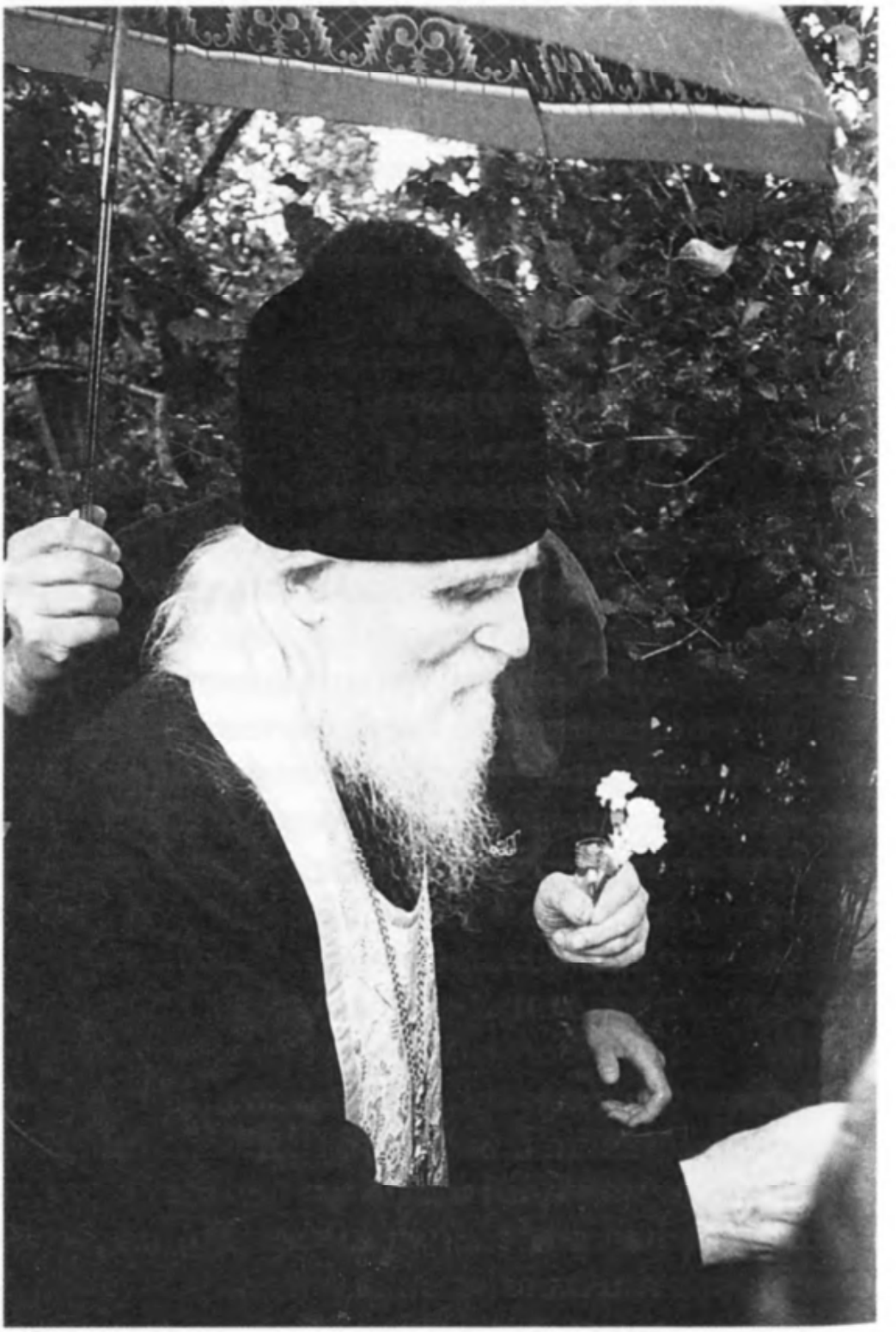
И после этого образ Аленушки как-то сам собой во мне растаял. Хотя слова батюшки нас потрясли. Мы ведь с Олей и знали-то друг друга всего две недели. За это время общались лишь по телефону, если не считать нашей встречи в монастыре. И вдруг слышим от старца – венчайтесь! Батюшка посмотрел на нас, перепуганных, растерянных, засмеялся и говорит:

— Ну ладно, ладно, идите, погуляйте вон по бережку...

И мы отправились гулять по острову. Погода стояла удивительная. Там ведь вообще очень красиво, на Залите. Светило солнце, ветерок шелестел листвой... Мы шли и все повторяли: «Ну и пошутил отец Николай...» Хотя чувствовали, что это не просто шутка. И вдруг я услышал все тот же мой внутренний голос: «Ты просил Бога о суженой, ты просился к старцу — вот тебе все сразу! А ты опять недоволен».

И я решил: если это и в самом деле воля Божия — пусть будет так. Мы с Ольгой стали встречаться, много общались, присматривались, старались лучше узнать друг друга... Через восемь месяцев мы повенчались. Я старцу за это благодарен на всю жизнь. Потому что вижу, что нет конца познанию того человека, которого тебе дал Бог. Почти каждый день ты познаешь в другом человеке, в своей половинке, что-то новое, хорошее, и познанию этому нет конца. Это было точное попадание. Теперь я понимаю, что никакой другой жены мне не нужно было, что я дождался, получил то, к чему шел всю жизнь.

По благословению старца мы купили на Залите небольшой домик, чтобы быть поближе к нему, и все свободное от выступлений время проводили на острове. Все самые важные моменты в нашей жизни были связаны с батюшкиными советами, благословением, молитвенной помощью.



Прежде всего я благодарен батюшке за моего папу. Как я уже сказал, мой папа долго болел, у него был рак легких. Батюшка благословил его причастить, как только вернусь с острова. К нам домой приходил один батюшка, бывший музыкант, отец Алексей. Я ему позвонил, попросил прийти и причастить папу. Он сказал, что сейчас уезжает, приедет через неделю, тогда и придет.

Видимо, надо было не дожидаться, а вести любого батюшку. У папы часто были приступы, он задыхался. Я обычно маме в таких случаях говорил: «Давай молиться!» Мы молились, и ему становилось легче.

И в последний раз мы так же поступили. Но мама бежит ко мне: «Лучше не становится. Совсем плохо». Тогда я пошел в комнату к папе. И вижу такую картину: у него открылось видение духовного мира, и он страшно напуган. Видел он явно не ангелов, и был в ужасе. Силы его оставляли, он склонялся, закрывал глаза, мама махала полотенцем, он опять открывал глаза и буквально цепенел от ужаса. Надо сказать, что этот ужас почувствовал и я. Почувствовал, что отрылась бездна и что моя молитва как наперсток теплой воды для холодной реки. Как бы я ни молился, все это мгновенно проглатывается и уносится в бездну. Чувствую, что как бы опереться не на что — я ничем своему отцу не могу помочь. Тут я вспомнил об отце Николае, у которого мы побывали десять дней назад. И я про себя прокричал: «Отец Николай, помоги!» Не успел я еще до конца проговорить последний

слог, как у нас в комнате произошло некое движение. Наверное, если бы лежали листы бумаги, они бы закружились по комнате — я явно видел и чувствовал порыв воздуха, как будто тут стоял невидимый танк и он развернулся и ушел. И в это же мгновение папа затих и стал склоняться. А я вдруг ощутил мир, мир необыкновенный. Исчезла бездна, исчез леденящий холод, и все наполнилось теплотой и покоем.

В это время приехала «Скорая помощь», и врачи констатировали: жить осталось несколько минут. Мама ушла звонить, вызывать спецтранспорт. А я остался вдвоем с папой и думал: «Может быть, я с ума сошел? Ведь это мой папа умер, а я чувствую мир. Непоколебимый». Я дернулся внутренне: может, что-то не так? Проверил себя. Нет, мир непоколебимый.

Тут мама пришла: «Все, машина выехала. Надо его приготовить».

В то время, когда я его стал укладывать, у него открылись глаза. И я увидел в них такое выражение, которого никогда не забуду. Это были глаза годовалого младенца, которому показали сразу тысячу Дедов Морозов. Такой восторг! Даже у детей постарше такого уже не бывает. И из этих глаз струился такой свет, золотистого, радужного цвета.

Все это я связываю, конечно, с отцом Николаем. Когда я приехал в следующий раз на остров и встретил батюшку, он стоял в окружении людей, прощался с ними, как всегда это делал, стихами. А когда он стал уходить, я его оклик-

нул: «Батюшка!» Он приостановился, смотрит на меня серьезно. Я говорю: «Батюшка, спасибо вам за папу». Он смотрел на меня обычным взглядом, но когда я произнес эти слова, с его глазами что-то случилось, как будто что-то зажглось в них, расширилось, углубилось, они вмещали всю Вселенную. В этом взгляде было столько скорби, выразить это словами невозможно. Он мне кивнул, как бы принимая мою благодарность, и пошел дальше.

Потом мы встречались со старцем многомного раз. Иногда по два раза в неделю ездили на остров из Москвы. Дом наш стал странноприимным. Мы продолжили традицию прежней его хозяйки Евдокии. Она много лет принимала паломников на острове, десятки человек у нее размещались — в тесноте, да не в обиде. И мы стараемся принимать у себя людей. Потому в нашей памяти сохранились не только случаи проявления святости старца, с нами связанные, но и то, что нам другие люди рассказывали.

Мы со старцем говорили не так много, но это и не нужно было. Старец мог в пяти словах дать руководство на всю жизнь, объять прошлое и будущее. Иногда в поезде едешь, а уже все твои проблемы разрешились. Однажды я повез к батюшке моего двоюродного брата. Отец Николай, пока мы ехали, явился ему во сне и сказал все, что надо было делать. Он тогда не принял на веру этот сон, и когда мы приехали, он задал ему свои вопросы, и старец повторил слово в слово то, что он слышал во сне.

разных местах. Утром просыпаюсь, встаю на утреннюю молитву. Беру молитвослов, произношу буквально два слова и не выдерживаю, сажусь на стул, потому что я ощущаю себя птенцом, которому в крылышки дали заряженную Царь-пушку. И от птенчика зависит только одно — сказать: «Пли!» Но я понимал, что неизвестно, что потом от этого птенчика останется, потому что отдача от такого выстрела будет громадной. Тогда я понял, что нельзя прыгать через ступеньки. И только сказал: «Господи, прости меня! Батюшка, прости меня! Пусть все будет так, как было. Пусть птенчик останется птенчиком».

В следующий приезд Ольга меня убедила в том, что мне нужно проситься к старцу в духовные чада. Говорила, что это целый обряд, что раз она его чадо, а нас благословили венчаться, то и мне пора становиться чадом батюшки. Вот мы приехали на остров, я подхожу к отцу Николаю и говорю: «Батюшка, а можно мне за вас как за духовника молиться?» Я слышал, что кому-то на этот вопрос он отвечал: «У тебя есть духовник». А мне он сказал: «Молись, молись, я люблю, когда за меня молятся». Я достал у кого-то молитву Богородице за духовного отца и выучил ее наизусть. И по вечерам после молитвенного правила перед сном стал ее читать. И вот в один из вечеров читаю я эту молитву, и вдруг прямо посредине нее стоя засыпаю. Вдруг меня кто-то как тряханет изнутри! Открыл глаза, вижу: стоит передо мной батюшка в монашеской мантии, в епитрахили, очень на преподобного Серафима

Саровского похожий. Этот было одно мгновение, и он исчез. Проходит месяц — та же история повторяет в точности до подробностей. Но после случая с папой для меня это было неудивительным. Это был пример того, что чудеса существуют. Господь мне показал, что святому человеку все возможно — недаром святитель Николай являлся людям в разных местах при жизни на большом расстоянии. Так и с батюшкой было.

Мы были свидетелями такого случая. Однажды на острове поднялась страшная буря и вдруг мгновенно затихла. А когда мы подошли к келье батюшки, то его келейница сказала, что шел смерч, батюшка вышел, перекрестил, и все рассыпалось. А потом оказалось, что он мальчика от смерти спас. Этот мальчик вышел рыбачить на большой лодке и во время смерча он мог бы погибнуть, разбиться на этой лодке.

Батюшка вообще спасал людей от смерти не один раз. Так было с нашей дочкой. В младенчестве она очень тяжело переносила высокую температуру, у нее начинались судороги. И вот однажды судороги были такие сильные, что у нее запал язык и началась асфиксия, она уже синеть начала. Тогда я про себя закричал: «Отец Николай, помоги!» И язык вернулся на место, она задышала ровно.

Мы много слышали рассказов об исцелениях по молитвам батюшки. К нему привозили безнадежно больных, а возвращались они с острова здоровыми. Особенно запомнился

случай, который произошел с одной женщиной из Ивановской области. Ее маленький сын (или племянник) по незнанию и баловству попал ей в глаз ручкой с чернилами, глаз воспалился. Она стала ходить по врачам, никто не мог ей помочь. Говорили, что нужна операция, и она поехала на остров за разрешением этого вопроса. Приехала, попала во дворик и вместе со всеми паломниками подошла под батюшкино благословение. Помазалась иерусалимским маслицем и спросила про операцию. А старец ей по-псковски, с особым выговором ответил: «Ня нада». Батюшка стал уже уходить, и вдруг сорвал яблочко с дерева у дома, обернулся и кинул его в народ, через забор, на довольно-таки большое расстояние. Яблочко это попало женщине прямо в больной глаз. А батюшка еще спросил:

— В кого я попал?

Женщина отозвалась:

— В меня, батюшка.

— А ты возьми это яблочко и съешь.

Так она и сделала. А потом почувствовала, что глаз у нее не болит. Сняла повязку — глаз чистый, все прошло!

Так же говорят, что батюшка митрополита Питирима (Нечаева) исцелил от сахарного диабета. Когда они разговаривали в домике батюшки, отец Николай вдруг говорит владыке:

— Откройте рот!

— Батюшка, у меня диабет!

— Ничего, открывай рот.

И кладет ему в рот ложку за ложкой сахарный песок (он вообще любил сладким угощать, медом, сахаром). Владыка испугался:

— У меня диабет!

От такой дозы сахара действительно можно было умереть. А старец пока владыка этот сахар пытался проглотить, все приговаривал:

— А ты говоришь: «диабет»!

Так произошло исцеление. А еще он дал владыке с собой пирожки для его больной сестры.

Был такой случай. Однажды на остров привезли бесноватого монаха. Валентина Васильевна, когда ей нужно было куда-то уйти, запирала калитку и входную дверь. И в тот раз она ушла, заперев старца. Только она ушла — бесноватый перепрыгнул через высокий забор. Люди, видевшие это, испугались за старца, потому что знали, что дверь в домик такая, что ее и ребенок может выбить. Побежали скорее к домику, заглянули через забор и видят, что во дворе лежит какая-то бесформенная масса. А из-за запертой двери слышен голос старца: «Мишенька (это был строитель, который батюшке много лет помогал), посади его на лавочку». Потом, когда дверь открыли, он подошел к болящему: «Ну, не очень я тебя сильно задел?» Такой силой обладал старец!

Вообще у каждого человека была своя история с батюшкой. Наверное, можно было бы записать десятки тысяч таких историй. Потому что на остров приезжали именно десятки тысяч людей. Особенно тяжелые времена были, когда

Был у меня один смешной случай. Я, как неофит, очень много читал духовной литературы в то время. И очень много мечтал. И вот я прочитал, что святые видят мысли человека. Необязательно им задавать вопросы вслух — они и так все слышат. Я решил это проверить на старце Николае. Приехал, как всегда стою в очереди, все вопросы задают, старец отвечает. А я подхожу, молчу, а про себя думаю: «Батюшка, помолись, чтобы Господь даровал мне молитву, такую, как у тебя». Батюшка смотрит на меня: «Ты все?» Помазал меня и отпустил. Приезжаем мы домой, я уже забыл про это дело. Мы тогда жили с Олей в

по благословению псковского владыки батюшка стал принимать толпы паломников. В день приезжало до пятисот человек, и батюшка всех принимал, выслушивал, благословлял. Ему было девяносто лет, а он часами выстаивал на больных ногах, принимая людей.

Он молился за каждого, кто к нему подходил. Молился по ночам, и тогда невидимый духовный мир становился видимым. Нам рассказывал один из охранников батюшки, как однажды среди ночи к нему прибежала старшая келейница и позвала его к домику. Когда он пришел, то услышал, что под кельей батюшки в полу или в земле раздаются такие звуки, как будто сталелитейный цех работает. Он был в ужасе, а она сказала: «А у нас всегда так. Каждую ночь». Келейница сказала, что один раз она услышала ночью сильный удар в стену, а утром, войдя к батюшке, увидела, что один из его посохов с железным наконечником вонзился в стену, а на стене остался мокрый след.

Помогал старец островным жителям и своей молитвой, и материально. Все, что ему привозили, он раздавал. А на деньги кому-то дрова купит или еще с какой-то нуждой поможет справиться.

Батюшка всего себя людям отдавал, не жалел. Однажды он из-за нас пальцы себе отморозил. Мама моя рассказывала, как однажды мы задержались в храме, а она вместе с одной девочкой вышла из храма и пошла вместе со старцем к домику и все старалась его задержать. А он ей

говорит: «Я их ждать не буду». А все-таки стоял, ждал и потом говорит: «А вот Оля с Алешей бегут». Мороз тогда был тридцать градусов. И он ради того, чтобы нас благословить, терпел его, так, что даже пальцы отморозил.

Еще рассказывала наша знакомая монахиня Арсения, у который на острове живет сын. При ней на остров приезжал афонский монах Герасим, живущий в уединении в пещере на Афоне, подвижник и молитвенник. Он по благословению старца помазывал народ, так как батюшка в это время лежал и не мог встать. Потом мать Арсения увидела его стоящим у часовни Николая Чудотворца на берегу. Он горько плакал, почти рыдал. Она подошла к нему и спросила, что случилось. А он ответил: «Вы не знаете, кто здесь живет. Я много видел в своей жизни подвижников, но такого второго старца нет на земле. Он зрит Пресвятую Троицу. Ему бы жить и жить, но из-за вашего эгоизма Господь его скоро заберет». Действительно, через год батюшка отошел в Вечность. Может быть, даже меньше, чем через год.

Такие же свидетельства о святости старца я получил на Афоне и в Иерусалиме. У всех монахов, с которыми мы встретились, были фотографии старца. Все его очень почитали. Когда мы были на вечерней службе в Хиландаре, в сербском монастыре, духовник принимал у меня исповедь. Я решил ему подарить фото отца Николая, так как взял с собой целую пачку, чтобы дарить людям. Он взял фотографию, посмотрел и сказал: «Отец Николай!» И убрал фотографию к себе в шкаф-

чик. Потом я узнал, что духовники некоторых афонских монастырей, в том числе отец Тихон из Хиландаря, приезжали на остров к батюшке Николаю. Для меня это было поразительно. Ведь Святая Гора — центр сосредоточения монашеского опыта более тысячи лет. Можно сказать, что это «институт старчества», здесь возросло много старцев, в том числе современных. И вот с Афона монахи ехали на какой-то далекий остров в России, чтобы увидеть святого.

Еще вспоминаю, как мы однажды были на Афоне в келье, которая принадлежит болгарскому монастырю Зограф. Вместе с ее насельниками Евгением и Виктором (они отец и сын) мы отправились к одному почитаемому греческому старцу, который одновременно был портным, обшивал весь Афон. Его келья находилась недалеко от Андреевского скита. Вот мы пришли к нему, Евгению нужно было заказать у него облачения и еще задать какие-то вопросы.

На стене у старца висели большие дореволюционные портреты Царя-мученика и Царевича Алексея. Ребята стали задавать вопросы старцу, тот по-гречески очень эмоционально им отвечал. А у ребят был портрет старца Николая, и отец его почему-то вынул и положил его на стол. Когда этот очень эмоциональный духовник увидел портрет старца, он вдруг неожиданно замолчал, взял портрет, сказав: «Это мое», и быстро ушел. Это было очень сильное впечатление.

Господь сподобил нас побывать у старца за три недели до его кончины. До этого мы очень

долго не видели старца, он был в затворе. И вот неожиданно, когда мы вместе с другими людьми стояли у домика, келейница нас позвала и сказала: «Пройдите». Мы вошли в келейку батюшки и сразу упали на колени. Я таких людей никогда не видел! С чем сравнить не знаю. Старец был весь как мрамор. Белоснежный, кожа была такого же цвета, как и волосы. Потом я вспомнил о том, что нам говорили, что тело батюшки пять лет не видело воды, а от него всегда исходило особое тонкое благоухание. Мы провели с батюшкой минут сорок. Он кормил нас очень вкусным зефиром в шоколаде и спрашивал: «Нравится пряник, вкусно?» Пропел нам «свою песню»: «Прошел мой век, как день вчерашний...» Поцеловал нас. Мы вышли и идем по дорожке, а впереди идут два брата — близнецы-монахи из Питера, Кирилл и Мефодий. Тут выбежала келейница и кричит: «Кто тут Кирилл и Мефодий? Идите сюда». Батюшка их увидел и позвал. Такова была его прозорливость.

В эту последнюю встречу батюшка дал нам духовные ориентиры, простился с нами, но показал, что он уже в таком состоянии, что всегда будет нас видеть и слышать. И теперь проходят годы, мы вспоминаем те или иные слова старца и только сейчас начинаем понимать, почему он так говорил, что значат его слова.

Например, как-то мы, начитавшись книг о страстях, решили спросить старца о том, какие у нас страсти, с чем нужно бороться. Мы думали, что сейчас старец нам откроет что-то потаенное,

нам самим невидимое. А батюшка вдруг взял и назвал три страсти, которые, казалось бы, давно уже меня оставили. Я еще подумал: «Да, это уже все в прошлом». И вот прошло время, года два или три, и эти страсти накинулись на меня с такой силой, что раньше и не снилось. Только по молитвам старца удалось избавиться от того, что он задолго до этого предвидел.

Старец помогает нам и после кончины. Вот какой случай произошел с нами через три года после его ухода. Нам очень хотелось попасть вместе на Святую Землю, но как-то не получалось. Однажды мы спросили у старца, попадем ли мы в Иерусалим. «Попадете, попадете», — ответил старец. И, показав на маленького Олиного племянника, добавил: «И его с собой возьмите». Через три года после кончины старца, в 2005 году, наша поездка наконец состоялась. Нас неожиданно пригласил один серьезный человек со второго канала российского телевидения присоединиться к их группе. Мы взяли с собой племянника Сашу, как батюшка и благословил.

Приехали мы накануне Пасхи, и в Великую Субботу, как и все паломники, устремились к храму Воскресения Христова, чтобы быть там в момент схождения Благодатного Огня. Так получилось, что я смог пройти вместе с телевизионщиками чрез первый кордон израильской полиции, а Оля с племянником осталась с другой стороны. Ее и еще примерно триста человек паломников полиция отсекла от входа и пускать не хотела. Я попробовал по-английски поговорить с

офицером, упрашивать его. Но он мне ответил, что меня сейчас отправит к жене, а ее не пропустит.

И тут я вспомнил, что ведь батюшка же нас благословил на эту поездку и возопил про себя: «Отец Николай, миленький, помоги! Видишь, Ольга там застряла». Через минуту Ольга с мальчиком стояли рядом со мной, в полном недоумении. Ольга рассказала, что неожиданно к их галдящей толпе подошел удивительно красивый офицер в белом кителе, показал на нее пальцем и сказал по-английски: «Ты, подойди». Он велел полицейским пропустить ее, а потом скрылся. Это было настоящее чудо!

А потом стало понятно, почему батюшка благословил взять Сашу. Когда мы попали в храм, нам удалось встать близко к Кувуклии, Саша же попал прямо на ее крышу, рядом с окошечком, в которое Патриарх протягивает свечи с Благодатным Огнем. И Саша первый получил от Патриарха Огонь и потом всем его передавал.

Однажды моей маме открылся тот образ острова, который не виден обычному взору. Она в первый раз поехала с нами. По дороге она очень боялась, потому что знала, что старец святой. И вот еще по пути снится ей сон. Она видит озеро, а вода на нем особенная, и прямо по воде дорога пролегает и стоят столбы, которые освещают ярким светом эту дорогу. И она во сне думает: как же эти столбы прямо на воде стоят, и как это мы прямо по воде едем?

к отцу Николаю, так как у меня были важные жизненные и духовные вопросы, которые мог разрешить только старец. Но я не восприняла это тогда. И впоследствии священник, ставший моим духовником, также благословил меня поехать к Батюшке, но только спустя несколько лет меня, буквально зажатую со всех сторон неразрешимыми проблемами, прямо-таки вынесло на берег острова Залит к ногам старца.

Я благодарна моим духовникам. Конечно, я делаю ошибки, конечно, я падаю, но они научили меня не отчаиваться, вставать сразу после падения, каяться и не углубляться в обрядовую сторону. Учили главному — смотреть, что мешает любви и простоте. Тому, о чем постоянно отец Николай говорил: «Где просто, там ангелов со сто, где мудрено — ни одного». Главное в жизни — не мудрить.

У меня были ситуации, когда я обращалась к отцу Николаю с вопросами, которые в миру я не могла бы озвучить. Я говорила ему просто, то, что на душе лежит, ну, например, могла сказать о зависти: «Меня жаба задушит, если другой певице дадут мою партию», а он только смеялся: «Не задушит». Это не была свобода, довольно тесненько все было, но это была именно простота, без ненужного мудрования.

Это, кстати очень важно для людей искусства, когда есть опасность «уехать», перестать быть собой, с собой разъехаться. Особенно это наглядно в шоу-бизнесе, когда человек становится популярным и рождается некий фантом,

которому все поклоняются. И может так случиться, что он сам себя начнет отождествлять с этим фантомом. Поверит, что он и тот, кому поклоняются, — это одно и тоже. А на самом деле это не ты, это некий сегмент в тебе, который «усекла» публика, который она обожествила и поклоняется. И так можно потерять себя настоящего.

Я, когда заметила эту опасность для себя, решила уйти из шоу-бизнеса. Поняла, что если я не отодвину от себя это, то меня разорвет. Мне всегда было важно остаться самой собой. Как сказал один священник: «Кормухина с кровью, через терния продирается к самой себе». Потому Господь, наверное, был милостив и помогал всегда — из-за этого стремления быть собой.

Так Он мне открыл дорожку к старцу — никаких препятствий не было. Помню, как мы приехали в первый раз. Вечером благословились со всеми вместе. А с утра раненько я одна побежала к нему. Бегу и читаю псалмы по дороге, которые знаю наизусть. И про себя прошу: «Отец Николай, ты мне сейчас так нужен. Так нужен, ты меня, пожалуйста, прими». Мужчина навстречу идет: «Вы к батюшке?» — «Да». — «А его уже заперли». Его келейницы запирали и уходили, чтобы народ не ломился.

Но я не поверила. Бегу и опять прошу: «Батюшка, ты мне так нужен, прими меня». Подбегаю к домику, вижу — толпа стоит. А над людьми видна батюшкина скуфеечка. Значит, он тут, не ушел!

Сердце забилось у меня, как у кролика, вот-вот выпрыгнет. Вошла я во дворик, повернулась, чтобы калитку закрыть, а когда обернулась, вижу: дорожка уже расчищена, люди все расступились и меня пропускают. Отец Николай сказал тем, кто его окружал: «Пустите ее, это ко мне». Не видя еще меня, духом провидел — это меня настолько поразило!

Это было так, как я читала в житиях святых. И при этом так легко и просто. Батюшка взял мое сердце, оно как будто на ладонь к нему выпрыгнуло и там навсегда осталось. И сейчас я знаю, что никто его не заменит. Мы имели встречи со старцами, и знаем (хотя, может быть, так грешно говорить), что никто с отцом Николаем не сравнится по той силе воздействия, по той силе утешения и вразумления, которыми он был наделен. Одним взглядом, особым выражением лица он мог сказать больше, чем сделали бы многие слова, целые тома поучений. Он был как рентген, который все освещал в твоей душе. Причем вылезали такие вещи, о который ты и сам не подозревал, не хотел признаться в них. Есть такие вещи в нас, о которых мы лукаво думаем: «Да как-нибудь это рассосется». А как раз эти-то вещи и есть самые главные наши проблемы, и старец помогал это увидеть, внушить, что не рассосется. Это и надо врачевать в первую очередь.

Когда я подошла к старцу, первое, что он мне сказал, было: «Ну что ж ты так долго?» Я думала, что он имеет в виду, что поздно пришла, проспала. Отвечаю: «Батюшка, простите, про-

спала, наверное». А он не об этом говорил. Ведь мне еще в 1992 году мой духовник сказал: «Тебе нужно к отцу Николаю». А я все не ехала. Приехала только в 1997 году. Пять лет — это долго. Только потом я поняла, что это значит. Может быть, и жизнь моя по-другому сложилась бы. Может быть, и не надо было мне тогда бросать мою работу, потому что первое благословение, которое мне дал старец, было: «Пой». – «Батюшка, что же — на эстраде петь?» — «Пой».

Но я думаю, что когда Господь видит, что ты что-то ради него делаешь, то если даже ты ошибаешься, Он исправит. Как батюшка говорил: «Господь пути поправит». Главное, чтобы ты видел конечную цель. Видел, что ради Господа ты все делаешь.

А почему меня отправляли к старцу? У меня уже было два неудачных брака, и я думала о монастыре. Мне было тридцать семь лет, когда я приехала к старцу, и потому я была уверена, что о каком-то новом замужестве думать не приходится. Я хотела получить от него благословение на монастырь. Хотя мне было страшновато, что я не справлюсь, но решимость у меня была непоколебимая. Я решила, что если старец благословит, то я «ничто же сумняшеся» пойду в монастырь. Поехала я на остров, потому что мне нужно было решить квартирный вопрос — брату многодетному нужно было все имущество передать.

На самом деле я все уже распланировала. Думала: сейчас я со старцем решу насчет квартирного вопроса, а потом уже приеду благослов-

Подножье памятного креста у Никольского храма

А потом видит свет, который освещает храм на берегу. И она поняла, что это отец Николай указывает людям дорогу. По морю житейскому к Острову Любви.

ГОСПОДЬ ПУТИ ПОПРАВИТ...
Ольга Кормухина

Сначала расскажу о себе. Первый мой осознанный приход на исповедь произошел в 1992 году. И это был священник, который хорошо знал старца Николая. Мне вообще очень повезло с наставниками в жизни. Священник, у которого я впервые исповедовалась, буквально сразу посоветовал мне поехать

ляться в монастырь. Получается, что я не просто распланировала свою жизнь, а волю Божию распланировала. Вот что страшно и смешно одновременно. Смешно, потому что над собой остается только посмеяться в этом случае.

И действительно, по молитвам старца с квартирой все устроилось, а через месяц-полтора я поехала брать благословение в монастырь. Поехала я вместе с друзьями.

Надо сказать, что в это время у меня были две серьезные проблемы — курение (я никак не могла бросить курить, хотя и очень хотела этого) и еще мне нравились вкусные спиртные напитки. Я, можно сказать, «кайфовала» от изысканных ликеров, ромов, вин и ничего не могла с собой сделать. Я была настроена при помощи старца с этим кончить. Но перед этим решила отвести душу — купила бутылку вкусного дорогого ликера «Мисти» клубника со сливками. Выдула ее всю в поезде, потому что понимала, что это моя последняя бутылка. Написала исповедь на многих листах. Но блок сигарет «Мальборо» себе оставила. Бутылку выбросила, а сигареты оставила. И со всем этим багажом я направилась к отцу Николаю брать благословение на монастырь.

Утром мы пришли к старцу: «Можно нам причаститься?» — «Можно, только поисповедуйтесь». Мы поисповедовались, причастились, опять идем к батюшке. Вот подходим мы к домику, видим, люди вокруг старца кучками собрались, мы к ним присоединились. А он бегает между людьми и спрашивает: «Пьешь, куришь?

Пьешь, куришь? Пьешь, куришь?» А меня не спрашивает. Я думаю: «Ведь это моя проблема. А меня он не спрашивает». Я хочу сказать, а не могу. Чувствую, что бес мне рот заткнул. Просто натурально это чувствую. У меня вены на шее надулись, а я не могу ни слова сказать. Но чувствую, что если я сейчас не скажу, то мне конец. Просто конец. И все! Я напряглась из последних сил и взмолилась: «Господи! Помоги мне!» И тут же закричала: «Батюшка! Я пью, курю! Ненавижу себя за это!» А он, как будто ждал этого, подбежал ко мне, перекрестил рот и говорит: «Все. Больше не будешь». И действительно, это было 19 июля 1997 года, с тех пор я не принимаю ни спиртного, ни сигарет.

Был у меня такой случай. Как-то после концерта мы с моим администратором зашли к моему брату, у меня ключи были от его квартиры. А так как их дома давно не было, то у них на кухне было хоть шаром покати. Я нашла только лекарственный состав: алое, кагор и мед. И решила: «Ну, хоть для сладости положу в чай». Не успела я один глоток сделать, как меня начало выворачивать. А подружка моя смеется: «Ну, тебя отец Николай здорово закодировал!» Самое удивительное то, что у меня даже и тяги к спиртному с тех пор нет.

С курением было сложнее. Я, чтобы справиться, руки занять (потому что в курении важна моторика — руки всегда заняты) стала закручивать консервы. Утром ходила на рынок, все закупала, а потом крутила банки, как сумасшед-

шая, три недели. Мне потом моя сноха беременная спасибо сказала. Но, конечно, если бы не молитва батюшки, не справиться было бы. Я ведь после того, как он меня благословил не курить и не пить, пять дней просидела у его ног. Буквально сидела у лавочки, держала его валенок и говорила: «Батюшка, мне страшно. Все вернется». А он говорил: «Ничего не бойся». И теперь, когда я вижу курильщиков, то всех уговариваю: «Миленький, бросай!»

А после того я уже стала спрашивать о монастыре, хотя слова этого не произносила. А спросила так: «Батюшка, благословите меня жить в чистоте». Он меня хлоп по щеке и говорит: «Венчайся. Будешь венчаться. Муж вернется и венчайся». Я в ужасе: «Господи, помилуй, не дай Бог». И про себя еще думаю: «Какой муж, первый или второй? Ни того, ни другого не хочу». А батюшка улыбается и говорит: «А жених какой благочестивый будет!» Потом только я поняла, что Алексей тогда еще был в Америке. Через полгода он вернулся в Россию, я думаю, что это его батюшка вытянул из Америки.

Самое удивительное, что он и имя его мне предсказал прикровенно. Правда, как нормальная умная ослица, я поняла это только на восьмой год после того, как эти слова были сказаны. У меня день рождения 1 июня, и в тот год он приходился на постный день. А гости у меня ожидались разные, не все верующие, я решила на день перенести празднование. И думаю: «Надо в календарь посмотреть». И вижу — память совер-

шается святителя Алексия, митрополита Московского. О, значит именины моего мужа сразу после моего дня рождения! И тут я вспоминаю, как однажды восемь лет назад мы стоим у батюшки. Народа еще нет. Никто еще не приехал к батюшке, только мы — местные, несколько человек, стоим у калитки. Мы так любили эти тихие часы: с батюшкой можно было и пошутковать, и попеть. Он очень любил петь. Я иногда скажу: «Батюшка, давайте споем!» Или он сам скажет: «Давайте споем!» И сам запоет: «Архангельский глас...» Он очень любил особый распев: «Радуйся, благодатная, Господь с Тобою...» Часто пел «Господи помилуй» своего сочинения по-эстонски, «Кирие элейсон» по-гречески.

И вот в одно такое тихое утро стояли у батюшкиной калитки местные женщины. Кстати скажу, что он их иногда не благословлял, за то, что в штанах ходят. А они хитрили: внизу «треники», а наверх юбку оденут. Батюшка в ответ на их просьбу помолиться говорит: «А я зватьто вас как забыл». Они в ответ ему тоже шуткой отвечают: «А мы тоже забыли, батюшка». — «Ой, вспомнил». И называет мужские имена каждой из них — «Петр», «Константин», «Владимир» — это все имена их мужей. Так он обличал, что они чин нарушают. И я тогда спросила тоже: «Батюшка, а я кто?» — «Митрополит». А подруга моя говорит: «Да она игуменья, батюшка. По-смотрите, какая». — «Митрополит». Так Бог мне послал Алексея, а батюшка это заранее видел.

Алексей уже рассказывал, как мы познакомились, а я расскажу свою историю.

Получилось так, что подружка моя влюбилась в певца одного. А я считала, что они не совместимые люди. Повезла ее к отцу Николаю. И он ей сказал: «Не сомневайся, это твой суженый». «Ну, — думаю, — ладно, раз батюшка сказал, значит так и есть». А у самой все равно сомнения — ну так уж они не подходят друг другу! А старец, видимо, это прозревая, пред тем, как мы уходили, по спине ее постукал: «Свекрови-то нет у тебя. Счастливая». А у того человека недавно мама умерла. И он тем самым подтвердил еще раз — он и есть суженый.

Нам посоветовали пойти к архимандриту Даниилу в Даниловский монастырь на исповедь, потому что сказали, что он берет эстрадных. А то ведь тогда священники от нас шарахались.

Я слышала, что нужно семь акафистов святителю Николаю прочитать, чтобы он устроил замужество. И я вместе с подружкой читала все семь дней акафист. В тот день, когда мы в Данилов собрались идти, у меня температура была 38, но я решила, что ради друга надо идти, выпила жаропонижающее. Туда должна была прийти одна знакомая и подвести нас к отцу Даниилу.

И вот мы приехали, а я от температуры в какой-то прострации — ничего не понимаю, что вокруг происходит. Вижу — патриарх идет, большая процессия, ковчег с мощами несут и поют: «Преподобне отче Савва, моли Бога о нас». А я, надо сказать, очень почитаю преподобного

Сергия Радонежского, в первый раз сознательно к святыне, к его мощам в Троице-Сергиеву Лавру ездила. А преподобный Савва — его ученик. Я так обрадовалась! Но почему-то вспомнила батюшкино благословение о замужестве и опять про себя думаю: «Как я этого не хочу! Да ну, опять все эти заботы. А если по-христиански, то нужно в послушание идти: «Господин мой» и прочее (я тогда уже начиталась всякой правильной литературы), а я так не могу, не умею». Такая брань внутри меня была почти год. И вот я стою посреди Данилова монастыря и вдруг внутри меня голос: «Ну, преподобный Савва, давайте мне мужа. Все, я согласна». Прямо так и сказала. Почему я именно в этот момент об этом вспомнила? Не знаю.

И вот мощи унесли, мы поискали отца Даниила, нам сказали, что его нет, он уехал. Мы решили уходить, вышли за ворота. И вдруг, я ничего не говоря, разворачиваюсь, и бегу обратно. Сама не знаю, почему.

И вот, как только мы вошли в храм, я увидела Белова. А до этого я была просто влюблена в его музыку. Но знакомы мы не были. Хотя столько было поводов для знакомства, общий круг общения был. Но не было воли Божией. А я все-таки подспудно думала о нем.

Итак, стою, смотрю, как Белов себя будет в храме вести, то есть насколько он воцерковленный. Думаю, подходить к нему не буду. Говорю: «Оля, пойдем приложимся еще к мощам». И вдруг мы оказались совсем рядом с Беловым, а

я опять думаю: «Нет, подходить не буду. Опять этот рок-н-ролл, разговоры все эти. Ничего этого не хочу. Зачем мне это искушение?»

Конечно, я не думала при этом ни о каком замужестве. Я вообще, уже смирившись, что будет какой-то муж, была уверена, что это будет человек какой-то другой профессии, чтобы никак это не было с прошлым связано.

И вдруг в этот момент мне говорят: «А вот это — отец Даниил». Мы подошли к нему, договорились об исповеди. Он на меня очень внимательно посмотрел и благословил.

После этого мы вышли из храма и прямо-таки столкнулись с Беловым. А я до этого все-таки решила: «Если есть воля Божия, то мы познакомимся». Но ведь я, можно сказать, три знака получила. Три раза от него отходила и все равно рядом оказывалась. Тут уж я к нему подошла и сказала: «Вы Алексей Белов? А я — Ольга Кормухина».

Повенчались мы весной 1999 года и через три месяца, я, очень волнуясь, стала спрашивать или клянчить у отца Николая: «А детки у нас будут?» — «Будут, будут. Если мальчик — то Анатолий, если девочка — Анатолия». Так он время рождения нашей Тошки предсказал.

Я очень почитала преподобного Серафима Саровского и решила, что мне надо паломничать в Дивеево, клянчить у преподобного ребенка. Но нужно на это взять благословение у батюшки. Я звоню моей «связной» тете Нине и прошу ее: «Спроси у старца. Надо ли мне ехать. И внима-

тельно слушай, что он скажет: «Бог благословит», «Благословляю» или «Хорошо, хорошо». Я к тому времени уже была научена, что нужно внимательно слушать, что батюшка говорит.

Перед паломничеством в Дивеево было со мной такое: я впала в страшный духовный ступор. Вроде ты и не болеешь, но делать ничего не хочешь и не можешь. Душа как мертвая. Вообще вся ты как мертвая. Как будто тебя нет. Непонятное состояние. Маета какая-то, как будто тебе что-то хотят сообщить, а ты не слышишь, не понимаешь. И в таком состоянии я прилегла, а напротив меня иконостас домашний. И я чувствую упорный взгляд, устремляю глаза в эту точку и вижу, что на меня смотрит преподобный Серафим. А надо сказать, что старец Николай очень почитал преподобного Серафима. Он все время его поминал. Как-то его спросили: «Ведь ваш небесный покровитель святитель Николай, а почему вы о преподобном Серафиме все время говорите?» — «Потому что мы с ним духовно близки».

И после этого взгляда преподобного Серафима я говорю Алексею: «Все, я поняла. Меня зовет преподобный к себе». Он посмеялся: «Ну, это все "бабьи догоны". Попостись, антидор утром съешь и все пройдет». А я говорю: «Нет, вот увидишь, завтра утром будет какой-нибудь знак». Так и было. Утром рано — звонок в дверь. Мы никого не ждали. Открываю — стоит наш знакомый иеромонах отец Климент из Ивановской епархии и говорит, хитро улыбаясь: «А я не один,

а я с преподобным». И достает точно такую же, как у нас, икону преподобного Серафима. Вот я Алексею и говорю: «Видишь, какие "бабьи догоны"?»

Вот тогда-то я и решила через тетю Нину батюшкино благословение спрашивать и просила ее запомнить в точности ответ. А батюшка сказал: «И Бог благословит, и я благословляю. А пути Господь поправит». Потому что у меня уже в голове было — с поезда в Арзамасе сойти и идти пешком до Дивеева. Крестный ход обычно бывает двадцать пять километров, идут два дня с остановками, а я решила идти шестьдесят за один день, чтобы успеть на престольный праздник — 1 августа.

И вот я приехала в Арзамас. Зашла в собор, простояла час на службе, взяла благословение, набрала просфор, святую воду в путь и пошла на просфорах и святой воде. Прошла двадцать километров и вот — «ноженьки мои неможеньки». Ступни распухли, босоножки давят. Хорошо, что у меня были ножницы, я ими босоножки разрезала и пошла дальше.

Надо сказать, что я в Дивееве раньше бывала не один раз. Но всякий раз «по-мажорски», бегом, на машине. И однажды нас в Дивееве одна женщина спросила: «А как вы сюда приехали?» — «На машине». — «А к Серафимушке-то надо пешком, лапоточки стоптать, так он сам сказал». Потому я и решила идти пешком. Я поняла, что это знак. Я верю в такие знаки, чтобы мне ни говорили.

И вот, когда я босоножки разрезала, я и говорю (так по-простому, знаю ведь, что слышит): «Ну что, преподобный, считается, что я лапоточки стоптала по дороге к тебе? Примешь меня?» Но потом еще десять километров прошла на «Богородичном правиле». А потом ноги вдруг встали, и все. Не могу двинуться с места. Ноги болят дико, слезы градом, но даже не от боли, а от обиды на то, что я не смогла пройти до конца. И тут я вспомнила слова старца: «А Господь пути подправит». И молюсь: «Божия Матерь, прости меня Христа ради, не смогла я дойти. Но, если Ты принимаешь мой подвиг, дай мне знак». И еще прибавила: «Но Ты знаешь, что я недоверчивая, так что лучше дай мне два знака». И только я так помолилась, как вдруг машина, едущая со стороны Дивеева, останавливается, дверца открывается: «Вы в Дивеево?» А следом за ней через секунду вторая машина останавливается. Я сажусь в первую машину. А ребята в ней меня спрашивают: «Простите, а вы не Ольга Кормухина?» — «Ребята, а как вы меня могли узнать-то?» — «Да вот узнали».

Они довезли меня до монастыря, я с трудом вылезла из машины. Еле плетусь, как инвалид ноги переставляю. И тут встретила свою костюмершу. Их целая бригада, все на дорогих машинах прикатили. Мы пошли к северному входу, а там толпа стоит, казаки никого не пускают. Наши стали продираться, а я отстала. Они стали кричать казакам: «Пустите, это с нами». А я слышу в себе голос: «Смирись».

Да еще и подумала: «У нас православные так за святыню бьются, что задавят, если в эту толпу лезть». И отошла к левой двери. Стою там одна. Молюсь преподобному, вернее, разговариваю, прошу ножки исцелить, чтобы Литургию отстоять. Ну, думаю, и не важно, что не приложилась, он ведь здесь, и так все слышит. Стою себе, и вдруг опять внутри голос: «Приготовься. Владыка идет». Ну, думаю: «Что это такое? Что это значит?»

И вдруг казаки всю толпу отстранили от мощей. И именно в левую дверь входит митрополит Николай, благословляет меня, за ним иконы несут, я ко всем прикладываюсь. Такая благодать, что меня аж зашатало. Поняла, что это меня преподобный утешил. Больше мне ничего и не нужно.

А дальше — больше. Встали мы в очередь к мощам. И вдруг монахини казакам говорят: «Вы посмотрите, человек немощный, с больными ногами, помогите ей. Приложите ее к мощам». И не успела я опомниться, как чувствую, что лицом уже на раке с мощами лежу.

Потом меня бережно подняли, отвели в сторону. Наутро я была как новая. Всю службу отстояла, и настолько ощущалось, что Богородица была там. Особенно когда митрополит перед чудотворной иконой стоял. Ощущалось, что он не просто перед иконой стоит, а Сама Матерь Божия здесь. Вместе с хором я всю Литургию пропела, там было много песнопений, которых я не знала, но мне как будто кто-то помогал. Я все

пропела на одном дыхании. И была такая благодать, я не побоюсь такого слова: «страшенная».

И вот мне нужно уезжать. Тороплюсь на поезд — завтра Пророк Илья — и вдруг такой ливень, я промокла до нитки, еле поймала машину, кое-как попала в вагон. Приезжаю, и тут буквально через день приезжает отец Климент со своей келейницей Алевтиной, которая была непростая, с прозорливостью. Мы с ними собрались на их машине ехать к отцу Николаю. Мы идем, и вдруг меня как-то качнуло, а Алевтина говорит: «Кормухина понесла». А когда мы приехали к отцу Николаю, он нас так помазал, как при соборовании. Мы еще думали, что это значит, что он нас так освятил?

То есть зачатие произошло сразу же после паломничества к преподобному Серафиму. А родилась дочка ровно через девять месяцев — в мае. И крестили мы ее, как батюшка благословил, сразу же после того, как мы вышли из роддома, на третий день после рождения. Это был день мученика Анатолия. Так мы ее и назвали. Как батюшка благословил — Тошей, Анатолией.

У батюшки не было никаких мелочей, которые не были бы открыты его прозорливости. Батюшка показывал, что ему все открыто, и укреплял, укреплял, укреплял нас. Ты только иди в том направлении, которое он указал, и все будет хорошо. Хотя бы шаг сделай в этом направлении, а там тебе помогут.

Я это, между прочим, ощутила и во время родов. Батюшка сказал: «Иди, но только делай

все по-простому». И я пошла по месту жительства, не пошла в эти супер-клиники, а сидела везде в очередях. Все, как у всех.

И за время моей беременности врачиха, которая меня вела, почти воцерковилась и была потрясена, что все развивается идеально. У молодых так не бывает. Потом меня напугали кесаревым сечением. И мы поехали к батюшке. А он был очень болен — у него был герпес, воспаление тройничного нерва, воспаление седалищного нерва. Он мучался дико! Никого не принимал. Но мы все-таки поехали. И вот стоим у калитки, ждем, когда выйдет Валентина Васильевна. А она не выходит. На улице мороз, я замерзла уже страшно, говорю Леше: «Пойдем домой». Не успели мы дойти, я говорю: «Пошли скорей назад». Он говорит: «Да ты что? Давай отогреемся». — «Пошли быстрее». И вот мы бежим, смотрим, останавливается машина у домика, выходит келейница, мать Николая. Я ей все рассказываю, реву. Она говорит: «Подожди». Ушла в домик, выходит с Иверской иконой Божией Матери, дает мне ее и передает слова старца: «Батюшка сказал, что все будет хорошо. Она тебе поможет». А я думаю: «Почему Иверская?» И стала вычислять, когда я буду рожать, какие мне сроки ставили. А потом в календаре посмотрела, что Иверская празднуется во вторник Светлой Седмицы. И говорю: «Леш, я знаю, когда я буду рожать, — это будет с 1 на 2 мая, когда начнется первая монастырская пятичасовая служба, тогда я и рожу». Кто мне это сказал, откуда я это знала? — только так и было.

Наш районный роддом внезапно закрыли на мойку, и мне пришлось-таки идти к знакомому врачу. Оказалось, что именно с 1 на 2 он дежурит. И именно в начале шестого утра 2 мая я родила дочку. При этом такая деталь: Леша начал читать акафист в пять утра, а когда он его закончил, то позвонил доктору: «Доктор, а может пора?» Доктор ко мне с вопросом идет, а девочка уже на свет появляется. Он даже сказал: «Ну, какое послушание отцу. С точностью до минуты». Самое удивительное, что нам поставили три десятки по состоянию здоровья и выписали на следующий день. И тут я еще вспомнила, как батюшка, когда я в очередной раз просилась в монастырь, хлопнул меня по щеке: «А ребеночка-то как же?» — «Батюшка, какой ребеночек!» И вот он появился. Даже когда батюшка был в затворе, ее брали к нему в келью, он ее благословлял, держал на руках. Выходила она все время с подарками от батюшки. А потом она до семи лет прожила на острове. Только когда в школу в первый класс настало время идти, мы вернулись в Москву.

Если все вспоминать, связанное с батюшкой, то и недели не хватит. И не все ведь расскажешь. Тут нужно всю свою жизнь в подробностях рассказывать. Как я однажды пришла к батюшке, жалуюсь: «Вот у меня проблема, которую я никак не могу решить». А он мне говорит: «А зачем ты тогда-то сказала такому-то человеку то-то и то-то? Вот за это потерпи теперь». Как в житиях святых прямо. Он имя назвал, все слова

повторил. Показал, что такое чистая совесть. Какими внимательными нужно быть!

У меня был такой случай. Хотя меня батюшка благословил уже венчаться, но я все-таки его несколько раз искушала: «А может все-таки в монастырь?» — «Нет, венчаться». — «А что же мне тогда делать, петь опять?» — «Пой». Тут я задумалась: «Что же петь? Ведь не рок-н-ролл же, как раньше? Наверное, надо какую-то классику. Хорошо бы с оркестром». И тут вдруг такое роскошное предложение мне — звонят из Министерства культуры и говорят: «Вам предлагают петь с оркестром Федосеева Бертольда Брехта "Семь смертных грехов"». Я думаю: «Вот это да! Чудеса, стоило только подумать — и сразу все исполняется! С оркестром, — и каким! С дирижером – мировой величиной!» Звоню батюшке и спрашиваю благословения. Батюшка ответил: «Делай, дело хорошее». Я тогда еще не понимала значения этого ответа. Что это вовсе не благословение, а попущение моей воле — это я считала, что дело хорошее. И батюшка благословил, и молился, чтобы я сама все потом поняла.

И вот беру я партитуру, читаю. И вдруг вижу слова, про которые сразу понимаю: «Нет, это я петь не могу». Что же делать? И петь такое не могу, и отказываться жалко, думаю: «Отдадут другой певице — меня "жаба задушит"». Спрашиваю батюшку, а он говорит: «"Жаба не задушит". Не отдадут». Так и вышло. Концерт, можно сказать, уже в последнюю минуту отменили. Оказывается, «Лукойл» обещанные деньги не

дал — и все лопнуло. Так и я не пела, но и другая певица не пела тоже. Это была хорошая школа, тренинг. Пройти через попытку выполнить свою волю и что-то понять.

Еще была подобная же ситуация. Я однажды решила написать рок-оперу о княгине Ольге. И говорю батюшка: «Я буду петь хриплым голосом, пока Ольга язычницей была, а потом, когда она уже стала христианкой, своим высоким голосом буду петь». И он так же ответил: «Делай, делай. Дело хорошее». Уже либретто начали писать. И тут у меня вдруг ступор наступил. Приезжаю к батюшке: «Не получается, батюшка. Думаю, как это я святую буду играть?» Тогда он говорит: «Ну конечно. Ну что это — она святая, а ты будешь про нее "тру-ля-ля"?»

Когда я сама до этого дошла, тогда только батюшка и открыл волю Божию. Вернее, не сама дошла, а по его молитвам. Он вообще учил думать. Он учил самим принимать решение. И это очень здорово. Потому что раньше было так, надо мной даже смеялись: «Кормухина на каждый чих благословение берет!» И я отвечала: «Да, на каждый чих, чтобы не повредиться». А батюшка учил, чтобы не на каждый чих благословляться, но и самой думать.

Незадолго до смерти батюшка передал нас другому духовнику, но связь со старцем мы постоянно чувствуем. Ведь он взял меня в духовные чада по-настоящему, соблюдая чин. Я трижды называла свое имя, он меня трижды спраши-

вал. А потом сказал: «Раба Божия Ольга, Оленька, беру тебя в духовные чада».

Это было вечером, а утром, я помню, я бежала к нему: «Это правда, что вы взяли меня в чада свои?» А спросить стесняюсь. А он взял меня за кичку из волос на голове и говорит: «Мои волоски, мои. Ты сама мне их отдала».

СТОПЫ МОЯ НАПРАВИ ПО СЛОВЕСИ ТВОЕМУ, ГОСПОДИ

Екатерина Краснобаева

Я выросла в религиозной семье. Моя бабушка и мама были церковными людьми. Хотя это было и советское время, но мама ничто же сумняшеся, садясь в поезд или даже в городской троллейбус и в трамвай, открыто крестилась: «Господи, благослови». Она постоянно молилась дома. Причем иконы у нас были старинные, родовые. В киоте одной из них лежал венчальный веночек из флердоранжа. Такие маленькие, сказочные цветочки, как капельки. И когда мама читала: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный...» я думала, что на самом деле это имеет какое-то отношение к тем цветам, которые лежат в иконе: «Цветы Боже, цветы крепкий...»

В школе я была пионеркой и комсомолкой, но веры своей не скрывала. Напротив нашей школы была церковь. И бывало так, что мама заходила со мной в школу с куличами и пасхой

и мы после уроков, на виду у всех, шли в храм освящать пасхальные приношения. Однажды батюшка на освящении так обильно покропил мой портфель, что все учебники и тетрадки промокли. После этого я стала круглой отличницей.

Так, живя в советском государстве, я даже не подозревала, что вера не приветствуется, запрещена. Узнала я об этом только после того, как мы с мужем повенчались. Меня вызвали в партком и сказали, что такой поступок как венчание в Церкви, не подобает советскому артисту. В то время я уже работала в Детском драматическом театре. А поступила я в театральный как будто случайно. После школы я не знала, кем мне быть, хотелось быть всем сразу: и учителем, и врачом, и художником, и всем на свете. А театральная профессия как раз давала такую возможность.

И вот я уже много лет работала в театре, все было нормально, спокойно. И вдруг меня почему-то стал мучить вопрос: а хорошим ли делом я занимаюсь? Тут мне попалось стихотворение иеромонаха Романа (Матюшина) «Лицедеям», и я совсем забеспокоилась. Решила искать отца Романа, чтобы спросить его, что же мне делать. Я слышала, что он монах Псково-Печерского монастыря. И вот мы с мужем и его мамой поехали в Печеры.

Там мы отстояли службу, приложились к святыням, и я своим говорю: «Мне тут нужно одного человека найти». Они на меня заругались, но согласились подождать. Стала я ходить от монаха к монаху, спрашивать, где найти иеромона-

ха Романа, и никто мне не смог ответить. Потом меня послали в сторожку. И там на мой вопрос грозно ответили: «А как вы думаете, монастырь и гитара совместимы? Его нет здесь». — «Что ж мне делать, я, можно сказать, по его стихотворению ушла из театра. Мне нужен совет». Я тогда уже подала заявление. В театре был шок, никто в то время добровольно из театра не уходил, считалось, что актер должен умереть на сцене.

После моего рассказа этот монах мне сказал: «Ну, это вам нужно к отцу Николаю на остров». И подробно объяснил мне, как туда добраться.

Я сказала мужу и свекрови, что мы сейчас едем к старцу, они стали спрашивать, зачем, но я сказала, что это мое личное дело. Мы поехали, плутали, проехали двадцать километров мимо поворота. Потом стали спрашивать людей, нам подсказали, как ехать. Родственники мои были очень недовольны, доехали со мной до берега озера, а плыть на остров отказались. Вероятно, еще и благодаря моим рассказам. Я им сказала, что надо плыть на необитаемый остров, там в землянке, глубоко закопанный, живет старец-отшельник и что он изредка выползает к людям и все про них говорит. А еще тот монах в монастыре мне сказал: «Имейте в виду, что вы можете приехать, постучать, а старец к вам не выйдет. Вы будете через дверь что-нибудь спрашивать, а он вам не ответит». Они после такого представления отца Николая ехать наотрез отказались.

На берегу стояли перевозчики, но так как попутчиков у меня не было, они не хотели перевозить меня через озеро — невыгодно. Я уже вернулась к своим, говорю: «Ну что ж, придется обратно ехать ни с чем». И вдруг один из перевозчиков бежит: «Я вас довезу. Пошли».

По дороге он мне очень много про старца рассказывал. Какие люди к нему ездят со всех концов земли, какие чудеса происходят. Про себя рассказал, как он попал в страшную автокатастрофу на своем МАЗе. У него была страшная травма головы, голова страшно болела. И батюшка его исцелил.

Эти рассказы как-то подготовили меня к встрече со старцем, до этого я ничего о нем не знала. Было это в 1995 году.

Мой провожатый оказался очень заботливым: когда мы приплыли на остров, он довел меня до домика старца. Ворота оказались запертыми, он сказал: «Сейчас я Валентину найду». Ушел, и вскоре действительно появилась келейница Валентина Васильевна.

Когда мы пришли, у калитки уже стояла одна девушка, очень благообразная, молитвенная, и три местные девчонки. Девушка оказалась иконописцем, и я про себя подумала: «Вот какие люди к старцу едут! А я кто?» А девчонки стали меня пугать: «Смотрите, старец может вас побить и отругать». Несколько раз это говорили.

Надо сказать, что в то время я еще очень хорошо и молодо выглядела и одевалась, как девушка. Вот я села так картинно-чинно у домика

на большой камень, достала какую-то книгу духовную, сижу, читаю. А про себя думаю: «Может быть, старец меня в окно видит, как я красиво тут сижу?»

И вот пришла мать Валентина, открыла домик. Мой перевозчик сообщил: «Я сказал, что вы из Москвы, что вам очень надо. Сейчас она попросит, чтобы старец вам ответил». Мы подошли к дверям. И тут произошло нечто удивительное. Когда дверь открылась, мне показалось, что оттуда, из домика, какой-то необыкновенный свет идет и дверь открылась с каким-то особенным звуком. А когда старец вышел, я поняла, что этот свет шел от него, он был какой-то прозрачный. Но когда он увидел меня, то сначала так сильно отшатнулся, потом руками взмахнул, как будто что-то ужасное увидел. А я стояла — хороша собой: стройная, в сарафане до пят, косица, косыночка. Но он от меня отшатнулся, как от чего-то ужасного. Мне стало страшно, но я решила держаться. Поклонилась ему и говорю: «Батюшка, благословите задать вопрос?»

А он резко сделал шаг вперед и начал бить меня по щекам и по голове. «Не благословляю, не благословляю, не благословляю!» И тут со мной произошло то, что, говорят, бывает, когда люди умирают — у них вся жизнь проходит перед мысленным взором. Так и я за одно мгновение все увидела, начиная от детства до того дня — 2 августа 1995 года. И после этого я подумала: «Мне отсюда выхода нет». Я почувствовала, что жизнь моя закончилась. И стало страшно, не

Памятный крест у Никольского храма

от того, что старец меня побил или так строго со мной говорит, — меня моя жизнь испугала, и показалось, что там тьма кромешная — и дальше хода нет.

И вдруг старец меня обнимает, берет за плечики и говорит: «Ты, поди, испугалась, когда я тебя побил? Ну, пойдем со мной, поговорим, побеседуем». — «Нет, я не испугалась». Хотя про себя подумала, что если старец не скажет, как мне дальше жить, я не знаю, что мне с собой делать — хоть в озеро кидайся. Какая-то страшная безысходность придавила. Мы сели на скамеечку. А я вдруг застеснялась. И говорю: «Вот та девушка — она вперед меня пришла». Не знаю сама, с кем я говорю, что старец сам знает, кому что нужно и когда. Но я очередь справедливую, советскую хочу восстановить. И потом ведь она — иконописец, а я — артистка.

А старец как будто и не слышит. И стал меня обо всем расспрашивать. Жалко, нужно было сразу все записать, потому что мы разговаривали минут сорок пять, а может, и более. А теперь я могу вспомнить только отдельные слова старца.

Он расспрашивал про все: сколько у меня детей, чем занимаюсь, какая семья. Спросил про родителей, я сказала, что они уже умерли. И он сказал: «Бедная, некому за тебя молиться». Я спрашиваю: «Как мне жить теперь?» А он: «Да тебе бы ребеночка, ребеночка надо». — «Да куда ж ребеночка? У меня двое детей и с большой разницей в возрасте. Последний ребенок три года

назад родился. Да и не молодка уж я». — «Да ну, а я-то думал, ты молодая». Потом я проговорилась, что муж у меня курит много. А он говорит: «А ты у него так с улыбочкой сигаретку-то из зубов вырви». А потом говорит: «Да у него уж и зубов-то, поди, не осталось». А у Юры действительно были когда-то белоснежные зубы, а от курения страшно почернели, испортились. Откуда старец это знал?

Еще один важный момент. Я сказала, что к свекрови напряженно отношусь и никак не могу ее назвать мамой. «А как ты называешь?» — «По имени-отчеству». И он меня опять по щекам стал бить: «Мамой называй, мамой называй. Ее сын — муж твой, ты должна ее мамой называть». Потом о детях меня стал подробно расспрашивать.

И в это время к нам подошла его крестница из местных, с двумя людьми. У одного молодого человека были очки от солнца надеты. Старец их снял и на себя надел. Такой смешной стал! У него очки были такие, как у кота Базилио в «Золотом ключике». Он надевает и спрашивает: «Ну, как тебе я? Какой я молодчик стал! Подари мне эти очки». А этот молодой человек не знает, кто такой старец и вроде как недоволен. А крестница эта ему шепчет: «Дурак, дурак, у тебя же зрение плохое, старец так тебя излечит». Я стала из сумочки свои очки вытаскивать, но он не взял. У меня-то зрение стопроцентное было.

А потом крестница спрашивает: «Батюшка, а жених-то мой в тюрьму попал! Что же мне де-

лать теперь? Венчаться или не венчаться?» Старец говорит: «Поезжай к нему, венчайся. Обязательно. Тюрьма — это такое благодатное место. Не бросай его».

Потом крестница спрашивает: «Батюшка, а как ваше здоровье, как вы себя чувствуете?» А он ей и говорит: «Да как мне себя чувствовать? Смотри, какая у меня тут молодка-красотка сидит!» — и показывает на меня. И несколько раз это повторил.

Крестница ушла, он все меня не отпускает, а мне неловко, я опять говорю: «Батюшка, а вот та девушка раньше меня пришла. Может, вы с ней теперь побеседуете?» Сама, дурочка, стала от него уходить.

В это время келейница вышла на порожек, и я подумала: «Надо мне, пока матушка Валентина на улице стоит, к ней подойти. Так мне старец полюбился. Хочу для него что-нибудь сделать. Надо ее спросить». И говорю: «Я пойду, с матушкой поговорю».

Отошла, а про себя думаю: «А ведь на главный-то мой вопрос по поводу профессии он мне ничего не сказал. Видно, по старости забыл. Ну ладно, не буду больше ему докучать».

Иду я к Валентине. Она, конечно, свое: «В пионерах была? В комсомоле была? Телевизор смотришь?» Все мне сказала, как каяться надо, телевизор выбросить и адрес дала для посылочки.

Я уже собралась уходить, а старец говорит: «Погоди, погоди, я тебя маслицем помажу».

И побежал к домику (именно побежал, батюшка был скорый такой) за маслицем. Вынес бутылочку со скрепочкой, помазал меня, благословил. Я уже к калитке пошла, и вдруг он мне вдогонку говорит: «А туда ты не возвращайся». Я поняла, что это о театре, я ведь уже заявление подала, а меня просили вернуться.

И еще я спросила: «А куда мне идти? Как я узнаю, что Господу угодно?» — «А ты ходи и молись: "Стопы моя направи по словеси Твоему, Господи". Ходи и все время повторяй эту молитву». Так потом и получилось — Господь все управил.

Вернулась я в Москву и адрес батюшкин потеряла. И тут вспомнила, что однажды в Даниловом монастыре ко мне подходила одна женщина и говорила: «Дайте денежку. Для старца собираю, он тяжело очень живет, ему нужна помощь». А я, наученная тем, что так ходят, собирают, а деньги потом неизвестно куда попадут, не дала ей, а сказала: «Дайте мне адрес. Я сама пошлю». И записала его в какую-то книжку. Стала вспоминать: куда же? И тут же нашла малюсенький букварь детский, читаю: «Псковская область, Гдовский район...» И понимаю — это то, что мне нужно. Но решила, что посылка по почте не дойдет, надо искать какую-то оказию. И вот я ехала в автобусе со своей младшей дочкой, и какая-то женщина ходила по автобусу и просила помощь. Я ничего не дала, подумала: «Какие-то цыгане ходят». Она стала выходить, и моей дочери Василисе вдруг дала мандарин и говорит: «Ты это

съешь, а корочки не выбрасывай. Это со Святой Горы Афон мне прислали». Я так и ахнула: «Вот как я о людях думаю! Какая я злая! Надо было этой женщине что-то дать, а я не дала. Вот бы ее еще встретить!» И вот через неделю еду я опять в том же автобусе и вижу эту же женщину. Я обрадовалась, кричу ей: «Стойте, я хочу вам что-то дать!» А она говорит: «Хорошо. Только я спешу. На остров Залит едет автобус, мне надо туда передать посылку».

Я бросилась расспрашивать: «Когда, откуда?» Она мне назвала адрес храма, время. Я быстро собрала посылку, успела лекарство купить, которое Валентина просила, — у батюшки были сильные головные боли. Вложила (вот глупая!) свою фотографию в посылку, чтобы батюшка меня вспомнил, и написала ему письмо.

Дело в том, что в театре у меня сложилась такая ситуация: я написала заявление об увольнении и осталась без средств к существованию. А профессии у меня никакой другой нет, ничего я не умею. Я узнала, что по закону актеры детских театров, которые играют девочек и мальчиков, могут, как и балерины, уходить на пенсию в 35 лет. Но оказалось, что я оформлена в театре не как «травести» (актер детских ролей) и мне такая пенсия не полагается. Что же делать?

Я так батюшке и написала: «Что же мне делать? Я без средств к существованию. В театре мне категорически сказали: или обратно возвращайся, или ни на что не надейся. Ни на

какую пенсию». И отправила это письмо с фотографией в посылке.

И вдруг, как только дошла моя посылка, мне звонят из театра: «Приходи». Оказалось, что они собрали всех моих педагогов, у которых я училась, собрали худсовет, собрали все мои афиши. И сделали невозможное: оформили меня задним числом как «травести» и оформили приказ о творческой пенсии.

Правда, потом в собесе не могли понять: что такое, вам ничего не положено, вы молодая, вы над нами смеетесь? Я стала тут батюшке молиться: «Отец Николай, помоги». И вдруг опять звонят из собеса: «Простите. Мы не знали, навели справки, приходите, будем вам пенсию оформлять». Все оформили.

Но я немножко скучала. Ведь недаром же Господь дает Свои дары. И вот я попала на радио «Радонеж». Читаю там художественные тексты. Первый диск свой я записала с чтением «Богомолья» Ивана Сергеевича Шмелева. Это была такая радость! И что же оказалось — эта книга заканчивается такими словами: «А ну-ка, Федя, запой тропарек подушевней». И Федя запевает: «Стопы моя направи по словеси Твоему, Господи. Да не обладает мною всякое беззаконие». И я поняла, что пришла именно туда, куда мне надо.

Но молитву, которую старец благословил, все-таки иногда продолжала читать. И вдруг однажды наш батюшка говорит мне: «А почему ты у нас не читаешь?» — «А как я могу читать, я церковнославянский язык не знаю». А он все

равно говорит: «Приходи и читай». И один раз сказал: «Готовься. Завтра будешь читать Шестопсалмие».

Так я стала читать в нашей церкви и не только Шестопсалмие, но и Часы. И однажды читаю Первый час, а в него как раз этот псалом входит: «Стопы моя направи по словеси Твоему, Господи». И в этот момент пришла какая-то женщина, подошла к батюшке и что-то ему дала. И вдруг батюшка проходит мимо клироса (а нас там много стояло народу) и говорит: «Катя, возьми». И протягивает мне фотографию, которую ему передала та женщина. Я смотрю, а на фотографии — отец Николай!

Я подумала: почему он именно мне эту фотографию дал? И я поняла вдруг, что это сам батюшка отец Николай опять дает мне ответ на мои вопросы о том, чем мне заниматься, — я на правильном пути, хорошо, что в храме читаю. Я знаю, что батюшка меня не оставляет и ведет, я всегда теперь с его портретиком хожу и по-прежнему повторяю: «Стопы моя направи по словеси Твоему, Господи. Да не обладает мною всякое беззаконие».

ПИСЬМА СТАРЦА НИКОЛАЯ

27/VIII-1969г.

Достопочтенная Мария Никитична!

Мы оба с Маменькой приносим Вам холодную благодарность за аккуратную теплую кухонную плиточку. И одновременно ставим Вам на вид, что эта печечка не только будет нам варить и жарить пищу, но и отревать нашу скромную старость в вьюжную зимнюю пору. Вьюги-то у нас бывают через-чур сильными, т.к. не только молниеносно при топке выносится дым из труб, но и целые горящие угли из печей. Вот тогда-то Ваша щедрость соблаговолит божию службу нашему расположению к Вашему дару, а пока мы взъерошаны.

Очень лестно за Ваши отзывы за наше гостеприимство и неудобства в Вашу бытность под кровлей нашего маленького домика. Простите за всё! С глубоким почтением и земным поклоном ко Всем Вам-

Малушка и я.

К ВЕРЕ СЕРГЕЕВНЕ[24]

12/I—1961

Я и мама сердечно благодарим Вас за память, выразившуюся в Ваших любвеобильных праздничных приветствиях. Спаси Вас Господи!

И мы в свою очередь Вас, Боголюбивая Вера Сергиевна, приветствуем с Новолетием и великим Праздником Богоявления. Желаем Вам успеха в работе и Божией милости во всех переживаниях. Помоги Вам Господи!

Ваши вздохи считаю ненужной пустотой. Кто отстал от Вас — не жалейте и не забывайте то, что «всяк человек ложь» и я тож. Тем более, что Вы человек труда, а труд-то и есть для Вас самый честный друг. Кроме того, Вы живете в Боге, с Богом и для Бога, что оставившим Вас не по пути с Вами. В первую очередь любите труд, Отечество, человека и помните изречение Слова Божия: «Трудящийся да яст», то есть кто работает, тот и ест.

Вам желательно видеть меня, и если Господь благословит мне быть у Вас, то я обязательно навещу Вас, только вся беда в том, что я в настоящее время никуда не могу выехать, т. к. из-за тепла к нам и от нас нет дороги.

---

[24] Фамилия и данные адресата не установлены.

В помощь и на утешение к сему письму прилагаю святой Образ Ц[арицы] Н[ебесной], Которая есть Ваш лучший друг.

Мир и Божие благословение буди со всеми Вами — я и Мама.

5/VI—1962

Достоуважаемая Вера Сергиевна! Сердечно благодарствуем Вашу Милость за столь любезное внимание к нашим недостоинствам. Спаси Вас Господи!

Не огорчайтесь, Роднуша, за посещение неприятностей, это — спутники жизни в наших оздоровлениях. Что делать, иногда и выговорок необходим в предстоящих возможностях нашего душевного мира. На ошибках учимся.

Старый друг — лучше новых двух. Но гораздо законнее беседовать не с подружкой, а с подушкой. Тем более у Вас есть роднейший и самый ближайший друг — законный и Богом данный Супруг — оба Вы неразделимая и неделимая единица. Горе и радость — все пополам. Придерживайтесь голоса друг к другу и тако исполняйте Закон Творца. Помоги Вам Господи!

За кафизмой в равной мере помните Сергия и Евдокию. И вместе с ними поминайте иерея Иакова. Распорядок дня ведите в плане Ваших начертаний. То есть как изложен Вами в письме. Перегрузки ни к чему доброму не приведут, как только к усталому разочарованию и ненормальному отчаянию.

Отдых используйте по соображению Ваших предположений. Однако всеми возможностями старайтесь согласоваться с местом Вашей работы, т. е. любите и уважайте Ваш цех. Он для Вас и Вы для него чересчур полезны.

Наши здоровья сносны. Движемся по хозяйству. Зеленеем. Я очень люблю растительный мир и много для него посвящаю времени.

С глубоким почтением и благодарностью к Вам обоим — я с Мамой.

6/VII—1963

Вера Сергиевна! Благодарствуем Вас за память.

И для Вас не будет лишним вместе с добрым супругом, Александром Ивановичем, прокатиться на крайний юг. Только бы из-за этой бархатной поездки не потерять места, для Вас весьма ценного. Не потеряйте! Потеряете — не найдете.

Ваше желание при желании можете обуденочком исполнить. Подумаете — такая даль, да ведь Евфросиния Ивановна не за горами. Экая оказия, себя покажете и своих повидаете. Покрыли головушку клетчатым платочком и был таков. Ранним утром в субботу у Зубковой и ранним утром в понедельник от нее. Побываете три раза в музее.

Моя мамушка всю жизнь любила самоварчик с крутым кипяточком, заваривала крепенький чаечек и пила с терпением. Так что Вы не удивляйтесь и не обижайтесь на t, без этих градусов самовар мертв.

Наши здоровья вполне удовлетворимы и бездождие не вредит нашим плечам, на которых носим по несколько узношьев каждый день. Поливка!

Ваши родные друзья.

9/IX—1969

Наши милые и родные! Благодарствуем Вас за путевую весточку и оба мы с Маменькой радуемся за Ваше благополучное путешествие. Хочется думать, что Ваша прогулочка не переутомила Вас и Вам до сих пор не прийти в себя от наших «удобств», особенно досталось Верушке Сергиевне. Простите, за все простите! И от нас приветствуйте Ваших и наших Друзей.

На здоровья пока не жалуемся, по силе возможности справляемся со своими обязанностями и одновременно благодушествуем за зеленых друзей — чувствуют они себя прекрасно и выглядят по-весеннему. Перед наступлениями заморозков туечку пересажу ближе к домику.

А пока Вам обоим кланяемся до сырой землицы, не судите и за все простите наши неаккуратности.

С любовию к Вам — Мама и я.

***

Боголюбезная Вера Сергиевна! Сердечно благодарим Вас за радушие и дорогой гостинец. И одновременно большое Вам спасибо за Ваше внимание быть полезной. Однако мы до сих пор

ни в чем не нуждаемся и за все благодарим Милосердие Божие.

Очень радуемся за Ваш покой, а о лишних друзьях Вы меньше всего беспокойтесь — уехала и слава Богу. Свет Божий не без добрых людей. И Вы, в свою очередь, будьте со всеми в любви и светлой радости. Каждый день провожайте в добром союзе и мире со всяким человеком, помня, что человек человеку друг, брат. С плачущим плачьте, с радующимися радуйтесь — «Друг друга тяготы несите и тако исполните Закон Христов».

За папеньку Вашего доволен — молитесь. И мы будем там.

От нас приветствуйте Вашего Супруга, **друзей воздержитесь — разговор серебро, молчание золото**. Если желательно, то Ваш визит приурочьте к первому мая.

Мы сейчас живем в окружении снега и льдов. Дрова есть, свет хорош. И здоровья сносны. Помним всех Вас.

Ваши друзья.

14/XII—1972

Досточтимые мои родные Друзья! Приношу Вам глубокую благодарность за весточку, из которой чувствую недомогание Александра Ивановича и тут же не теряю надежды, что эта болезнь скоро пройдет, т. к. после плохого всегда приходит достойное — хорошее по-хорошему. Не скорбите и не обижайтесь на зимнюю погодку, что похожа на среднеосеннюю.

За неимением Вашего адреса я как-то через Е. В. писал Вам, думаю, что получили, дошло.

Спасибо, я пока чувствую себя хорошо. Зимушку встречать буду в полной подготовленности. Кампанулка еще зеленеет, не цветет. Напишите, где и как Вы держите ее на покое. От Вас поклончик передал Мамочке, и она, в свою очередь, кланяется Вам. А вместе с Мамой кланяюсь и я обоим Вам.

Сбоку приписка: У нас тепло и много цветов в саду. Однако птиц подкармл[иваем].

Сейчас сидим дома, т. к. пароход давно не ходит, а другой транспорт многим не под силу.

Предполагал быть в Ваших краях после седьмого ноября, да, к моему несчастию, как раз в самый день праздника потерпел крохотный удар в физиономию, через что вынужден был отложить поездку до будущего года, который уже не за горами.

Вера Сергиевна, мой совет Вашим желаниям — крепенько сидеть на Садовой. Сидите, а если будете вынуждены по каким-либо причинам оставить свою милую квартирку, то обязательно тут же, поблизости, переходите из старых в старенький домик. Окраина не прибавит для Вас кислорода.

Примите мой сердечный привет и низенько поклонитесь Вашим Друзьям.

Частенько вспоминаю Всех Вас и радуюсь Вашим благополучиям. Ваш брат.

Сбоку приписка: Ни в чем не нуждаюсь. Есть и корм для птиц. Липуня здоров. Пишите.

4/I—1974

Боголюбезнейшая Вера Сергиевна!

Приветствуем Вас с Великим праздником Рождества Христова и Новолетия! И одновременно благодарю за бандерольку, которой содержимое с большой благодарностью добрый человек взял за себя. Стоимость возвращу при оказии.

Не скорбите, Родная, за здоровье Супруга. Даст Господь, отступит и от Александра Ивановича немощь. А пока нужно смириться с положением. Есть люди еще с большими несчастьями. Спаси и помоги Вам Господи!

Вашими святыми молитвами я пока держусь и креплюсь на послушании. Иначе нельзя, т. к. моего дела никто не будет вершить. Правда, руки недомогают, но пока терпимо. Буду как-нибудь держаться до больших дней. По теплу наступлю на свою болячку с гневом и трепетом. И с помощью Неба к лету постараюсь быть «здоровым». Все упование мое возлагаю на Милость Божию.

Было нас совсем засыпало снежком, а теперь на этих днях теплом целая половина снегу убавилась. До сих пор у нас непролазная бездорожица. Добрые людчики до материка добираются пеше. Помоги им Господи!

Милость Божия, что по лету запас корм для крылатых друзей. Теперь радостно моему недостоинству за моих посетителей, что они отлетают от меня сытыми. Иначе — были бы огромные слезы и неутешная печаль для меня и птиц. Особо радуют меня синицы. Боже, сколько в мире

красивого. Природа, Природа, ты для нас дорога в Невечерний день.

Ваш брат.

20/VII—1974

Мои милые родные Верушка Сергиевна с семейными, здравствуйте! И я, и Вы это время не пишемся, за что великая слава Господу. Разговор серебро, а молчание золото. Оно действительно так и есть, что все как будто стоит на месте. Однако на самом деле не так — все течет и изменяется.

Вот и я сегодня не тот, каков был вчера. Это время малость недомогаю, хотя с делами укладываюсь в норме. Особенно не отстаю от жизни в кругу зеленых друзей. Ведь в этом году, как никогда, их обильно орошает дождик, через что мои зеленые красавцы выглядят прекрасно и выросли. Помогаю больным пташкам. Все, все меня радует и за все благодарю Господа. Прошу Ваших святых молитв, земно кланяюсь Вам с Супругом и остаюсь с надеждой на спасение.

Ваш брат о. Н. с Липушей.

Сентябрь 1977

Боголюбезнейшая Вера Сергиевна! Поздравляем Вас с днем Вашего Ангела, а Супруга, достолюбезного Александра Ивановича — с родной и дорогой Именинницей. По молитвам Вашей Небесной Покровительницы да хранит Всех Вас Господь в добром здравии долгия годы на радость Веры христианина.

Добрейшая Верушка Сергиевна, просим Вас не обижаться на молчания наших возможностей. Как видно, так Богу надо. Молитвенно мы всегда с Вами. Помолитесь и Вы о наших недостоинствах.

С любовию о Господе и наилучшими благопожеланиями к Вашим Боголюбиям, Анастасия, Тамара, Наталья В. и б. Николай с Липуней.

Четверг, 30/IX—1982

Боголюбезнейшая сестрица Верушка Сергиевна, молитвенно поздравляем Вас с днем Ангела, а супруга Александра Ивановича, друзей и Ваших почитателей — с родной и достопочтенной Именинницей. По молитвам Вашей Небесной Покровительницы, да хранит всех Вас Господь во благо святого Православия в доброздравии от всех бед и печалей на долгая, многая лета!

С любовию о Господе к Вашим Боголюбиям — пр. Николай, Наталья Васильевна и Анастасия с Раисой.

К МАРИИ НИКИТИЧНЕ[25]

27/VIII—1969

Достонепослушливая Мария Никитична!

Мы оба с Маменькой приносим Вам холодную благодарность за аккуратную теплую кухонную плиточку. И одновременно ставим Вам на вид, что эта печечка не только будет нам варить и жарить пищу, но и огревать нашу скромную старость в вьюжную зимнюю пору. Вьюги-то у нас бывают чересчур сильными, то есть не только молниеносно при топке выносится дым из труб, но и целые горящие угли из печей. Вот тогда-то Ваша щедрость сослужит большую службу нашему расположению к Вашему дару, а пока мы взъерошены.

Очень лестно за Ваши отзывы за наше гостеприимство и неудобства в Вашу бытность под кровлей нашего маленького домика. Простите за все!

С глубоким почтением и земным поклоном ко Всем Вам — Мамушка и я.

---

[25] Фамилия и данные адресата не установлены.

3/1—1976

Достопочтенная Мария Никитична.

Поздравляю Вас с светлым праздником Рождества Христова и Новолетием! Да ниспошлет Вам Богомладенец Христос здоровие телесное, душевный покой и духовную радость по силе возможности помогать Крест нести Елисавете Васильевне. Помоги ей Господи отянуться и еще нас порадовать желанным гостеприимством.

Мне весьма желательно побывать в Ваших краях и лицом к лицу побеседовать с Вами. Рассказать свою жизнь в путах и оковах человеческих недопониманий. И вместе — троечкой, из глаз пустить слезу горькой горечи. Однако эта горечь вполне по времени и нашим недостоинствам, «претерпевый до конца спасен будет». Все это меня радует и за все благодарю Милосердие Неба. Прошу Ваших святых молитв, которыми я только и существую. И всегда говорю: «Слава Богу за все». Это слова святого Иоанна Златоустого.

Здоровьем не хвастаюсь и не обижаюсь. Старость богата дарами для человека неудобоваримыми. Однако возраст, и я мирюсь.

Как и всегда, питаю крылатых друзей. С первой половины ноября птичья столовая аккуратно работает. Большие обслуживаются с полдесятого утра, малые же воробушки с трех часов дня. Всех посетителей ежедневно бывает больше трехсот. Корму большой запас, хватит до тепла. Все это меня радует и за все благодарю Бога.

Милая сестрица, только, пожалуйста, ничего ни бандерольного, ни посылочного не шлите. Все это для меня огненный бич. *Критика.* **А главное, я ни в чем не нуждаюсь.**

Мой земной поклон Вам и Е. В. Молитесь, ее Господь исцелит.

Ваш брат о. Николай.

30/VIII—1976

Милая сестрица Мария Никитична!

Очень был рад Вашей весточке, так как у меня адресок-то Ваш затерян.

Да, роднуша, все наши благодатные друзья от нас уходят, а скорее ушли. Однако не будем сетовать, так как и мы там скоро будем. Через край жалко р. Б. Елисаветушку, и в наших жалостях будем продолжать нашу молитву о милых друзьях нашего сердца. Помяни их, Господи! Я с ранней весны и до сих пор связан с ремонтами. И благодарю Господа, дела идут хорошо.

На здоровье не жалуюсь, так как годы дают о себе знать. Поклонитесь на могилочке р. Б. Ел. и помолитесь за мое недостоинство.

Ваш брат о. Н[иколай].

Июль 1977

Добрейшая Мария Никитична!

В день святой Равноапостольной Ольги особенно помолитесь за нашу драгоценную р. Б. Ольгу Стефановну. Помяни ее, Господи!

И одновременно памятовали и о Вашем Боголюбии. Не обижайтесь, роднуша, что не пишу, устал. Но молитвенно всегда со всеми Вами. Очень устаю, через что частенько прикладываюсь к кроватке и приемов избегаю. Настало время самому до себя, даже писать разучился. Вашими святыми молитвами вот так и живу. И усерднейше взываю к Заступнице: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою. Подаждь и нам, недостойным, росу Благодати Твоея и яви Милосердие Твое!» Да хранит Вас Бог.

С любовию и благодарностию к Вам
Ваш брат о. Н[иколай].

***

Боголюбезнейшая сестрица Мария Никитична!

Поздравляю Вас с Великим Праздником Рождества Христова, Новолетия. И одновременно молитвенно приветствую Вас дивным гимном святых Ангелов в тихую Ночь Рождения Христова: «Слава в Вышних Богу, и на земли мир».

Милая сестрица, принесем в жертву Спасителю нашему все свои лучшие чувства: волю, любящее сердце, крепкую Веру. И будет пребывать Господь в сердцах наших ныне и во веки.

Мир Вам и Божие Благословение.

Ваш брат и почитатель
см[иренный] Николай.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА 5

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ НИКОЛАЕ ГУРЬЯНОВЕ 103

Записки о старце Николае, составленные его духовным чадом, грешным иеромонахом N. 105

Свидетельство давнего сомолитвенника старца Николая. Протоиерей Олег Тэор 160

Уроки старца. Архимандрит Кенсорин..... 167

У старцев нужно учиться молитве. Протоиерей Николай Голубев 169

В память о незабвенном старце отце Николае Гурьянове. Протоиерей Владимир Степанов 174

Иерусалимский крест. Игумения Георгия 184

Великий дар — прозорливость. Игумен Роман (Загребнев)..... 194

Мы обречены на Вечность. Священник Алексий (Лихачев)..... 195

Иди в мир, Платонушка. Игумен Николай (Парамонов) 212

Незабываемый наш отец.
Е. А. Руткаускайте 219

Воспоминания о старце Николае Гурьянове.
Анна Ивановна Трусова 240

Старец был прежде всего утешителем.
Наталия Александровна Лукина 251

Старец Николай в моей жизни.
Владимир Алексеевич Непомнящих 259

Образ святости.
Людмила Иванова, церковный фотограф 274

Зри мое смирение.
Молитвенник за весь мир. Елизавета 280

«Наставниче монахов». Инокиня Надежда 295

Воспоминания Г. 298

По благословению старца.
Сергей Евгеньевич Васильев 307

Одна встреча, перевернувшая жизнь 311

История одного паломничества. Д. А. Левашов... 314

Девять встреч. Воспоминания об отце
Николае Гурьянове Емилиана Лашина 318

Путеводная звезда. Алексей Белов 369

Господь пути поправит... Ольга Кормухина 397

Стопы моя направи по словеси Твоему,
Господи. Екатерина Краснобаева 418

ПИСЬМА СТАРЦА
НИКОЛАЯ ГУРЬЯНОВА 431

Дорогие читатели!
Ваши отзывы о книге просим присылать
на адрес издательства «ЛАДАН»:
Санкт-Петербург, 196105, а/я 93
Ladan_SPb@mail.ru

ОСТРОВ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

Протоиерей Николай Гурьянов

Составитель
Л. А. Ильюнина

Редактор
Н. И. Никонов

Корректор
Е. Н. Соколова

Оригинал-макет
М. В. Кагарлицкой, О. Ю. Колчиной

Сдано в набор 15.05.08
Подписано в печать 22.05.08
Формат 84x108 1/32. Тираж 10000 экз.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14
Заказ 9541.

Издательство «ЛАДАН»
Издательство «ТРОИЦКАЯ ШКОЛА»
Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
тел. +7 (812) 334-13-60

Отдел реализации, магазин: Санкт-Петербург, ул. Решетникова, 13
тел./факс +7 (812) 388-59-89
Для корреспонденции: Ladan_SPb@mail.ru
Книга почтой, интернет-магазин: www. LadanSPb.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15